

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2022. ТОМ 2. №2(4)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е.(Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психология РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
<https://scientific-letters.ru>

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2022. Том 2. № 2(4)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора 2

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Розов Н.С.

Эволюционное обретение языка и сознания
через обновление порядков, забот и практик 3

Сухарев А.В.

Концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса:
философские основания и перспективы применения в психологии 15

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Соловьев Н.А.

Структура сознания и квантовая парадигма29

Мустафина Л.Ш.

Структура социальных представлений о совести
у верующих и неверующих старшеклассников 47

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Демченко А.М., Кремнев В.В., Неверов А.Н., Неверова А.В., Пьяных Д.С.

Доверие к источникам информации в условиях ее избыточности:
экономико-психологический и нейроэкономический аспекты 64

Аксеновская Л.Н.

Ордерный подход к социально-психологическому изучению
организационной культуры: новые вопросы и тенденции развития 79

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Гордякова О.В.

История развития психологии рекламы в России конца XIX – начала XX века90

ДИСКУССИИ

Веллер М.И.

Психология энергоэволюционизма как мотивационный механизм движения истории 97

Уважаемые коллеги!

В этот номер журнала «Учёные записки Института психологии РАН» вошли публикации наиболее активных участников Академического дискуссионного клуба ИП РАН, которые либо выступали по темам этих публикаций с отдельными докладами, либо принимали участие в дискуссиях на другие темы. В номере публикуются статьи по таким сложным и актуальным для фундаментальной науки направлениям, как эволюции психики и сознания, природа сознания, философия и методология науки, феномен совести и другие.

В журнале представлено несколько новых подходов к изучению наиболее сложных психологических явлений. В частности, в статье доктора психологических наук Н.С. Розова предложена модель эволюции языка и сознания, а в работе кандидата физико-математических наук Н.А. Соловьева – оригинальная теория сознания, разработанная на основе квантовой парадигмы. Доктор психологических наук А.В. Сухарев знакомит читателей с этнофункциональным подходом к пониманию природы сознания и личности.

В номере также опубликованы: статья по истории психологии рекламы кандидата психологических наук О.В. Гордяковой, по проблемам психологии личности - кандидата психологических наук Л.Ш. Мустафиной, статьи наших коллег ученых из г. Саратова. Это коллективная работа группы авторов под руководством доктора экономических наук А.Н. Неверова по экономической психологии и отдельная работа доктора психологических наук Л.Н. Аксеновской по организационной психологии, в которой предлагается оригинальный подход к изучению организационной культуры на основе категории духовности.

В качестве дискуссионной в номер включена статья писателя и философа М.И. Веллера, написанная им по тексту выступления на одном из последних заседаний Академического дискуссионного клуба ИП РАН.

Размещая эти материалы, мы старались сохранить авторский стиль публикаций, не вмешиваясь ни в содержание, ни в форму его изложения, максимально осторожно относились к новой терминологии авторов, учитывали индивидуальность каждого. Надеемся, что представленные работы заинтересует не только узких специалистов, но и, возможно, привлекут более широкий круг психологов, интересующихся проблемами фундаментальной науки.

Мы приглашаем коллег к выступлениям на заседаниях Академического дискуссионного клуба ИП РАН, а также к работе журнала в качестве авторов и рецензентов.

Коллеги, следите за объявлениями о новых заседаниях Клуба на сайте ИП РАН, присылайте нам свои публикации на адрес журнала: scientificnotesipras@gmail.com

С огромным уважением к читателям,
главный редактор журнала
«Ученые записки Института психологии РАН»
д.пс.н. Лебедев А.Н.

Методология и теория психологии

ЭВОЛЮЦИОННОЕ ОБРЕТЕНИЕ ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ОБНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКОВ, ЗАБОТ И ПРАКТИК

© Розов Н.С.

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук
(ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия,
nrozov@gmail.com

Модель социально-символической детерминации психики применена для объяснения подъема гоминид и ранних сапиенсов по ступеням глоттогенеза и ноогенеза — происхождения, ранней эволюции языка и сознания. Каждый подъем трактуется как обретение особых речевых и когнитивных способностей — частей практик, появившихся для обеспечения новых забот. Реконструкция ведется на основе концептов и постулатов модели: «способности из практик», «практики из вызовов и забот», «вызовы и заботы из обновления социальных порядков и техноприродных ниш», «обновление порядков и ниш из практик, обеспеченных новыми способностями». На уровне ультрамикроскопических (в ситуациях «здесь и сейчас») указанные процессы реализовались через механизмы интерактивных ритуалов, интериоризации, положительного и отрицательного подкрепления проб (поведенческий отбор). На более высоких уровнях действовали другие типы отбора: индивидуальный половой, межгрупповой, межвидовой.

Ключевые слова: речевые способности, когнитивные способности, глоттогенез, ноогенез, коммуникативные заботы, интерактивный ритуал, интериоризация, установка, сознание, структура «Я», воля, социальный порядок, социоприродная ниша

Главная трудность палеопсихологии и подход к ее преодолению

Труднейшим препятствием для психологического изучения ранней эволюции человеческого сознания является полное отсутствие прямых данных о психике и коммуникации гоминид. Научная психология выделилась из философии (начиная с первой лаборатории В. Вундта) и получила свою идентичность, законную автономию, прежде всего, как опытная, экспериментальная наука. Если нельзя проводить наблюдения и эксперименты, то любые рассуждения о психике предков человека представляются в этом плане сугубо умозрительными, выходящими за рамки «настоящей» — положительной науки.

Понимание этого реального и серьезного ограничения никак не отменяет значимости эволюционной природы устройства человеческой психики. В последние десятилетия происходит бурный рост полноценных научных исследований происхождения языка (глоттогенеза) [1; 8; 10; 11; 14; 15; 20] притом что (прото) вербальная активность гоминид не оставила никаких прямых следов, равно как их психические процессы.

Палеоантропологи и палеолингвисты используют косвенные данные, которые крайне многообразны: орудия, костные останки, следы стоянок, захоронения, изобразительная деятельность, палеогенетика, палеоклиматология, эксперименты с шимпанзе и бонобо, этнографические сведения об охотниках-собирателях. Также активно используются аналогии и проводятся

эксперименты с детьми, осваивающими родной язык, с взрослыми, которые обучаются второму языку, со страдающими разными формами афазии. Испытуемых заставляют общаться посредством незнакомых слов или символов, проводятся даже эксперименты с коммуницирующими между собой роботами, развивается компьютерное моделирование [8, с. 44-47].

Вообще говоря, указанные эмпирические сферы отнюдь не являются чужими и чуждыми для современной психологии, а это значит, что изучение ранней эволюции психики и сознания (палеопсихология) вовсе не обречено на пустое фантазирование. Данное направление способно не только воспользоваться существенными идеями и результатами исследований глоттогенеза, но и со своей стороны сделать немалый вклад для продвижения в общей тематике когнитивной эволюции, ментального и культурного аспектов антропогенеза.

Современные парадигмы глоттогенеза и ноогенеза

Упорядочим крайне пестрое разнообразие концепций происхождения языка и сознания как тяготеющих к трем парадигмам, ядро которых составляют следующие представления.

- *Континуалистская биологизаторская парадигма* [6; 11; 19]. Здесь не признается «языковой Рубикон», отличающий человеческий язык от коммуникативных систем животных. Есть многообразие черт «языков животных», среди которых обнаружены аналоги свойств человеческого языка. Сознание будто бы тоже есть у животных, по крайней мере у высших, поэтому разница с человеческим сознанием только количественная. Все эти различия постепенно сокращались благодаря случайным мутациям и естественному отбору. Никакого выхода за пределы биологических закономерностей не требуется.

- *Сальтационистская когнитивистская парадигма* (Н. Хомский, ранние работы Д. Бикертона [8, с. 10, 255]), напротив, исходит из принципиальности и эволюционной непреодолимости языкового Рубикона, а также границы

между психикой животных и сознанием, разумом человека. Какие-то катастрофы (неизвестные мутации или их серии) привели гоминид к разумности и только затем к языку для обеспечения разума. Здесь объяснения ведутся на основе знаний о человеческих речевых и когнитивных способностях, кардинально отличных от любых аналогов в мире животных.

- *Многоступенчатая эосоциальная парадигма* [1; 8; 10; 14; 17; 20]. Признаются «языковой Рубикон» и уникальность человеческого сознания. Этот разрыв с коммуникативными системами и психикой животных преодолевается через последовательность ступеней и многоуровневый отбор.

Выбираем в качестве наиболее перспективной третью парадигму, положения которой соответствуют принципам зон ближайшего эволюционного развития и отсутствия больших эволюционных разрывов [9]. Вообще для разных форм эволюции характерно перемежение формативных периодов с ускоренным развитием (подъемов на новую ступень), относительно спокойных периодов распространения новых структур, накопления напряжений и потенциальных ингредиентов (пологий рост на каждой ступени), кризисов с бурными процессами поиска и складывания новых разнообразных форм (отбор самых успешных ведет к новому подъему) [8, с. 37-40].

Спираль эволюции и подход к реконструкции ноогенеза

Развитие способностей и установок сознания (ноогенез) предполагается тесно сопряженным, взаимообусловленным с развитием речевых способностей и языка (глоттогенезом) [14; 15; 16]. Эти процессы были включены в охватывавшие циклы эволюционной спирали антропогенеза, которую представим таким образом.

В результате практик по обеспечению базовых потребностей, надстроенных над ними забот [9] происходило обновление техноприродных ниш и социальных порядков. Издержки практик и напряжения в новых нишах и порядках приводили к новым вызовам, заботам, про-
бам, складыванию новых обеспечивающих

структур, включавших новые практики. Так запущался новый цикл на следующем витке спирали [8; 14].

В процессах социализации и инкультурации, через интерактивные ритуалы отбирались и закреплялись новые способности и установки как необходимые составляющие практик. Формировались и сохранялись в поколениях соответствующие задатки через генетическую наследственность. Новые задатки на новых витках спирали предоставляли новые возможности ответных практик на вызовы, а значит для новых способностей и установок (механизмы генно-культурной коэволюции и культурного драйва) [7; 8, с. 25-31; 15; 17].

Согласно принципу интериоризации, каждый раз общая групповая способность, обретаемая в непосредственном общении, предшествовала индивидуальной способности, а реактивная, вызванная ситуацией или групповым поведением способность предшествовала произвольной способности в ситуации общения [3; 4]. Позже всего появились способности индивидов произвольно производить действия в своем сознании, т.е. целенаправленно размышлять в одиночестве («ритуалы третьего порядка») [13].

Будет также учитываться многоуровневый отбор – совокупность эволюционных процессов, приводящих к сохранению одних и отсеиванию других структур в разных временных масштабах и на разных онтологических уровнях [18].

Так, в речевых практиках, интерактивных ритуалах и их цепочках получают одобрение, сохраняются одни языковые структуры, типы действий, соответствующие способности, установки участников и подавляются, со временем исчезают другие. Врожденные задатки (потенциалы способностей) разных индивидов отбираются через механизмы индивидуального и полового отбора. Внутригрупповые социальные порядки, соответствующие установки и способности их членов отбираются в межгрупповом отборе. Последний является механизмом отбора

между популяциями, разновидностями и видами¹.

Ступени эволюции языка и сознания

Представим последовательность выделенных ранее ступеней глоттогенеза [8, с. 40-44] и сопоставим им когнитивные способности как гипотетически сопутствовавшие.

- Рост числа дифференцированных синкретичных сигналов (звуки, жесты, мимика, позы), передаваемых в социальном обучении, сопутствовал развитию совместной интенциональности как способности группы долго удерживать внимание на одном предмете, ситуации, действию, что, вероятно, сопровождалось однотипными сигналами, которые дружно произносились всеми участниками.

- Холофразы – первые одиночные протофразы: умножение сигналов, которые нужно было отличать друг от друга, привело к различению протослогов (еще без различения фонем). Способность участников взаимодействия при удержании совместной интенциональности выполнять «по команде» различные действия по отношению к разным предметам, друг к другу (аналог поведения выдрессированных высших млекопитающих, но у гоминид с гораздо большим числом «команд» и в результате «самодрессуры»).

- Реактивные и ситуативные протофразы, фонемы, слоги: продолжавшееся умножение протослов, соединение их в цепочки, затруднявшее распознавание из-за невнятности протослов, приводило к попыткам артикулирования, к различению слогов через различение фонем; при этом расширялись возможности выделения новых слогов и складывания новых протослов из их склеек. Способность обозначать происходившие или планируемые динамические сцены с разными участниками, предметами, действиями.

¹ Не следует забывать, что в эпоху антропогенеза погибли все «боковые» виды гоминид с их популяциями и группами, а сохранился только один *Homo Sapiens*.

- Уводящие протофразы, которые указывали на происходившее в другом месте и времени. Способность совместно воображать отдаленные предметы и ситуации (пусть пока в смутных синкретичных образах), способность управлять чужим воображением своими высказываниями о таких предметах и ситуациях.

- Протоязык, включавший пиджин-предложения (со значащим порядком элементов) и полноценные слова (с надситуативными значениями и устойчивыми семантическими связями между собой). Способности выделять в отдаленных и воображаемых ситуациях смысловые элементы (субъект – действие – объект, субъект – атрибут и т.п.).

- Язык с простым синтаксисом и грамматикой. Способности выделять основные предметные и логические отношения (отношения родства, отношения владения, далеко – близко, раньше – позже, большой – маленький, часть – целое, причина – следствие и т.д.)

- Язык со сложными синтаксисом и грамматикой, риторическими украшениями, профессиональной терминологией. Способности легко соединять в мыслях, высказываниях разные предметы и отношения, переключать внимание между контекстами. Когнитивные способности известных охотников-собирателей типа австралийских и тасманийских аборигенов (еще не европеизированных) вполне могут служить аналогами.

Обоснование этой последовательности ступеней и основных причин, механизмов подъема на каждую ступень изложены в работе [8]. Теперь следует применить модель ритуально-символической детерминации психики [9], объяснить на основе ее концептов и постулатов появление характерных для человеческой психики когнитивных способностей и установок, в том числе произвольности, структуры «Я», волевых процессов.

Преодоление языкового Рубикона и появление *со-знания* о происходящем вокруг

Переход от дифференцированных сигналов (без фонем и слогов, с предельно общими, размытыми эмоциональными значениями) к членораздельной речи (с различимыми протословами, в том числе из двух и более слогов, с предметными, хоть еще ситуативными значениями) совершался через несколько ступеней. Согласно модели [8; 9], каждый подъем к следующей ступени трактуется как складывание обеспечивающей структуры (включающей новизну в звуковом поведении и когнитивных способностях) – результата фиксации успешных проб, отвечающих на новые вызовы и заботы. Соответственно, в полноценном объяснении должны быть указаны новые коммуникативные заботы, появившиеся при изменении социального порядка и техноприродной ниши. Представим предварительную версию последовательности таких шагов.

От дифференцированных сигналов, выражавших эмоцию, – к сигналам-командам как призывам к определенным действиям. Вообще говоря, выдрессированные собаки и цирковые животные различают и выполняют 1–2 десятка и даже более команд, поэтому первая ступень для самых ранних гоминид (австралопитеков?) не представляется слишком высокой. Разница же состоит в том, что своим питомцам голосовые команды отдают люди, приучают их к ним, собственно, дрессируют, тогда как гоминиды по каким-то причинам стали систематически заниматься самодрессурой.

Главным объяснением служит специфика природной ниши, в которой оказались группы гоминид, вытесненные климатом из джунглей в саванны [8, с. 77-80]. Широкие пространства, обилие опасных хищников, необходимость далеко ходить в разные места за разными источниками пропитания, – все это одновременно призывало к сплоченности, охране стоянок, особенно в ночное время, а также к необходимости разделяться в поисках пищи, делиться ей с оставшимися на стоянке матерями с малыми детьми [15].

Важнейшей групповой заботой также стало внутреннее умиротворение. Долгая, но неуклонная борьба эгалитарных коалиций с агрессивными альфа-самцами (*самоодомашнивание*) подтверждается известными морфологическими изменениями: явным уменьшением устрашающих клыков, мощных челюстей, особенно в период 7–1 млн. лет назад [8, с. 91-94]. Появлялись новые коммуникативные заботы координации действий (одним делать то, а другим – другое²), дружного выражения недовольства, коллективной угрозы для пресечения внутрigrуппового насилия, сообщений о разной пище и разных опасностях в разных местах.

Обеспечивающие структуры для этих забот складывались в двух сопряженных линиях.

- Росло число дифференцированных сигналов, которые приходилось по-разному произносить, чтобы окружающие могли их различать и распознавать [1].

- Появилась и стала все чаще использоваться совместная интенциональность – долгое сосредоточение внимания нескольких особей на одном объекте (действии, ситуации), дружное поведение в отношении которого стало связано с определенным узнаваемым сигналом и могло быть им вызвано [10]. Назовем эту первую ступень совместной интенциональности *со-знанием*.

Такое поведение происходило при обнаружении источника пищи, которую еще надо было защитить от конкурентов, собрать или расчленивать, донести до стоянки. Коллективные практики с использованием дифференцированных сигналов («команд») и *со-знания*, включали также отгон хищников (всевозможных гиен, шакалов и проч.), обустройство стоянки, поиск укрытия, прекращение драки, защита подвергшихся насилию, выражение неприятия агрессивному поведению, обучение детей разнообразным умениям [1; 15]. Не нужно гадать, какой именно тип ситуаций послужил первым толчком к появлению: появившийся поведенческий

паттерн с легкостью переносился на новые ситуации, укреплялся и усложнялся.

Собственно, все эти и подобные им практики одновременно были той самой систематической самодрессурой, формировавшей способность каждого члена группы включаться в определенные совместные действия в ответ на дифференцированные сигналы.

Как отличить *со-знание* гоминид от дружной охоты хищников – волков, гиен, тех же шимпанзе? Ведь хищники также сосредоточены на одной цели, издают схожие звуки, действуют слаженно, причем не только инстинктивно, но и благодаря полученному в онтогенезе социальному обучению (в разных стаях волков есть разные «культуры охоты»).

Качественный скачок произошел благодаря следующим явлениям:

- гоминиды совершали активные поисковые и конструктивные пробы при любом новом вызове, что сопровождалось звуками;
- благодаря своей большой способности к имитации гоминиды перенимали успешные пробы своих соплеменников; фиксировалась связь этих проб с определенными звуковыми сигналами через многократное дружное повторение; этот первый тип интерактивного ритуала назовем ритуалом находки и звуковой фиксации;
- при новых вызовах использовался тот же ритуал; появлялись новые поведенческие установки, сопряженные с новыми сигналами;
- соответственно росла дифференцированность; увеличивалось число поведенчески освоенных ситуаций, соответствующих известным группе различимых сигналов;
- со временем стало возможно в одной ситуации издавать разные сигналы, чтобы одни члены группы делали одно (например, отгоняли камнями конкурентов-падальщиков), а другие – другое (разделяли добычу); тем самым, сигналы превращались в дифференцированные ко-

других людей и только затем – на управление собственным поведением [3; 4].

² В подходе Выготского-Лурии потенциально богатой является мысль о том, что знаки как особые орудия направлены сначала на изменение поведения

манды, а это уже кардинальное отличие от способностей животных, даже самых организованных коллективных хищников.

Истоки нормативности и ее роль в происхождении базовых структур сознания

Становление совместной интенциональности с возможностями координированных действий по звуковой команде стало медленно, но неуклонно (начиная с австралопитеков) сдвигать баланс сил в каждой группе от агрессивных альфа-самцов к эгалитарным коалициям самок и более слабых самцов.

Борьба обострилась при освоении рубил – потенциально летального оружия в междуособных схватках. Коллективное забрасывание камнями, угроза такого забрасывания, отказ самок спариваться с агрессивными одиночками, которые становились изгоями, – все это вело к процессам самоодомашнивания [8, с. 84-94].

Новый порядок мирной жизни в группе подкреплялся нормативными ритуалами с ясными угрозами коллективного наказания за нарушение правил [8, с. 95-109]. Благодаря этим ритуалам складывались нормативные установки в психике каждого индивида. Победа над альфа-самцами была достигнута, скорее всего, на уровне эректусов (около 1,6 млн. лет назад) когда стали создаваться ашельские орудия, требовавшие большого умения и долгого труда. Никто уже не мог отобрать столь ценные орудия благодаря нормативности и защите со стороны группы [8, с. 89-105, 119-120].

При этом кардинальным образом менялся социальный порядок. Главный тренд состоял в переходе от диктата сильнейших и угроз индивидуального насилия к солидарности между относительно равными соплеменниками, которые были вынуждены теперь совместно отвечать на вызовы, принимать общие решения, координировать действия. Это означало, с одной стороны, радикальное умножение и усложнение коммуникативных забот. С другой стороны, благодаря способности обозначать новыми звуками найденные решения, эти заботы стали обеспечи-

ваться прогрессивной дифференциацией значений и соответствующей дифференциацией сигналов – трендом к членораздельности.

Тот же тренд неуклонно усиливался в связи с каждодневными заботами пропитания и рекрутинга – мобилизации к совместным действиям [1]. Поиск новых источников еды, их местонахождения, способов обнаружения, сбора или поражения, приготовления, – все это требовало новых обозначений. На эту экологическую заботу накладывалась социальная забота координации усложнявшегося поведения. Простейшая ситуация обозначена как конкуренция рекрутингов, когда разные индивиды призывают идти за добычей разной еды, или на другие стоянки, или за каменным сырьем, или за водой, или соорудить укрытие. Все это надо было как-то называть, делать предложения понятными для окружающих [8, с. 134-138].

Рассмотрим наиболее сложные вопросы раннего формирования таких уникальных человеческих структур как «воля» и «структура Я».

Нормы, нормативность и нормативные ритуалы изначально играли (и продолжают играть по сию пору) важнейшую роль для формирования воли – способностей индивидов к самопринуждению. Волевые процессы состоят в передаче управляющей роли одному комплексу нормативных установок и подавлении установок, связанных с базовыми потребностями [9]; причем сами нормативные установки и способности их актуализировать формируются в интерактивных ритуалах [8; 9]. Таким образом, появившиеся у ранних гоминид первые нормативные ритуалы с ясными угрозами коллективного наказания за междуособное насилие или отказ делиться добычей формировали первые нормативные установки, а значит волевые способности.

На основе модели ритуальной-символической детерминации [9] соответствующий механизм реконструируется таким образом. На начальных стадиях действовал перманентный социальный контроль. Микроритуалы одобрения и неодобрения вели к интериоризации внешних взаимодействий во внутренние психи-

ческие структуры – способности через самопринуждение поступать «правильно», даже не находясь под наблюдением.

Самая сложная тема – ранние стадии формирования «структуры Я». Подход включает, прежде всего концептуализацию этого феномена как сложного комплекса установок и способностей со сторонами «субъекта» (воспринимающей, решающей, действующей инстанции) и «опыта» в самом широком смысле.

Субъективный опыт как поле восприятия и поле внимания есть и у животных [2; 4; 10; 19]. Ясное противопоставление своего внутреннего «Я» (как субъекта) этому опыту – явно позднейшее, уже вполне человеческое достижение. Какой же могла быть первая стадия продвижения к нему?

Согласно принципу интериоризации, осознанию себя как желающего, воспринимающего, решающего, действующего предшествует учет таких же способностей у соплеменников. Вообще говоря, у высших приматов, особенно шимпанзе и бонобо отношения уже персонализированные: они хорошо помнят с кем дружат, с кем враждуют, даже кто сделал для них что-то хорошее (поделился, защитил) или плохое (отобрал, обидел, испугал). Антропоиды в ответ на сигнал вожака способны дружно переходить с места на место, начать играть, а шимпанзе еще коллективно охотятся на меньших обезьян [2; 4; 5; 11; 19]. Чего же у них нет, а у гоминид, вероятно, появилось?

Вспомним про дифференцированные команды-сигналы, совместную интенциональность и волевые способности. При обретении этих свойств гоминиды уже не все делали одно и то же простое действие, но каждая малая группа или даже каждый индивид – свое. Каждый обозначал это действие тем же звуковым сигналом, как и командой себе, но также следил за поведением окружающих – правильно ли они делают (социальный контроль, см. выше). Каждое нарушение в условиях совместной интенциональности (*со-знания*) попадало в центр внимания и приводило к дружному повтору сигнала, означавшего правильное действие или запрет

неподобающего: так происходил нормативный ритуал.

Нарушитель, на поведении которого было сфокусировано внимание окружающих, мог подчиниться или заупрямиться – это здесь не важно. Зато важно, что не только само его внешнее поведение, но и его ментальное состояние попадало в центр внимания: «слышит нас или нет?», «понимает, что кричим, или нет?», «почему не подчиняется?». Разумеется, таких слов (и вообще полноценных слов) еще не было. Но гоминиды уже учитывали связь между сигналом и действием у соплеменников, в их фокус внимания попадало подчинение других сигналу-команде или неподчинение.

Таким образом, внешнее отношение между воспринимающей, решающей инстанцией (другим индивидом, субъектом), явным звуковым сигналом и действием уже стало частью привычного опыта. Эта связка укреплялась с каждым новым нормативным ритуалом, а они были повседневными просто потому, что нормы, нормативные установки еще не укрепились, нарушения были частыми. Соответственно, практики групповой коррекции вполне индивидуального поведения могли быть повседневными.

Именно эта связка *инстанция – сигнал – действие* является самым правдоподобным источником формирования первой простейшей стадии развития структуры «Я». Посредством того же механизма интериоризации:

- инстанция становилась «Я»,
- сигнал (потом протослово, протофраза и т.д.) становился проговоренной вслух или «про себя» мыслью, решением,
- соединяющим это «Я» как внутреннего субъекта с собственным внешним действием или отказом от него.

Появление одной внутренней инстанции открывало дорогу для их умножения. Как группа или вождь требуют от индивида определенное поведение посредством указывавшего на норму сигнала, так появившееся через ту же интериоризацию внутреннее «*сверх-Я*» стало способно тем же сигналом требовать того же от «Я». Личную или безличную форму принимала эта новая требовательная инстанция, получала ли она свое

имя, сливалась ли с «Я» или противопоставлялась ему, – все эти вопросы относятся уже к последующим стадиям и предполагают широкое культурное разнообразие. Оставим эту тему и двинемся дальше.

Допустим, под действием многоуровневого отбора примерно к возникновению гейдельбергского человека (700–300 тыс. лет назад) указанные способности и установки сложились. Нормативность, практики взаимного контроля, умножение числа протослов приводили к новым вызовам. Как пожаловаться, если тебя обидели украдкой, но никто больше этого не видел? Как рассказать всем о своей ловкости и смелости или о вине, о провале, о трусости другого?

Неизбежно возникала групповая забота дистантного контроля за поведением «там и тогда». Обеспечивающие структуры для этой заботы вывели коммуникативные и когнитивные способности гейдельбергцев и их наиболее успешных потомков – протосапиенсов – на новый уровень развития.

Уводящие протофразы и управление воображением собеседника

Уверенное освоение огня и коллективное приготовление пищи (около 350 тыс. лет назад) делали более ритуальными и значительными совместные трапезы. Есть аргументы в пользу раннего установления очередности доступа к пище, ставшей прототипом очередности реплик [8, с. 173-184].

Когнитивные и коммуникативные достижения (сотни протослов, умения их сочетать в цепочках – протофразах), будучи ответом на внешние вызовы, сами приводили к изменениям в техноприродной нише и социальном порядке. Гоминиды стали эффективными охотниками, но охота – это всегда приключение, авантюра возможностями как удач с успешным проявлением ловкости, смелости, умений, так и неудач с травмами, случаями трусости и личных провалов.

Нужно было учитывать уроки, выражать благодарность героям-добытчикам, неудовольствие или презрение трусам и неумехам. Произошедшее за день было в памяти у собравшихся, однако обсуждение было затруднено.

Пригодилось говорить о том, на что нельзя было тут же указать.

Механизмы важнейшего для языка и сознания прорыва к перемещаемости [12] реконструированы в нескольких работах [13; 14; 16]. С учетом идей о воображении, «удваивающем опыт» [3, с. 14] эти результаты обобщены в концепции превращения реактивных и ситуативных протофраз в уводящие протофразы через ритуалы переименования и угадывания [8, с. 145-153].

Закономерное различие версий произошедшего приводило к складыванию особых ритуалов разбирательств, что предполагало новый уровень точности в обозначении лиц и их действий – «социального исчисления». Возникла новая коммуникативная забота не только обозначать участников прошлого происшествия, но и уточнять: кто что сделал.

Протофразы как цепочки протослов без порядка не давали такой возможности. Ударение и первая позиция субъекта действия в протофразе стали значащими маркерами. Так уводящие протофразы становились пиджин-предложениями (с порядком элементов, но еще без грамматики).

Именно тогда протослова стали превращаться в полноценные слова [8, с. 185-188]. Высвободившись от привязанности к ситуациям и получив вместо этого более общие и связанные между собой значения, объединенные в пиджин-предложения слова стали уже вполне эффективными средствами управления чужим, а затем и собственным воображением. Через внутренние словесные команды появилась и росла способность произвольного направления внимания на объекты, отсутствующие в зрительном поле, в непосредственной ситуации.

Высвобождение языка и сознания из привязанности к ситуациям «здесь и сейчас» привело к существенным преобразованиям в структуре «Я» и волевых способностях.

«Социальное исчисление» предполагает маркирование соплеменников индивидуальными именами. Каждый индивид в этом новом социальном порядке именованных окружающих неизбежно отождествляет себя с именем.

Не важно, говорит ли он о себе в третьем лице или употребляет местоимение. Гораздо более значимо, что восприятие себя отделилось от непосредственно воспринимаемого и продолжающегося опыта. Уводящими протофразами и пиджин-предложениями говорили об одном и том же индивиде в разных ситуациях. Через тот же механизм интериоризации структура «Я» обрела знакомое нам и кажущееся таким «естественным» сквозное существование в меняющихся ситуациях.

Волевые процессы, способности самоконтроля, всегда тесно связанные с нормативностью (см. выше), получили дальнейшее развитие, поскольку приспособлялись к новому социальному порядку с практиками дистантного контроля через ритуалы разбирательства [8, с. 171-178]. К внутренней нормативной установке прибавилось предвосхищение социальной реакции (уровень осознанности которого не столь важен): «что про мое действие скажут, одобряют или не одобряют».

Грамматика, синтаксис, переключение контекстов и произвольность

Следует признать, что пиджины весьма эффективны для взаимопонимания между представителями далеких друг от друга языков. Протоязыки гоминид, основу которых составляли пиджин-предложения с порядком слов, но без синтаксиса, четкого различения частей речи, соответствующей грамматике, также удовлетворяли основным коммуникативным заботам внутри каждой группы. Однако синтаксис и грамматика, пусть разных типов и разной степени сложности, есть во всех естественных языках. Почему, как и когда они появились? Благодаря каким новым коммуникативным заботам?

Сформулируем общий принцип: *пиджин-предложения передают смысл сообщений с достаточной точностью, только когда собеседники владеют общим контекстом относительно хорошо им известных конкретных ситуаций.* Так происходит на пограничных базарах. Внутри каждой группы с плотным повседневным общением ситуации повторяются, контекст

общий. В своей семье, общаясь по поводу повседневных дел, мы практически никогда не изыскиваемся правильными развернутыми предложениями, тем более с рекурсией, сложными оборотами.

Таким образом, забота существенного повышения точности высказываний должна была появиться между индивидами, лишенными общего контекста. В этой логике новые коммуникативные задачи появлялись у гоминид при общении между представителями разных групп, причем обсуждались предметы и ситуации вне хорошо знакомого сторонам общего контекста.

Соответствующее решение было найдено при учете климатических изменений в Южной и Восточной Африке в период примерно 250–100 тыс. лет назад, когда благодаря появлению больших стад парнокопытных в саваннах, прогрессу в орудиях и приемах охоты шел бурный демографический рост протосапиенсов. Изменения ландшафта обуславливали частые миграции, столкновения, межгрупповую борьбу за уголья.

В то же время происходили довольно дальние обмены, что свидетельствует об образовании межгрупповых альянсов [8, с. 202-209]. Действительно, для безопасности и выигрыша в конфликтах состоять в дружественном альянсе или коалиции всегда более выгодно, чем оставаться в изоляции. Однако альянс мог сложиться только благодаря общению – древнейшей дипломатии.

Темы переговоров требовали гораздо большей точности выражения мыслей, что и стали обеспечивать синтаксис с грамматикой, вероятно, поначалу довольно простые. Позже ранние сапиенсы, переселялись в Евразию, скорее всего не малыми уязвимыми группами, а готовыми к бою сплоченными альянсами, включавшими несколько групп с общим языком [8, с. 206-211].

Следующий этап относится уже к верхнему палеолиту, когда средние сапиенсы произвели настоящую технологическую революцию (множество изделий из кости, рыболовные снасти, иголки, скребла, микролиты, разнообразные составные и метательные орудия и т.д.) [20]. Добывать еду могли уже 2–3 индивида или даже отдельные охотники, рыболовы.

Переход к «новой экономике» в сохранявшейся структуре альянсов, построенной на основе брачной политики и систем родства, вел к сложным отношениям отложенных обязательств, что сопровождалось обсуждениями даров и отдаров, выполненными и невыполненными обещаниями, сплетнями [20; 8, с. 253-262]. Ритуалы, скреплявшие альянсы, включали переговоры и публичные речи, что и обусловило усложнение языковых структур, обретение риторических украшений.

С усложнением языка было тесно сопряжено развитие способностей сознания: учет разнообразных предметных, причинных, логических отношений, а самое главное – легкое переключение между контекстами [13; 16].

Вместе с этими способностями формировались базовые свойства структуры «Я»: свободное и произвольное помещение себя в самые разные вспоминаемые или воображаемые ситуации, способность рассуждать и размышлять о своих действиях, чувствах, мыслях (рефлексия, самосознание) как продукт интериоризации подобных рассуждений о других людях.

Усложнение волевых способностей было связано с усложнением социальных отношений, позиций, соответствующим умножением числа норм для позиций (родственных, дружеских, лидерских, властных). Каждый индивид обретал уже разные комплексы нормативных установок, связанных с определенными типами ситуаций и ролями в них. Способность к переключению между контекстами и помещению своего «Я» в разные позиции создавала потенциальные внутренние конфликты между нормативными установками притом, что базовые потребности никуда не делись, а надстроенные над ними заботы усложнились. Выросла индивидуализация черт (проявлений установок) и волевых способностей вследствие увеличения разнообразия отношений и типов ритуалов, в которых формировались личности индивидов.

Разумеется, проведенная теоретическая реконструкция механизмов глоттогенеза и ноогенеза имеет гипотетический статус. Каждое положение может и должно быть обосновано на основе общих эволюционных, социологических

и психологических принципов, а также с привлечением разнообразных косвенных данных. Именно для этих целей был разработан объяснительный подход, расширяющий номологическую схему К. Гемпеля [8, с. 44-47]. Но это уже перспектива дальнейших исследований.

Литература

1. Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2012.
2. Вааль Ф. де. Последнее объятие Мамы. М.: Альпина Диджитал, 2019.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005.
4. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Изд-во Педагогика Пресс, 1993.
5. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: Поведение. М.: Изд-во Мир. 1992.
6. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор / Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 119-658.
7. Ламсен Ч.Дж., Уилсон Э. Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума. М.: Изд-во УРСС; Ленланд, 2017.
8. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Изд-во Манускрипт, 2022.
9. Розов Н.С. Модель ритуально-символической детерминации установок, способностей и забот // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. №1. С. 89-100.
10. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2011.
11. Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2013.
12. Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. 1970. Вып. 5. С. 45-76.
13. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press. 2004.

14. Donald M.A. *Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness*. New York: Norton, 2001.
15. Dor D., Knight Chr., Lewis J. (Eds.). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014.
16. Gabora L., Smith C.M. Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution // *Journal of Anthropological Sciences*. 2018. V. 96. P. 1-26.
17. Laland K.N. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2017.
18. Richerson P.J., Boyd R. *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Univ. of Chicago Press, 2005.
19. Rumbaugh M.D. *With Apes in Mind: Emergents, Communication & Competence*. Create Space, 2013.
20. Sterelny K. Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language // *Biological Theory*. 2016. 25 July. P. 173-186.

Статья поступила в редакцию 12.03.2022

THE EVOLUTIONARY ACQUISITION OF LANGUAGE AND CONSCIOUSNESS THROUGH THE RENEWAL OF ORDERS, CONCERNS AND PRACTICES

© Nikolai S. Rozov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
nrozov@gmail.com

The model of socio-symbolic determination of the psyche is applied to explain the ascent of hominids and early sapiens through the stages of glottogenesis and noogenesis, i.e., the origin, early evolution of language and consciousness. Each rise is interpreted as the acquisition of specific speech and cognitive abilities as parts of practices that emerged to provide new concerns. Reconstruction is based on the model's concepts and postulates: "abilities from practices," "practices from challenges and concerns," "challenges and concerns from renewal of social orders and techno-natural niches," "renewal of orders and niches from practices provided by new abilities". At the level of ultramicro- (in "here and now" situations) these processes were realized through mechanisms of interactive rituals, interiorization, positive and negative reinforcement of attempts (behavioral selection). At higher levels other types of selection acted: individual, sexual, intergroup, and interspecies selection.

Keywords: speech abilities, cognitive abilities, glottogenesis, noogenesis, communicative concerns, interactive ritual, interiorization, attitude, consciousness, Self-structure, volition, social order, socio-natural niche

REFERENCES

1. Bickerton, D. (2012). *Jazyk Adama: kak ljudi sozdali jazyk, kak jazyk sozdal ljudej [Adam's language: how people created language, how language created people]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.).
2. Waal, F. de. (2019). *Poslednee ob'jatie Mamy [The Last Embrace of Mama]*. Moscow: Alpina Digital.
3. Vygotsky, L.S. (2005). *Psihologija razvitija cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Smysl; Eksmo. (In Russ.).
4. Vygotsky, L.S., Luria, A.R. (1993). *Etjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok*.

- [*Etudes on the history of behavior. The Primitive. The Child*]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
5. Goodall, J. (1992). *Shimpanze v prirode: Povedenie [Chimpanzees in Nature: Behavior]*. Moscow: Mir. (In Russ.).
 6. Darwin, Ch. (1953). *Proishozhdenie cheloveka i polovoj otbor [Origin of man and sexual selection]* In Darwin Ch. *Sochinenija. T. 5. [Works, vol. 5]*. Moscow: AN SSSR Publ. P. 119-658. (In Russ.).
 7. Lumsden, C.J., Wilson, E. (2017). *Prometeev ogon'. Razmyshlenija o proishozhdenii razuma [Promethean fire. Reflections on the origin of mind]*. Moscow: URSS; Lenland. (In Russ.).
 8. Rozov, N.S. (2022). *Proishozhdenie jazyka i soznaniya. Kak social'nye porjadki i komunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [The Origin of Language and Consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities]*. Novosibirsk: Manuscript. (In Russ.).
 9. Rozov, N.S. (2022). *Model ritualno-simvolicheskoy determinacii ustanovok, sposobnostey i zabot [The model of ritual-symbolic determination of attitudes, abilities, and concerns]*. Uchenie zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. №1. P. 89-100.
 10. Tomasello, M. (2011). *Istoki chelovecheskogo obshhenija [The origins of human communication]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.).
 11. Fitch, W.T. (2013). *Jevoljucija jazyka [The evolution of language]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.).
 12. Hockett, Ch.F. (1970). *Problema jazykovyh universalij [The problem of linguistic universals]*. *Novoe v lingvistike [New in Linguistics]*, № 5. pp. 45-76. (In Russ.).
 13. Collins, R. (2004). *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
 14. Donald, M. (2001). *A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness*. New York: Norton.
 15. Dor, D., Knight, Chr., Lewis, J. (Eds.). (2014). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press.
 16. Gabora, L., Smith, C.M. (2018). *Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution*. *Journal of Anthropological Sciences*. V. 96. P. 1-26.
 17. Laland, K.N. (2017). *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
 18. Richerson, P.J., Boyd, R. (2005). *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Univ. of Chicago Press.
 19. Rumbaugh, M.D. (2013). *With Apes in Mind: Emergents, Communication & Competence*. Create Space.
 20. Sterelny, K. (2016). *Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language*. *Biological Theory*, 25 July, P. 173-186.

The article was received 12.03.2022

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТЕЗА ХАОСА И КОСМОСА: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

© Сухарев А.В.

Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

В статье представлены философские и теоретические основания, а также результаты использования в психологии концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Приведены некоторые неочевидные результаты экспериментально-психологических и эмпирических исследований развития субъекта на индивидуальном и коллективном уровнях. Предложена гуманитарная модель оптимизации взаимодействия субъектов на основе нового понимания механизмов психического развития.

Ключевые слова: хаос, космос, архаика, премодерн, модерн, постмодерн, развитие, коллективный субъект, общество, этнофункциональный подход

Введение

Системный кризис человечества проявляется в различных сферах жизнедеятельности, таких, как экономика, социальная и культурная сферы, экология, политика и др. Преобладающей тенденцией в трансформации ментальности коллективного субъекта современного человечества в эпоху постмодерна является нарастание мультикультурности, «мозаизации» *образной сферы* [5] индивида и общества на фоне различных глобализационных процессов, включающих передел мира, расширение географии военных конфликтов и др. Регулятивная функция образной сферы человека становится все более разнонаправленной, дискордантной. Вследствие данных изменений происходит размывание общих нравственных ориентиров (в частности, религиозных), которые еще не так давно могли бы служить хоть каким-то

инструментом сдерживания разрушительных тенденций и способствовали гармонизации развития.

Связанное с размыванием нравственных ориентиров усиление эмоционального напряжения в ментальностях различных коллективных субъектов – социальных, национальных и др. групп, а также между индивидуальными субъектами, – затрудняет когнитивное конструирование перспективы развития человечества [11]. Эмоциональное напряжение в той или иной мере может обуславливать так называемые *кататимные*¹ искажения мыслительных процессов, как на клиническом, так и доклиническом уровнях. Таким образом, необходима оптимизация отношения² к реалиям современного мира, в определенной мере переосмысления характера и целей развития мира.

¹ Термин «кататимное мышление», буквально можно перевести как искажения мышления вследствие влияния переживаний. Данный термин, традиционно используемый в психиатрии, можно использовать как показывает практика и в области так называемой условной нормы.

² Оптимизацию отношения в целом мы понимаем как процесс концептуально обоснованного действия «мягкой силы» или «softpower» [36].

Оптимизация уже имеющихся в обществе разнородных конъюнктурных и аффективно стигматизированных предпочтений и норм предполагает, кроме прочего, необходимость выработки новых базовых понятий для описания (диагностики) современного состояния ментальностей коллективных субъектов, разработку психологических механизмов и постановку целей их развития на новых теоретических основаниях. Причем в современных условиях мультикультурности данные основания должны быть достаточно обобщенными и в то же время операционализируемыми для целей оптимизации развития личности и общества.

Теоретические основания концепции

В связи со сказанным, возникает проблема разработки философски максимально обобщенного и в то же время научно обоснованного языка описания характера и целей развития самых различных человеческих сообществ нашей планеты. Начиная с Нового времени и далее в Новейшее время в работах философов, ученых-гуманитариев и естественников нарастает интерес к понятию хаоса и в несколько меньшей степени понятию космоса, которые в современной науке рассматриваются как научные [32]. Анализу понятий хаоса и космоса посвящены гуманитарные исследования А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, А.А. Маслова.

В естественнонаучной области исследованиям хаоса, а также понятию порядка как формализуемого аспекта космоса посвящены, прежде всего, работы с позиций синергетики Н.Н. Моисеева, И.Р. Пригожина, В.С. Степина и других.

Гуманитарные исследования свидетельствуют о том, что представления о хаосе и космосе, так или иначе, присутствуют в мифологии и космогонических взглядах практически всех известных народов. Причем хаос всегда первичен, а космос вторичен, являясь производным от хаоса. Коннотация понятия хаоса с беспорядком и бесструктурностью, а космоса с

порядком обусловила изучение проявлений «хаоса и порядка» в естественнонаучных синергетических исследованиях. В гуманитарных исследованиях хаос характеризовался бесформенностью, бесструктурностью, безобразностью, а космос мог олицетворяться, например, в античности образом Зевса, устанавливающего гармонию и порядок в мире богов и людей. В наших исследованиях мы условно понимаем хаос как дезорганизирующее начало во Вселенной, а космос – как организующее.

Попытки анализа гуманитарных систем осуществлялись с позиций синергетического подхода, основанного на естественнонаучных представлениях [3; 20; 26]. В частности, у В.П. Бранского представлена концепция развития как повышение степени «синтеза хаоса и порядка», понимаемой как степень реализации абсолютного идеала развития гуманитарной (диссипативной) структуры [3].

Здесь следует уточнить понятие «развитие». Как правило, развитие понимается как устойчивый процесс целенаправленных изменений системы и характеризующийся ее усложнением. Наряду с другими, возникает вопрос о локализации цели развития. В этой связи рассмотрим данное понятие в шеллингианском и его более древнем античном смысле. А.Ф. Лосев показал, что, в отличие от общепринятого взгляда, представление о развитии, во-первых, имело место и в античности (Платон, Плотин и др.), а во-вторых, оно понималось как возвращение к изначально заданному идеалу, в форме совершенствования вещи в процессе ее восхождения к идеальному прообразу (эйдосу) [16].

Вместе с тем, нельзя рассматривать развитие человеческого сообщества в отрыве от природы, необходимо рассматривать систему «человек-природа»³. Поэтому, если мы предполагаем наличие идеала развития человека и общества, то нужно рассматривать и идеал развития природы, т.е. нужно рассматривать целостное развитие Вселенной как субъекта⁴. Платон и Ф. Шеллинг, понимая природу как идеал развития,

³ Предтечами целостного понимания человека и природы можно считать таких мыслителей как Платон, Ф. Шеллинг и некоторых других.

⁴ Важность представления о субъектности Вселенной была отмечена в докторской диссертации С.Д. Дерябо [6].

не рассматривали роль нарастания в ней антропогенных изменений, ставших чрезвычайно актуальной проблемой современности. Наши исследования показывают важность для психического здоровья и адаптированности человека именно образов антропогенно не измененной природы [27; 29, с. 88-89]. Поэтому в качестве идеала развития мы вводим философское представление о «девственной природе», комплементарное идеям Платона и Шеллинга. В религиозном смысле данный идеал выступает как библейское представление о райской гармонии человека и природы до грехопадения [25]. Направленность развития субъекта на идеал девственной природы характеризует естественность данного процесса⁵. При этом в качестве изначально заданного идеала развития [16] рассматривается идеал синтеза хаоса и космоса⁶ в предельно архаичном прообразе девственной природы⁷, являвшейся таковой до грехопадения.

С понятиями хаоса и космоса тесно связано представление о Логосе как разумной субстанции, творящей мир в соответствии с законами и логикой (Гераклит) [9]. У св. прп. Максима Исповедника есть положение о возможности искажения природного Логоса человека, его природной воли. Он полагал, что природный логос всякого человека реализуется в земной жизни посредством гармоничного согласия с его природными способностями и энергиями. При этом у падшего человека также действует и искажение природной воли – гномическая воля или «произволение» [21].

Идеал развития субъекта Вселенной⁸ можно понимать как идеал синтеза хаоса и космоса, то

есть Логос. Естественное развитие человека является реализацией непознаваемого до конца замысла творения, следующего Логосу. Интегрируя философский и религиозный смысл представления о естественном развитии субъекта Вселенной, можно сказать, что это развитие определяется Промыслом Логоса. В позднейшей интерпретации [14; 24] естественное развитие субъекта понималось как природосообразное, а также культуросообразное. Принцип природосообразности лежал в основе западноевропейской педагогики с эпохи Возрождения практически до XIX в., когда А. Дистервегом [8] в дополнение к нему было введено понятие культуросообразности. Последнее понятие стало особенно актуально в современную эпоху постмодерна в связи с нарастанием «мультикультурности» человеческого сообщества.

Данная актуальность обусловлена, прежде всего, необходимостью преодоления «нравственной безосновности» ментальности человека постмодерна. Применительно к эпохе постмодерна представление о Логосе мы трансформируем в представление об идеале развития, учитывающем природную и культурную специфику развития человека в конкретном ареале – *архегении*.

В связи со сказанным выше, *архегенийная направленность субъекта определяется как его естественная направленность на идеальный прообраз синтеза хаоса и космоса в конкретных природно-культурных условиях*. Соответственно *анархегенийная направленность определяется как направленность на искажение естественного развития*.

⁵ Л.С. Выготский понимал воспитание как искусственное овладение естественными процессами развития.

⁶ Представление о хаосе и космосе мы используем применительно к гуманитарным системам, а для естественнонаучных систем – «хаоса и порядка» по В.П. Бранскому.

⁷ В «Теогонии» Гесиода Гея-Земля зародилась первой после Хаоса и является *первопотенцией* (понятие, введенное А.Ф. Лосевым), затем появились первопотенции Тартар (ужас) и Эрос (любовь). Роль Эроса в психике была рассмотрена З. Фрейдом и К.

Юнгом. Однако Гея была первым этапом «космизации хаоса» и характеризуется бесконечным многообразием реальных образов, что важно для реализации принципа природосообразности (см. далее) для целей психопрактики. Девственная природа рассматривается как первопотенция мира до грехопадения человека.

⁸ Рассматривая представление об уровне субъектности [11], мы вводим понятие идеального уровня, достижение которого возможно лишь как бесконечное приближение к данному идеалу.

Для операционализации введенных выше обобщенных философских представлений в целях их практического применения необходимо введение комплементарных теоретических концептов «среднего уровня» [35], понятийный аппарат которых может проверяться на практике в процессе эмпирических и экспериментальных исследований. Рассмотрим далее некоторые результаты конструирования теоретических положений «среднего уровня» для использования в психологической науке.

1. В качестве единицы описания реальности мы используем трансдисциплинарное понятие образа как отграниченной части пространства: психического, материального, виртуального, трансцендентного и любого предметного пространства наук о человеке. Образ есть феномен, связанный с прообразом, – ноуменом, являющимся трансцендентным и до конца не познаваемым [12]. В качестве единицы описания психики [34] используется понятие вторичных психических образов (памяти, воображения, представлений, сновидений и пр.), которые характеризуются эмоциональной, смысловой, сенсорной и др. модальностями.

Образ может служить единицей описания и анализа как психики человека, его трансцендентных религиозных и виртуальных воззрений, так и предметных областей его жизнедеятельности (экономика, право, медицина, культура, экология и пр.)

2. Для операционализации образа с целью описания ментальности субъекта используется культурологическое понимание развития общества как последовательной смены ступеней архаики, преמודерна и модерна, которые характеризуются соответствующими представлениями. Для ступени архаики характерны геолокальность, синкретизм, представления о приоритете природы, магического мышления и родовых отношений [15]. В качестве предела степени архаичности мы рассматриваем девствен-

ную природу⁹. Для ступени преמודерна характерны относительно универсальные надэтнически-религиозные представления мировых религий, а для ступени модерна – приоритет общего блага и абсолютно универсальных естественно-научных представлений.

Ментальность субъекта понимается как «слоистая» структура, включающая в себя об разное содержание ступеней архаики, преמודерна и модерна, которые могут консолидироваться как компоненты ментальности (образной сферы) субъекта на последовательных этапах историко- или онтогенеза.

С позиций принципа единства микро- и макрокосма (Платон, П.А. Флоренский и др.) последовательная смена ступеней может рассматриваться в качестве естественной, как для индивидуального, так и для коллективного субъекта.

3. Для учета природной и культурной специфики развития ментальности субъекта используется *трансдисциплинарный этнофункциональный подход* [27], в котором этнологическое представление об этнической функции культуры [4] экстраполируется на всю систему этнических параметров развития: природно-климатических, культурно-психологических, антропо-биологических и трансцендентных, включающих анимистические, религиозные и другие представления. Этническая функция представлений архаики и преמודерна наделяется этноинтегрирующим значением, т.е. объединяющим субъекта с тем или иным этносом или этнической системой и этнодифференцирующим (разъединяющим).

Представления модерна наделяются нейтральным значением данной функции. Наиболее выраженную этническую функцию имеют представления архаики; чем архаичнее представление, тем более выражена его этническая функция. Менее выраженной этнической функцией наделяются надэтнически-религиоз-

⁹ «Архаика» не есть синоним слова «древность», хотя и ассоциируется с ней. Архаике часто противопоставляется модерн. Мы используем коннотацию архаики с ее приоритетом природы и магического

мышления как противоположность модерну с его приоритетом естественнонаучного понимания мира. Соответствующие представления выступают как элементы континуума от архаики до модерна.

зные, а представления модерна таковой функции не имеют. Выраженность этнической функции обуславливает степень психической адаптивности /дезадаптированности субъекта и искажения его развития.

Данный подход основывается на *принципах этнофункциональности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, системности, развития, детерминизма и субъектности.*

4. Для операционализации представлений о степени синтеза хаоса и космоса в работе с гуманитарными системами образы архаики наделяются относительно хаотизирующей функцией, а премодерна и модерна – космоизирующей, например, по показателю их меньшей или большей универсальности. С учетом природной и культурной специфики субъекта естественное развитие его ментальности характеризуется направленностью на идеал синтеза хаоса и космоса как синтеза хаотизирующих и космоизирующих представлений. Идеалом развития субъекта Вселенной выступает девственная природа, а оптимизация развития осуществляется в процессе повышения степени синтеза хаотизирующих и космоизирующих представлений субъекта.

5. В связи со сказанным выше, на основании трансдисциплинарных теоретических оснований – теории образа, этнофункционального подхода и философско-антропологической концепции синтеза хаоса и космоса – для гуманитарных систем можно сформулировать концепцию *этнофункционального синтеза хаоса и космоса* [29]. Существенным прикладным аспектом данной концепции является, во-первых, возможность ее использования для исследования развития как индивидуального, так и коллективного субъекта с учетом его природно-культурной специфики. Во-вторых, открывается возможность исследования непсихологических показателей развития индивида и общества посредством трансдисциплинарного понятия образа, его этнической функции и понятия синтеза хаотизирующей и космоизирующей функции представлений.

Верификация концепции в психологической науке

Индивидуальный уровень. В обобщенном виде результаты, полученные на индивидуальном уровне, заключаются в том, что повышение степени этноинтегрирующего синтеза хаоса и космоса обуславливает повышение степени адаптивности субъекта по показателям снижения выраженности психопатологических проявлений и психосоматических расстройств, снижения склонности к употреблению психоактивных веществ и наркотиков, повышения показателей уровня репродуктивного и творческого интеллекта, уровня и качества усвоения нравственных и правовых норм, снижения склонности к криминальному поведению, повышения мотивации к учению и др. [27; 31; 30]. Можно выделить следующие степени синтеза, диагностируемые с помощью *метода структурированного этнофункционального интервью.*

Низкая степень синтеза характеризуется саморефлексией в ментальности субъекта только усвоенных «по умолчанию» представлений модерна, преимущественно естественнонаучных (нулевая выраженность этнической функции), а также отчасти представлений постмодерна (эклектика). Для данной степени характерно отсутствие саморефлексии этноинтегрирующих представлений.

Средняя степень синтеза характеризуется саморефлексией представлений модерна, наряду с саморефлексией надэтнически-религиозных представлений (в русской этно-среде – христианских), имеющих определенную выраженность этноинтегрирующей функции.

Высокой степени синтеза присуща саморефлексия этноинтегрирующих архаических представлений наряду с саморефлексией представлений надэтнически-религиозных и модерна.

Оптимальная последовательность развития ментальности субъекта, обеспечивающая его развитие и высокую степень адаптивности, такова – саморефлексия: 1) этноинтегрирующих архаических представлений (субъективный оптимальный возраст восприятия 1-5 лет), 2) этноинтегрирующих надэтнически-религиозных

представлений (премодерна) (7-8 лет), 3) нейтральных представлений модерна (7-9 лет), 4) эклектики постмодерна (с 9 лет). Указанные оптимальные возраста усвоения представлений премодерна и модерна предполагают усвоение этноинтегрирующих представлений архаики в оптимальном возрасте.

В качестве общего механизма оптимизации развития ментальности субъекта мы рассматриваем повышение степени этнофункционального синтеза ее компонентов: архаики, премодерна и модерна. Компонент ментальности «постмодерна» рассматривается в современной ситуации нарастания «мультикультурности» как деструктивный и, согласно нашим исследованиям, является общим условием снижения адаптивности личности [27].

Подчеркнем, что *повышение степени синтеза этноинтегрирующих компонентов архаики и премодерна в ментальности субъекта обуславливает, кроме прочего, такие важнейшие для социального взаимодействия субъекта показатели, как повышение уровня нравственности и творческого интеллекта* [30; 31].

Коллективный уровень. Как уже упоминалось, оценка состояния, прогноз и содержание оптимизации развития коллективного субъекта опирается на результаты эмпирических и экспериментально-психологических исследований на индивидуальном уровне. Диагностика

уровня саморефлексии коллективным субъектом компонентов ментальности в историогенезе может осуществляться в процессе «исторической реконструкции» М. Блока [2], полагавшего, что для понимания истории необходимо обнаружить смысл явления, мотивы людей, совершивших поступки в условиях, прочитанных ими «герменевтически» [7], т.е. субъектно.

В нашем исследовании данный метод понимается как этнофункциональная психолого-историческая реконструкция, в процессе которой выявлялось наличие представлений архаики, премодерна и модерна, их этнической функции, оценок и эмоциональных отношений к ним в письменных источниках.

Эмпирическое исследование актуальных характеристик и компонентов ментальности коллективных субъектов осуществлялось посредством анализа интернет-запросов как проявлений интереса к определенным темам. В частности, сравнительный анализ количества запросов по темам, существенно характеризующих компоненты архаики (запрос «Природа»), надэтнически-религиозные (запрос «Бог») и модерна (запрос «Знание») для стран с высокими и низкими темпами социально-экономического развития показал следующее.

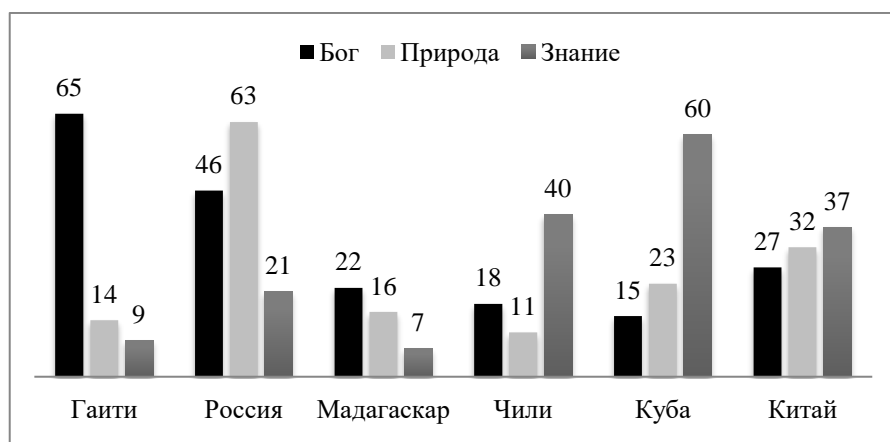

Рис. 1. Соотношение количества сетевых запросов по темам: «Бог», «Природа», «Знание» в странах с высокими и низкими темпами социально-экономического развития

На рис. 1 приведены примеры соотношений количества запросов с помощью веб-сайта Google Trends¹⁰ по указанным темам для стран с низкими (Гаити, Россия, Мадагаскар и др.) и высокими (Чили, Куба, Китай и др.) темпами социально-экономического развития.

Сравнительный статистический анализ показателей 20 стран, в частности, показал, что странах с высокими темпами социально-экономического развития преобладает количество запросов «Знание», а для стран с низкими темпами развития преобладают запросы «Бог» или «Природа»¹¹ [22]. Относительное преобладание количества запросов мы интерпретируем как показатель преобладания интереса к определенной теме¹².

В ранее проведенных гуманитарных исследованиях¹³ было показано, что степень синтеза этноинтегрирующей архаики и преמודерна в странах с высокими темпами развития существенно выше, чем в странах с низкими темпами [29, с. 184-233]. Кроме того, было показано, что в таких странах относительно более выражена гуманистическая направленность внутренней политики (там же). И, напротив, в таких странах как Республика Гаити и Республика Мадагаскар гуманистическая направленность внутренней политики оставляет желать лучшего. В первом случае низкая степень синтеза обусловлена этнодифференцирующими магическими представлениями вуду [23], а во втором расколом ментальности по религиозному признаку – половина населения Мадагаскара (от 44 до 53%) – приверженцы только традиционных племенных верований (культ предков, сил природы и др.), а другая половина от 41 до 47% исповедует христианство [17].

Психологическая интерпретация результатов исследования ментальности коллективного

субъекта основана по аналогии на результатах исследований на индивидуальном уровне, свидетельствующих о том, что формирование интереса и органичного усвоения субъектом нравственных норм и естественнонаучного способа познания, креативного интеллекта и пр. обусловлено органичным усвоением этноинтегрирующего содержания предыдущих ступеней архаики и преמודерна [27; 30].

Специфика соотношения архаики, модерна и преמודерна в развитии русской ментальности также указывает на низкую степень их синтеза [28], что отражено в соотношении гистограмм на рис. 1. Относительно малое количество запросов в России по теме «Знание», по сравнению с запросами по теме «Природа», мы интерпретируем как низкую внутреннюю потребность в модернизации, хотя такая задача официально неоднократно ставилась правительством.

Модернизация без достаточной мотивации проявляется в современной России как «поверхностный тип» модернизации во всех сферах, или «археомодернизация» [10], а в историкогенезе страны обуславливает мобилизационный тип ее развития [1; 19; 28].

Непсихологические условия повышения степени синтеза представлений архаики и преמודерна

Здесь акцент сделан именно на синтезе компонентов архаики и преמודерна, который, согласно принципу развития, является основой для усвоения содержания ступени модерна, включающей естественнонаучное мышление и представление об общем благе. Выше были приведены предварительные результаты, теоретически и эмпирически обосновывающие

¹⁰ Google Trends – веб-сайт, с помощью которого можно анализировать популярность поисковых запросов в Google Search по различным лексемам, темам, регионам, языкам и другим характеристикам.

¹¹ По критерию Манна-Уитни: $0,01 \geq p \leq 0,05$.

¹² Исследования показали, что зафиксированные нами соотношения количества запросов для различных стран сохраняются неизменными как минимум с 2004 г.

¹³ В общей методологии гуманитарного познания используются методы: индуктивный, дедуктивный, сравнительный и исторический. Методами научного доказательства считаются индуктивный и дедуктивный [13, с. 327, 330].

обусловленность непсихологических показателей развития общества структурой ментальности коллективного субъекта.

Если полученные результаты будут подтверждены в дальнейших исследованиях, то на основе философского представления об образе, как отграниченной части пространства, будет представлять интерес их использование в непсихологических областях жизнедеятельности человека: экономике, экологии, градостроительстве, медицине и др.

В связи с нарастанием распространения во всех сферах жизнедеятельности универсализации, цифровизации и других проявлений «космизирующей» регламентации поведения становится очевидной недостаточность саморефлексии коллективным субъектом архаических представлений, связанных с природой, менее отчужденными формами поведения и т.п. Космизирующую и хаотизирующую функции представлений можно ранжировать по их выраженности по их положению в континууме от архаики (высокая выраженность) до модерна (отсутствие выраженности).

Например, это может осуществляться по показателям универсальности, искусственности или близости к природе и др. Ниже приведены отдельные примеры условий развития некоторых сфер жизнедеятельности для возвращения к изначально заданному идеалу синтеза хаоса и космоса. Согласно исследованиям, проведенным на индивидуальном уровне, данные внешние условия предоставляют субъекту свободу выбора и могут способствовать психо-профилактике различных негативных социальных, психиатрических, психосоматических и других проявлений.

В приведенных ниже примерах проиллюстрирована направленность организации «средовых условий» для повышения степени синтеза архаики и других компонентов ментальности субъекта в различных областях жизнедеятельности. Особо отмечена специфика проблем

ментальности русского коллективного субъекта.

Экономика. В современной России традиционная деревня практически уничтожена, развиваются агрохолдинги, способствующие разрушению деревни, а планы государства по ее восстановлению пока «не озвучиваются». Сохранение, наряду с современными, в том числе цифровыми методами, относительно архаичного ручного неотчужденного труда и форм хозяйствования (кустарное производство, натуральный обмен и т.д.), в первую очередь в сельском хозяйстве, является психологически необходимым с различных точек зрения.

Питание. В современной России нарастает производство и импорт продуктов «для бедных», использующих условно съедобные ингредиенты. Наряду с современным производством, крайне необходимо сохранение на рынке питания доступных «экологически чистых» продуктов, произведенных «архаическими» способами. Также важно ограничение тотального использования ГМО и таких одиозных экзотических продуктов, как пальмовое масло¹⁴ в производстве продуктов питания и т.п.

Медицина. Необходимо сохранение баланса между современной и «традиционной народной медициной» по примеру Китая, Индии, Кубы. В частности, на Кубе медицина в 2012 г. была признана ВОЗ лучшей в мире. Еще в 1990-е гг. Министерство здравоохранения Кубы официально признало необходимость широкого распространения естественной и традиционной медицины (включая народные методы лечения и фитотерапию) среди широких слоев населения.

Культура (массовая). Наряду с современными популярными музыкой и танцами (преимущественно основанными на западных и этнодифференцирующих архаических образцах) существенное внимание необходимо уделять аутохтонным народным (фольклорным) коллективам, группам и пр., а также группам, использующим народные основы музыки и танца.

¹⁴ По мнению экспертов ВОЗ употребление пальмового масла способствует увеличению риска возникновения ряда хронических заболеваний.

В частности, это очень хорошо удалось в творчестве таких отечественных коллективов, как «Эргырон», «Ярар», «Песняры», а за рубежом у известных на весь мир ирландских фольклорных ансамблей и др. Согласно нашим исследованиям это имеет социально-терапевтическое значение.

Архитектура. К сожалению, даже в отличие от весьма урбанизированных западноевропейских стран, в России, особенно в Москве и других мегаполисах, имеет место колоссальный перекося в сторону современных зданий в стиле «модерна» («человейников» из стекла и бетона), по сравнению с относительно традиционной архитектурой (кроме церквей). Аналогично, изумление западноевропейцев вызывает эклектика сельского строительства и практически отсутствие традиционного деревенского строительства. Например, во Франции и некоторых других регионах сельское строительство на законодательном уровне предполагает шаблоны, ориентированные на традиционную архитектуру. В России предпочтение городского строительства высшими чиновниками аргументируется как финансово более выгодное. «Археомодерн» в архитектуре как перекося баланса от архаики в сторону модерна в России пока торжествует.

Религия. В отличие от мусульманства и католицизма, современная непримиримая борьба с дохристианской архаикой как «остатками язычества», чаще всего понимаемого как вера в духов природы или соответствующих богов, похоже, проводится только в РПЦ. Патриарх Кирилл отмечал нарастание популярности явлений так называемого «родноверия» среди населения, особенно в силовых структурах и осудил их. При этом отнюдь не все служители церкви и высшие иерархи придерживаются такого мнения. Официальное осуждение отправления дохристианских культов, зачастую, несмотря на самоидентификацию действий их сторонников не как «язычество», а как «поклонение природе», может обуславливать раскол

этнического поля, десакрализацию отношения к природе и т.п.

Другими словами, степень синтеза этноинтегрирующих архаических и надэтнически-религиозных компонентов в русской ментальности¹⁵ является относительно низкой, и стигматизация «природопоклонников» вместо попыток их интеграции в коллективную ментальность представляется контрпродуктивной. На наш взгляд, необходим учет и совместное обсуждение результатов научных исследований в данной области как богословами, так и научными работниками.

Образование. Эта сфера имеет особое значение для развития ментальности субъекта. Система образования есть инструмент конструирования будущего России. В исследованиях было показано, что такие базовые характеристики личности, как психическое здоровье, интеллект, патриотизм, нравственность и др. преимущественно формируются в дошкольном возрасте. Далеко не для всех работников образования ясно, что патриотизм начинается буквально с детской любви к родной природе в возрасте до 5 лет [29]. Ранний дошкольный возраст является оптимальным для органичного усвоения этноинтегрирующего архаического компонента в виде волшебных сказок, традиционных представлений о живой природе и т.п. Не проходит ни дня, когда в современных детских садах детям не показывают мультфильмы, негативно влияющие независимо от содержания на познавательную активность детей – ее снижение.

В школе в настоящее время происходит не только неоправданная «цифровизация» учебного процесса, но и перегрузка младших школьников бессмысленными иллюстративными образами (картинками), снижающими познавательную активность ребенка. Имеют место и другие неоправданные целями образования нововведения. В целом в школах существенно вырос уровень формализации («гипер-

¹⁵ В данном исследовании русская ментальность рассматривается как системо- и государствообразующая в России.

космизации») и обучения, и воспитания. В старших классах и вузах данный процесс принимает тотальные масштабы.

При этом, в частности, в системе китайского образования соблюдается определенный баланс этноинтегрирующих архаических форм воспитания и модерна. В дошкольном возрасте воспитание строится на основе этнопедагогике – этноинтегрирующих народных волшебных сказках, мифологических представлениях и пр. Начиная с начальной школы, постепенно включаются естественнонаучные представления модерна и т.п. [33].

Выше были перечислены лишь некоторые фрагменты «болевых точек» общественного устройства как иллюстрации дисбаланса архаики и модерна в ментальности русского коллективного субъекта, так и преобладания этнодифференцирующих представлений в различных сферах жизнедеятельности, играющих дезадаптирующую роль в развитии человека.

Заключение

В статье представлены философские, культурологические, этнологические и психологические основания концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса, с помощью которых были получены новые и отчасти парадоксальные экспериментально-психологические и эмпирические результаты в исследовании индивидуального и коллективного субъекта. В качестве одного из таких результатов можно рассматривать обусловленность повышения уровня нравственности и интеллектуальных показателей индивидуального субъекта этноинтегрирующими архаическими (в частности, природно-анимистическими) представлениями.

В стадии начальной разработки находятся исследования с указанных теоретических позиций структуры ментальности коллективного субъекта как гуманитарными, так и эмпирическими методами, результаты которых опубликованы в научных изданиях. Полученные результаты позволяют описать психологические механизмы развития коллективного субъекта и на этой основе выработать предварительную

модель развития произвольных субъектов и их объединений. Частичная верификация указанных теоретических положений выявила психологические инструменты и способы оптимизации развития субъекта по многим, в том числе непсихологическим показателям.

Важным теоретическим и отчасти эмпирическим результатом является то, что для оптимизации межсубъектного взаимодействия человеческих сообществ необходимо органичное усвоение этноинтегрирующих нравственных норм (христианских, мусульманских, буддистских и др.), основанное на принципе развития. Основой для органичного усвоения *любых* нравственных норм необходим их синтез с этноинтегрирующим компонентом архаики как содержанием предыдущей ступени историогенеза субъекта в конкретных природно-культурных условиях. Неорганично усвоенные нравственные нормы обуславливают их буквальное применение, «по букве», а системно и органично усвоенные – предполагают их гибкое использование «по духу», что обуславливает возможность межкультурного диалога.

Результаты исследований позволяют предположить, что для оптимизации развития и межсубъектного взаимодействия человеческих сообществ необходима не выработка «новой этики», но органичное усвоение традиционных нравственных норм, этноинтегрирующих субъекта с собственным этносом или этнической системой. Данное положение является реализацией представления о развитии как возвращении к изначально заданному идеалу.

Полученные теоретические и практические результаты открывают возможность их перспективного использования для анализа актуального межсубъектного взаимодействия ментальностей, в частности, России и Украины с новых позиций, а также нового прочтения концепта «русский мир» и других актуальных представлений о вариантах глобального «антропологического перехода», которые обсуждаются на различных уровнях [18].

Литература

1. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России: XVIII – начало XX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007.
2. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.
3. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117-127.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
5. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: ИПРАН, 2007.
6. Дерябо С.Д. Феномен субъективизации природных объектов. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: 2002.
7. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги (ДИК), 2001.
8. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956.
9. Досократики. Мн.: Харвест: 1999.
10. Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011.
11. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72-80.
12. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения в 6 томах. Т.3. М.: «Мысль», 1964.
13. Кареев Н. Общая методология гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327-364.
14. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
15. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
16. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.
17. Мадагаскар. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2561206.html> (дата обращения: 20.01.2021).
18. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.
19. Морозов М.Н. Мобилизационный путь развития российской цивилизации // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 2. С. 175-184.
20. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 91-98.
21. Орлов И.А. Труды св. Максима Исповедника по раскрытию учения о двух волях во Христе: историко-догматическое исследование. Краснодар: Текст, 2012.
22. Рейтинг стран по темпам экономического развития (роста). URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/economic-grow> (дата обращения: 23.05.2021).
23. Религия на Гаити. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.192ab820-6273e740-e41d1425-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_Haiti (дата обращения: 20.01.2021).
24. Руссо Ж-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.
25. Сиринов Ефрем. О рае. М.: Сибирская благовонница, 2015.
26. Степин В.С. Синергетика в контексте постнеклассической рациональности // Горизонты синергетики: Структуры, хаос, режимы с обострением / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 319-338.
27. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
28. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
29. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. М.: Когито-Центр, 2022.
30. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 47-60.
31. Сухарев А.В., Чулисова А.П. Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2013.

32. Топоров В.Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 581-582.
33. Цао Ян. Этнопедагогические традиции и их использование в образовательной практике Китая. Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Цао Ян. М.: 2004.
34. Шихирев П.Н. Эволюция парадигмы в современной социальной психологии. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: 1993.
35. Merton R.K. On Sociological Theories of the middle range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.-I: Free Press, L.: Macmillan, 1967.
36. Nye J.S. The Powers to Lead. NY: Oxford University Press, 2008.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022

THE CONCEPT OF ETHNO-FUNCTIONAL SYNTHESIS OF CHAOS AND COSMOS: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND PROSPECTS OF APPLICATION IN PSYCHOLOGY

© Aleksandr V. Sukharev

Sc.D. (psychology), professor, leading researcher,
laboratory of the history of psychology and historical psychology,
Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
zavor753@mail.ru

The article presents the philosophical and theoretical foundations, as well as the results of the ethno-functional synthesis of chaos and cosmos concept use in psychology. Some non-obvious results of experimental psychological and empirical studies of the subject development at the individual and collective levels are presented. A humanitarian model of optimizing the interaction of subjects based on a new understanding of the mechanisms of mental development is proposed.

Keywords: chaos, cosmos, archaic, premodern, modern, postmodern, development, collective subject, society, ethno-functional approach.

REFERENCES

1. Alekseeva, E.V. (2007). Diffuziya evropejskih inno-vacij v Rossii: XVIII – nachalo XX vv. [*Diffusion of European innovations in Russia: XVIII – early XX centuries*] Avto-ref. dis. ... d-ra ist. nauk. [*auto-ref. dis. ... Dr. hist. sciences*] Ekaterinburg.
2. Blok, M. (1986). Apologiya istorii [*Apology of history*]. Moscow: Nauka.
3. Branskij, V.P. (1999). Social'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii [*Social Synergetics as a Postmodern Philosophy of History*] // Obshchestvennye nauki i sovremenost' [*Social Sciences and Modernity*]. № 6. P. 117-127.
4. Bromlej, YU.V. (1983). Oчерки teorii etnosa [*Essays on the theory of ethnoses*]. Moscow: Nauka. M.
5. Gostev, A.A. (2007). Psihologiya vtorichnogo obraza [*Psychology of the secondary image*]. Moscow: IPAN.
6. Deryabo, S.D. (2002). Fenomen sub"ektifikacii pri-rodnyh ob"ektov [*The phenomenon of subjectification of natural objects*]. Avto-ref. dis. ...

- d-ra psi-hol. nauk. [author. dis. ... Dr. *psychological sciences*]. Moscow.
7. Dil'tej, V. (2001). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 4: Hermenevtika i teoriya literatury [Collected works: in 6 volumes. T. 4: Hermeneutics and theory of literature]*. M.: Dom intellektual'noj knigi (DIK) [Moscow: House of Intellectual Books].
 8. Disterveg, A. (1956). *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical writings]*. M.: Gos. ucheb.-ped. izd-vo [Moscow: State. educational and pedagogical publishing house].
 9. Dosokratiki (1999) [*Presocratics*]. Mn.: Harvest [Minsk: Harvest].
 10. Dugin, A.G. (2011). *Arheomodern [Archeomodern]*. Moscow: Arktogetya.
 11. ZHuravlev, A.L. (2009). Kollektivnyj sub"ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologicheskie tipy [*Collective subject: main features, levels and psychological types*] // Psihol. zhurnal [*Psychological journal*]. V. 30. № 5. P. 72-80.
 12. Kant, I. (1964). *Kritika chistogo razuma. Sochineniya v 6 tomah. T.3. [Criticism of Pure Reason. Works in 6 volumes. V.3.]*. Moscow: «Mysl'».
 13. Kareev, N. (2017). *Obshchaya metodologiya gumanitarnyh nauk [General methodology of the humanities]* // Sociologicheskoe obozrenie [*Sociological review*]. V. 16. № 3. P. 327-364.
 14. Komenskij, YA.A. (1982). *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works]*. Moscow: Pedagogika. V. 1.
 15. Levi-Bryul', L. (1994). *Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Supernatural in primitive thinking]*. Moscow: Pedagogika-Press.
 16. Losev, A.F. (1977). *Antichnaya filosofiya istorii [Ancient philosophy of history]*. Moscow: Nauka.
 17. Madagaskar [Madagascar]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2561206.html> (data obrashcheniya: 20.01.2021).
 18. Medouz, D., Randers, J., Medouz, D. (2007). *Predely rosta. 30 let spustya [Limits to growth. The 30-year update]*. Moscow: "Akademkniga".
 19. Morozov, M.N. (2011). *Mobilizacionnyj put' raz-vitiya rossijskoj civilizacii [Mobilization path of development of Russian civilization]* // Vestnik Tomskogo gos. un-ta [*Bulletin of the Tomsk State University*]. № 2. P. 175-184.
 20. Nazaretyan, A.P. (1997). *Sinergetika v gumanitarnom znanii: predvaritel'nye itogi [Synergetics in the Humanities: Preliminary Results]* // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [*Social Sciences and Modernity*]. № 2. P. 91-98.
 21. Orlov, I.A. (2012). *Trudy sv. Maksima Ispovednika po raskrytiyu ucheniya o dvuh volyah vo Hriste: istoriko-dogmaticeskoe issledovanie [Works of St. Maximus the Confessor on the disclosure of the doctrine of two wills in Christ: a historical and dogmatic study]*. Krasnodar: Tekst.
 22. *Rejting stran po tempam ekonomicheskogo razvitiya (rosta) [Rating of countries in terms of economic development (growth)]*. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/economic-grow>.
 23. *Religiya na Gaiti [Religion in Haiti]*. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.192ab820-6273e740-e41d1425-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_Haiti.
 24. Rousseau J.J. (1969). *Traktaty [Treatises]*. Moscow: Nauka.
 25. Sirin, Efrem. (2015). *O rae [About paradise]*. Moscow: Sibirskaya blagozvonnica [*Siberian belfry*].
 26. Stepin, V.S. (2019). *Sinergetika v kontekste post-neklassicheskoy racional'nosti [Synergetics in the context of post-nonclassical rationality]* // *Gorizonty sinergetiki: Struktury, kaos, rezhimy s obostreniem / Pod red. G.G. Malineckogo [Horizons of synergetics: Structures, chaos, blow-up regimes / Ed. G.G. Malinetsky]*. Moscow: LENAND. P. 319-338.
 27. Suharev, A.V. (2008). *Etnofunkcional'naya paradigma v psihologii [Ethnofunctional paradigm in psychology]*. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*].

28. Suharev, A.V. (2017). Razvitie russkoj mental'nosti [*Development of Russian mentality*]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*].
29. Suharev, A.V. (2022). Razvitie sub"ekta: Logos, kosmos i haos [*Development of the subject: Logos, cosmos and chaos*]. Moscow: Kogito-Centr.
30. Suharev, A.V., Timohin, V.V., Vydrina, E.A., SHaporeva, A.A. (2019). Rol' znachenij etnicheskoj funkcii predstavlenij lichnosti v izmeneanii pokazatelej urovnya intellekta [*The role of the values of the ethnic function of personality representations in changing indicators of the level of intelligence*] // Eksperimental'naya psihologiya [*Experimental psychology*]. V. 12. № 2. P. 47-60.
31. Suharev, A.V., CHulisova, A.P. (2013). Etnofunkcional'naya korrekciya obraznoj sfery lichnosti osuzhdennyh za nasil'stvennye prestupleniya [*Ethnofunctional correction of the figurative sphere of the personality of those convicted of violent crimes*]. Moscow: Izd-vo «In-t psihologii RAN» [*Publishing House "Institute of Psychology RAS"*].
32. Toporov, V.N. (1992). Haos pervobytnyj [*Primitive chaos*] // Mify narodov mira: enciklopediya: v 2 t. / Gl. red. S.A. Tokarev [*Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 volumes / Ch. ed. S.A. Tokarev*]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya [*Soviet Encyclopedia*]. V. 2. P. 581-582.
33. Cao, YAn. (2004). Etnopedagogicheskie tradicii i ih ispol'zovanie v obrazovatel'noj praktike Kitaya [*Ethnopedagogical traditions and their use in the educational practice of China*]. Avtoref. dis. ... kand. ped. Nauk. [*author. dis. ... cand. pedagogical sciences*]. Moscow.
34. SHihirev, P.N. (1993). Evolyuciya paradigmy v sovremennoj social'noj psihologii [*The evolution of the paradigm in modern social psychology*]. Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk [*author. dis. ... Dr. psychological sciences*]. Moscow.
35. Merton, R.K. (1967). On Sociological Theories of the middle range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.-I: Free Press, L.: Macmillan.
36. Nye, J.S. (2008). The Powers to Lead. NY: Oxford University Press.

The article was received 03.05.2022

Общая психология

СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ И КВАНТОВАЯ ПАРАДИГМА

© Соловьев Н.А.

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы,
Санкт-Петербург, Россия
solovyovnikita@mail.ru

В статье рассмотрен феномен сознания с философской и естественнонаучной точек зрения. Представленное рассмотрение указывает на то, что в философии Декарта, Гуссерля, йоге Патанджали и традиции исихазма сознание разделяют на две части: содержания сознания, связанные с обработкой информации в мозге, и *Я*, которое является волевым и созерцающим центром личности. Показано, что свобода воли, как возможность для внефизического *Я* управлять физическим телом, может быть объяснена в предположении, что мозг является квантовым объектом. В этом случае управление мозгом со стороны внефизического *Я* укладывается в копенгагенскую интерпретацию квантовой механики и концепцию фон Неймана. Описан ряд психологических экспериментов, включая эксперименты А. Тверски, Д. Канемана и Б. Либета, результаты которых могут быть описаны с использованием квантовоподобного формализма. Представлены результаты оригинальных опытов по исследованию принятия решений в условиях неопределенности. Разработана математическая модель, описывающая влияние подсказок на принятие решений. Представлены результаты исследования электроэнцефалографических характеристик состояния внутреннего безмолвия, характерного для традиции исихазма. Дана интерпретация внутреннего опыта в данном состоянии от первого лица.

Ключевые слова: сознание, внефизическое *Я*, картезианский дуализм, йога, исихазм, свобода воли, квантовая механика, принятие решений, внутреннее безмолвие, электроэнцефалограмма.

Философия сознания

Проблема сознания и его связи с телом является одним из ключевых вопросов философии, психологии и нейрофизиологии. Как показано в работах [8; 9; 10], одним из главных вызовов при рассмотрении проблемы сознания является вопрос свободы воли, для решения которого необходим выход за рамки лапласовского детерминизма и привлечение идей квантовой механики.

В европейской традиции вопрос о существовании сознания и его связи с мышлением поставил Рене Декарт в своей известной формуле «Egocogito (ergo) sum». Однако, несмотря на кажущуюся простоту этой формулы, она имеет

различные толкования. Как писал Мартин Хайдеггер в работе [12]: «Egocogito (ergo) sum – «я мыслю, следовательно, я существую». Перевод дословный и правильный». Но дословный перевод не передает смысл формулы. Ее можно прочитать двумя различными способами. Можно считать, что мышление является главным атрибутом существования. А можно прочитать формулу с ударением на *Я*, тогда она будет означать, что существует некое *Я*, которое является истинным субъектом, и это *Я* осуществляет процесс мышления. Эту мысль Хайдеггер поясняет следующим образом: «Представляющее *Я* гораздо более существенным и необходимым образом представляется в

каждом “я представляю” вместе с ним, а именно как то, при чем, против чего и перед чем выставляется всякое представляемое» [12]. Другими словами, мы можем считать, что сознание человека разделено на две части: на содержания сознания и *Я*, которое наблюдает содержания сознания и осуществляет управление процессом мышления.

При такой постановке вопроса содержания сознания оказываются связанными с процессами обработки информации, происходящими в мозге, а *Я* наблюдает эти процессы и управляет ими. Традиция Декарта была продолжена Эдмундом Гуссерлем, который развил свою феноменологию, существо которой наглядно демонстрируется следующим высказыванием: «Только себя самого, как чистое его своих cogitationes, удерживает размышляющий как сущее абсолютно несомненно, как неустраняемое, даже если бы не было этого мира» [2]. Здесь Э. Гуссерль говорит о том, что даже при отсутствии содержаний сознания, отражающих внешний мир, остается наше *Я*, которое является неустраняемым и абсолютно несомненным.

Надо отметить, что задолго до Декарта концепция истинного субъекта или *Я* была принята в индийской йогической традиции. Вот что по этому поводу писал известный исследователь йоги Мирча Элиаде: «...знание собственного *Я* – не в профанном, а в аскетическом и спиритуальном смысле слова – есть цель, преследуемая большинством индийских спекулятивных систем» [13]. При этом основной способ обнаружения своего истинного *Я* в традиционной йоге Патанджали состоит, по сути дела, в **экзистенциальной** феноменологической редукции, о которой говорил Гуссерль: «Первый долг йогина в отношении мышления – не позволять себе мыслить вообще» [13].

Другими словами, останавливая поток мышления и уничтожая содержания собственного сознания, йогин остается наедине со своим *Я* или его. Надо отметить, что в традиционной йоге Патанджали экзистенциальное обнаружение собственного *Я* является, по сути, целью духовной практики. При этом считается, что человек осознавший свое *Я* отстраняется от внешнего мира или майи и достигает бессмертия. И

если в йоге Патанджали считается, что *Я* является в лучшем случае наблюдателем и практически не может взаимодействовать с телом, то в йоге Шри Ауробиндо считается, что *Я* является также и волевым центром: «Все ментально развитые люди, достигшие уровня выше среднего, должны так или иначе или хотя бы время от времени или же для определенных целей разделять ум на две части – на активную часть, которая является фабрикой мыслей, и на спокойную, господствующую часть, которая есть одновременно Свидетель и Воля и которая наблюдает мысли, рассматривает их, отвергает, исключает, принимает, вносит поправки и изменения – Хозяин в Доме Разума, способный к самоуправлению, самраджа» [7].

Отметим, что разделение сознания на *Я* и содержания сознания признается и в православной традиции исихазма, где *Я* называется умом, а содержания сознания разумом: «Величайшим благодеянием, которое трезвенный и безмолвный образ жизни преподобных отцов может оказать современному человеку, является отделение ума от рассудка. Рассудок – это сила души, посредством которой мы рассуждаем, получаем представление об окружающем мире и вступаем в общение с ним. Посредством же ума, который есть свет Божий, мы вступаем в общение с Богом, в то время как рассудок позволяет выразить и запечатлеть этот божественный опыт» [5].

Важно понимать, что в православной аскезе нахождение собственного *Я* не является основной целью. Наиболее важной составляющей практики считается освобождение своего сознания от ненужных содержаний или помыслов: «Православный монах своим главным делом считает внутреннее умное внимание с молитвою в сердце, что дает ему возможность **видеть помысл** прежде, чем он войдет в сердце. Ум, безмолвным вниманием стоящий в сердце, видит, как помысл приближается **извне**, пытается проникнуть в сердце, и молитвою отгоняет его» [11].

Естественнонаучные проблемы сознания

Если теперь рассмотреть концепцию сознания с естественнонаучной точки зрения, то становится ясно, что существование *Я* в качестве наблюдателя, в принципе, не противоречит научной парадигме. Ни доказать, ни опровергнуть существование наблюдающего *Я* невозможно. Однако, объяснение возможности управления материальным телом со стороны нефизического *Я* вызывает существенные трудности, поскольку считается, что это нарушает каузальную замкнутость физического мира и приводит к нарушению законов сохранения энергии и импульса.

Эта точка зрения справедлива, если мы считаем, что мозг человека является классическим физическим объектом. Действительно, фазовая траектория классических объектов и систем не имеет точек ветвления, что соответствует представлениям о классическом лапласовском детерминизме, отвергающем свободу воли. Однако, если мозг является квантовым объектом, то на его фазовой траектории могут существовать точки ветвления, т.е. свобода воли, в принципе, возможна.

Это решение проблемы является очень заманчивым для философии и психологии, но оно связано с определенными трудностями. Они обусловлены тем, что в макроскопических квантовых системах большую роль играет механизм декогеренции, который подавляет их квантовые свойства. Одним из выходов в данной ситуации является рассмотрение мозга в качестве аналога многомодового лазера, который представляет собой макроскопический квантовый объект [3].

Но все же фундаментальная особенность квантовой механики, связанная с возможностью ее привлечения к объяснению свободы воли и возможности воздействия нефизического *Я* на материю мозга, связана с копенгагенской интерпретацией квантовой механики и концепцией фон Неймана. Здесь нужно пояснить, что, в отличие от классической, квантовая система может находиться в нескольких состояниях одновременно. Такое необычное состояние системы носит название суперпозиции. Согласно квантовой механике, любая замкнутая

система является квантовой и может находиться в суперпозиционном состоянии. Это значит, что если мы рассматриваем возбужденный атом в качестве замкнутой системы, то он будет находиться в суперпозиции – возбужденный/распавшийся атом. Но, если мы измеряем состояние этого атома неким прибором, то атом оказывается в каком-либо одном состоянии, и прибор указывает на это состояние. Однако, если мы рассмотрим в качестве замкнутой системы совокупность прибора и атома, то вся система должна оказаться в суперпозиции, и стрелка прибора должна оказаться в суперпозиции двух положений, указывающих на распавшийся и нераспавшийся атом.

Далее мы можем, согласно логике известного парадокса кота Шредингера, подключить к прибору молоток, который при измерении распавшегося атома разбивает ампулу с ядом и убивает, находящегося рядом кота. Но, повторяя предыдущие рассуждения, мы можем поместить всю систему, включая кота, в изолированный от внешнего мира ящик и рассматривать ее как изолированную квантовую систему, которая должна находиться в суперпозиции. В этом случае кот окажется в состоянии суперпозиции – живой/мертвый кот. Но, если наблюдатель открывает ящик, то суперпозиция разрушится, и он увидит либо живого, либо мертвого кота. Получается, что в традиционном парадоксе кота Шредингера наблюдатель оказывается ответственным за распад атома и жизнь кота.

Этот парадокс усиливается еще больше, если мы, согласно логике фон Неймана, включим в замкнутую систему и материального наблюдателя. Тогда получается, что и наблюдатель (его материальный мозг) должен оказаться в суперпозиции и видеть суперпозицию – живой/мертвый кот. Но, поскольку этого не происходит, то фон Нейман предположил, что разрушение суперпозиции осуществляет абстрактное *Я* наблюдателя. Фон Нейман строго доказал, что такой подход не противоречит логике квантовой механики.

Однако логика этого парадокса не устраивала значительную часть физиков, и вскоре было показано, что суперпозиция разрушается уже на этапе взаимодействия атома с прибором

и окружением, вследствие эффекта декогеренции. В этом случае все встало на свои места: стрелка прибора оказывается в одном положении и мозг наблюдателя не оказывается в суперпозиции. Но все же идеи фон Неймана не оказываются бесполезными, если мы рассматриваем работу мозга в режиме внутренних раздумий. В этом случае мозг можно рассматривать как замкнутую систему, и тогда любая квантовая флуктуация, дающая начало какой-нибудь мысли, переводит весь мозг в состояние суперпозиции, которая может быть разрушена нефизическим *Я* размышляющего человека.

По этому поводу в работе А.А. Гриба говорится следующее: «Шредингеровские коты могут наблюдаться мною в моем теле» [1]. При этом именно существование котов Шредингера в мозге человека является основанием для существования у человека свободы воли и осознанного выбора. Кроме того, становится ясно, что абстрактное *Я*, введенное фон Нейманом из чисто физических соображений, является тем же самым *Я*, о котором говорят йоги, исихасты, Р.Декарт, Э. Гуссерль и М. Хайдеггер.

Квантовоподобные эффекты в поведении человека

Утверждение о квантовости мозга ставит вопрос о проявлениях этой квантовости в поведении человека. Существуют ли такие проявления? Да, они существуют. В квантовой механике есть известное соотношение неопределенностей Гейзенберга, из которого следует, что мы не можем одновременно измерить координату и импульс квантовой частицы: чем точнее мы измеряем координату, тем неопределенней становится импульс.

В поведении человека мы тоже можем обнаружить подобную ситуацию. Допустим, мужчина выбирает себе жену и стоит перед выбором: выбрать жену красивую или умную. Если он решит, что жена должна быть очень красивой, то она может оказаться не умной, и наоборот. Аналогичная ситуация имеет место, например, при выборе машины. Пусть человек хочет купить красную и мощную машину. Если он однозначно решил купить красную машину, то в

автосалоне может не оказаться красного и одновременно мощного автомобиля.

Квантовоподобное поведение человека проявляется также в известных экспериментах по исследованию выбора в условиях неопределенности, которые были проведены в конце прошлого века А. Тверски и Д. Канеманом [27]. Смысл этих экспериментов состоял в том, что испытуемым рассказывали короткую и неопределенную историю про вымышленную девушку Линду: «Линде 31 год, она не замужем, откровенна и очень умна. Она специализировалась на философии. Будучи студенткой, она глубоко интересовалась вопросами дискриминации и социальной справедливости, а также участвовала в антиядерных демонстрациях». После прослушивания истории испытуемым задавали вопросы:

(F): Является ли Линда феминисткой?

(T): Является ли Линда банковским кассиром?

(T&F): Является ли Линда банковским кассиром и феминисткой?

Результаты экспериментов обнаружили отклонение от классического вероятностного закона и нарушение закона конъюнкции, когда вероятность ответа (T&F) оказалась больше вероятности (T): «Еще более удивительным и менее приемлемым является вывод о том, что подавляющее большинство испытуемых также оценивают союзы (... T&F) как более вероятные, чем их менее репрезентативные составляющие (... T)» [27]. Другими словами, в рамках классической вероятностной модели вероятность ответа (T) должна быть больше вероятности ответа (T&F), поскольку вероятность ответа (T&F) должна равняться вероятности ответа (T) умноженной на вероятность ответа (F), а эксперимент демонстрирует обратное. В своей работе А. Тверски и Д. Канеман объясняют это отличие классической теории от эксперимента интуитивностью в принятии решений.

Сложности с объяснением представленных экспериментов в рамках классической вероятностной модели дали толчок к построению квантовых моделей принятия решений. В работе J.S. Trueblood, E.M. Pothos и J.R.

Bussemeier по этому поводу говорится следующее: «...есть много хорошо установленных эмпирических данных (например, из влиятельной исследовательской традиции А. Тверски, Д. Канемана), которые трудно согласовать с принципами СР [классической теории вероятностей]; и которые имеют естественные и прямые объяснения на основе квантовых принципов»

[26]. Наиболее удачной можно признать модель, где состоянию психики испытуемого после прослушивания истории про Линду приписывается некоторый вектор состояния, по аналогии с обычным квантовым формализмом [21]. При этом вероятности ответов «да» или «нет» вычисляются как квадраты проекций этого вектора на соответствующие ортогональные оси: ось «да» или ось «нет» (рис. 1).

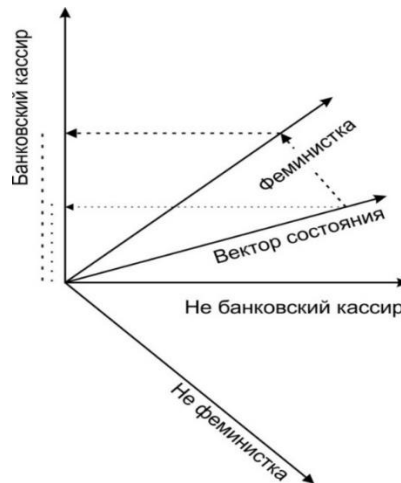

Рис. 1. Схема интерпретации феномена «квантовая Линда» [21]

Кроме того, предполагается, что дать ответ на два вопроса одновременно невозможно: «Это равносильно утверждению, что невозможно одновременно присвоить значение истинности несовместимым наблюдаемым. Чтобы вычислить конъюнкцию для несовместимых наблюдаемых (например, как это необходимо для моделирования экспериментальной задачи Линды), J.R. Bussemeieretal постулировали процесс последовательной проекции: вектор состояния сначала проецируется на более вероятный предикат ..., а затем проецируется на менее вероятный (банковский кассир)» [26].

Важной особенностью данной модели является то, что ортогональные оси «да» – «нет» для случая «феминистка» и «кассир» расположены под некоторым углом друг к другу. Именно это позволяет описать важную особенность человеческой психики, состоящую в том, что разная последовательность ответов на вопросы дает различные результаты, т.е., говоря в терминах квантовой механики, операторы ответов не коммутируют друг с другом. Объяснить это можно довольно просто. Действительно, если

мы зададим испытуемому вопрос: является ли «девушка Линда» банковским кассиром и испытуемый даст на него определенный ответ, то вектор состояния, описывающий его психику, спроектируется на определенную ось системы координат «банковский кассир». Тогда следующий ответ на вопрос, является ли «девушка Линда» феминисткой, будет даваться уже из нового состояния, что, естественно, даст другие вероятности ответов «да» – «нет», чем при прямом ответе на вопрос, когда вектор состояния психики находился в начальном состоянии.

Отметим, что непосредственного наблюдения некоммутативности, которая считается квантовым эффектом, в опытах А. Тверски и Д. Канемана не наблюдалось. В них было отмечено нарушение закона конъюнкции, которое затем уже интерпретировалось в рамках квантового формализма. Однако в работе Т.М. Rothos, J.R. Bussemeier в качестве подтверждения существования некоммутативности при принятии решений представлены данные социологического опроса, проведенного службой Гэл-лапа, в котором в разном порядке задавались

два вопроса: 1) Является ли Клинтон порядочным человеком? и 2) Является ли Гор порядочным человеком? Результаты опроса показали, что, при представленном выше порядке вопросов 1-2, ответы «Да» для Клинтона и Гора составляли 50% и 68%, соответственно, а для обратного 2-1 порядка вопросов 57% и 60% [20; 21]. Эти результаты не могут быть объяснены,

исходя из классической теории вероятности, однако квантовая модель дает адекватное объяснение, по смыслу совпадающее с объяснением парадокса «квантовой Линды». На рис. 2 представлена схема, объясняющая возникновение некоммутативности в описанном выше опросе.

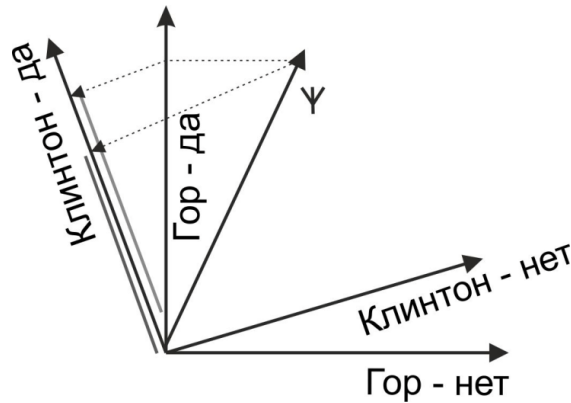

Рис. 2. Схема интерпретации некоммутативности в социологическом опросе о порядочности Клинтона и Гора [21]

Здесь так же, как и для объяснения парадокса «квантовой Линды» заданы две системы координат «порядочный – непорядочный» («да – нет») для Клинтона и Гора. В том случае, если первый ответ относится к Клинтону, прямая проекция вектора состояния на его ось «да» будет меньше, чем в случае, когда сначала производится ответ «да» в отношении Гора, а затем уже осуществляется проекция на ось «да» для Клинтона.

Представленная выше интерпретация экспериментов «квантовая Линда» и Клинтон/Гор в духе квантоподобной логики в настоящее время является достаточно популярной. Однако, существуют и другие подходы к решению описанных парадоксов. Так, например, в работе А.В. Павлова предлагается способ их описания с использованием концепции голографии

Фурье [6]. Кроме того, существует возможность описания представленных экспериментов в духе нейросетевой парадигмы, которая имеет много общего с голографическим подходом¹. Смысл нейросетевой интерпретации эксперимента «Клинтон / Гор» состоит в том, что ответ на вопрос: «является ли Клинтон (или Гор) порядочным человеком?» можно представить как решение классической задачи по распознаванию образов. В этом случае мы должны рассмотреть некоторое векторное пространство «порядочный / непорядочный» (П/НП), которое по аналогии с квантовым подходом можно представить в двумерном случае. В этом пространстве векторы порядочности Клинтона и Гора (в том случае, когда ответ об их порядочности дается первым и не искажается предварительным вопросом о другом персонаже) будут расположены так, как показано на рис. 3.

¹ Автор благодарит А.В. Павлова за плодотворную дискуссию о применимости нейросетевой парадигмы для описания представленных экспериментов.

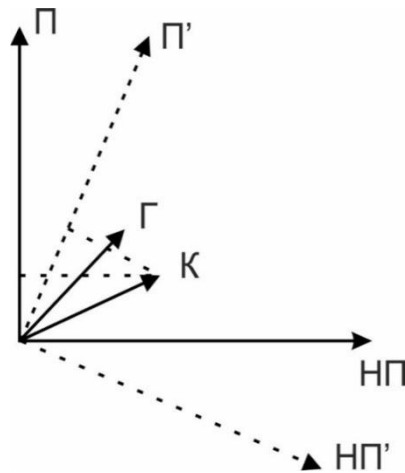

Рис. 3. Схематическое изображение векторного пространства «порядочный / непорядочный» (П/НП) с векторами, соответствующими представлениям о Клинтоне (К) и Горе (Г). Пунктиром изображены оси «порядочный/непорядочный» (П'/НП') после дообучения нейросети с использованием вектора порядочности Гора

Если теперь после ответа на вопрос о порядочности Гора испытуемый дает ответ о порядочности Клинтона, то естественно предположить, что нейронная сеть мозга испытуемого дообучается и дополняет свое представление о порядочности образом Гора, что означает поворот осей П/НП вправо в положение П'/НП'. При этом новый вектор, соответствующий оси ординат, определяется следующим образом: $P' = P + h(G - P)$, где h называется темпом обучения и принимает значения от 0 до 1. При максимальном значении $h = 1$ новое положение оси П' совпадает с вектором Г, т.е. $P' = G$.

Как видно из рис. 3 ответ на второй вопрос о порядочности Клинтона будет соответствовать уже проекции вектора порядочности Клинтона на ось П'/НП', и его порядочность будет больше, чем в случае, когда он опрашивается первым, что согласуется с данными эксперимента. Отметим, что оси П/НП могут повернуться и против часовой стрелки, если проекция обучающего вектора порядочности данного персонажа произойдет на ось НП.

В этом случае уже ось НП (а не П, как ранее) будет приближаться к обучающему вектору. Важно понимать, что нейросетевая логика описания данного эксперимента не исключает неоднозначности, связанной с выбором человека. Действительно, человек, в отличие от машины, не всегда осуществляет наиболее вероятный выбор, и его иррациональность будет

определять поворот осей в ту или иную сторону.

Рассматривая вопросы свободы воли и квантовоподобные свойства психики, нельзя обойти вниманием известные опыты Либета [19], в которых изучались нейробиологические особенности принятия решений. В этих экспериментах испытуемый должен был в произвольный момент времени осуществить некоторое простое действие, например, поднять руку.

В опытах измерялся потенциал готовности, который отвечает за подготовку и осуществление действия, а также момент времени, когда испытуемый, или, в нашей терминологии, абстрактное или нефизическое Я испытуемого осознавало внутреннее индивидуальное желание осуществить действие. Подчеркнем, что в этих опытах нефизическое Я проявлялось, хотя и косвенным образом, поскольку удавалось зарегистрировать момент осознания нематериальным Я процессов, происходящих в собственном мозге испытуемого. При постановке экспериментов предполагалось, что Я испытуемого сначала должно осознать желание поднять руку, а потом должен возникнуть потенциал готовности, который, в конечном счете, запустит механизм поднятия руки. Однако эксперимент показал, что за 550 мс до совершения действия возникает потенциал готовности; через 300 мс, или за 250 мс до совершения действия, человек осознает желание поднять руку; еще через 200

мс, или за 50 мс до совершения действия, возбуждаются двигательные нейроны, и процесс переходит в необратимую стадию исполнения.

Эти эксперименты вызвали широкую дискуссию, поскольку, на первый взгляд, они доказывали отсутствие свободной воли. Однако сам Б. Либет указал на то, что следующие 200 мс

после момента осознания желания выполнить действие испытуемый может его отменить, т.е. он, выражаясь языком Б. Либета, имеет право вето [18]. Возможность отмены действия заканчивается за 50 мс до его выполнения, когда начинается активация двигательных нейронов (рис. 4).

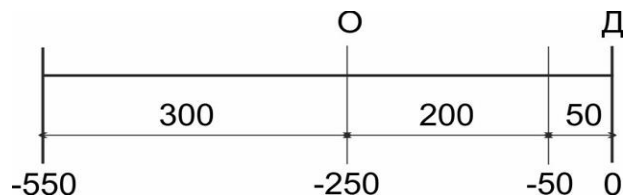

Рис. 4. Временная шкала в экспериментах Б. Либета: первые 300 мс после возникновения потенциала готовности человек не осознает желания выполнить действие; за 250 мс до совершения действия происходит осознание желания (момент «О»); в последующие 200 мс человек может наложить вето на действие; в последние 50 мс происходит активация двигательных нейронов, и действие «Д» отменить уже невозможно

Неоднозначность в интерпретации экспериментов Б. Либета вызвала обширную дискуссию в научном сообществе. Значительная часть исследователей рассматривает его эксперименты как доказательство отсутствия свободы воли у человека, поскольку субъективное осознание происходит после возникновения соответствующей активности мозга [4]. Однако наиболее интересной представляется гипотеза, предложенная в работе М. Hallett, в которой выражается мнение, что свободный выбор испытуемый осуществлял уже в момент согласия (или не согласия) на участие в эксперименте [17].

Если это так, тогда можно предположить, что при выборе альтернативы «участвовать» мозг испытуемого переходит в некоторое метастабильное состояние, а уже в процессе эксперимента оно случайным образом распадается, генерируя потенциал готовности, который впоследствии и осознает «созерцающее – управляющее Я» испытуемого. Затем при осознании желания совершить действие, Я испытуемого снова может осуществить выбор: совершить действие или отменить его. Это, в свою очередь, означает, что в моменты времени, когда испытуемый может осуществить отмену действия, его психика и мозг находятся в суперпозиционном состоянии. Таким образом, можно предположить, что принципиально механизм

свободного выбора основан на переходе мозга и психики из квантового суперпозиционного состояния в одну из актуальных альтернатив.

Начиная с прошлого века, в социальных науках значительное внимание уделялось вопросам влияния мнения окружающих на принятие решений человеком. Наиболее впечатляющие эксперименты были проведены С. Ашем в 1951 году. Они продемонстрировали, что мнение окружения может привести к тому, что человек даст заведомо абсурдный ответ на очевидный вопрос. После опубликования результатов этих опытов в социологии и социальной психологии преобладает концепция конформности, которая предполагает изменение собственных суждений под влиянием мнения большинства [14; 15]. Однако она не предлагает механизма для объяснения сути данного явления.

В то же самое время рассматриваемая нами концепция квантовости наводит на мысль о том, что и в этом случае, поскольку речь идет о выборе в условиях неопределенности, возможно построение квантоподобных моделей принятия решений. Для проверки этой гипотезы нами с коллегами был поставлен эксперимент по исследованию количественных характеристик процесса принятия решений при внешнем воздействии, которое можно рассматривать как своеобразный процесс индукции [16]. Смысл данных экспериментов состоял в

том, что испытуемым в режиме компьютерного тестирования задавались вопросы с заведомо неопределенными ответами. Так, например, предлагалось ответить на вопрос: «что это?», и

выбрать соответствующие ответы в отношении различных изображений, пример которых представлен на рис. 5.1 и 5.2.

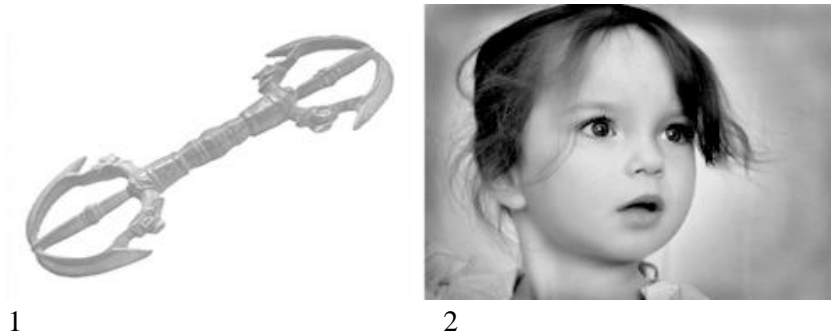

Рис. 5. Пример неопределенных изображений, предъявляемых в эксперименте по выбору в условиях неопределенности при внешнем воздействии, для ответа на вопрос: «что это?»

1) Оружие (*a*) или предмет культа (*b*)?; 2) Удивление (*a*) или испуг (*b*)?

Эксперименты проводились в трех режимах: а) Режиме самостоятельных ответов (индивидуальное тестирование); б) Режиме с возможностью наблюдения за ответами других испытуемых (реальные подсказки); в) Режиме, когда испытуемым вместо ответов других участников показывали специально сгенерированные, сфальсифицированные подсказки. Специально сгенерированные подсказки были подобраны

так, чтобы у испытуемых создалось впечатление, что определенный ответ выбирается другими участниками с большей вероятностью. В режиме сфальсифицированных подсказок отношения количества подсказок, указывающих на усиливаемый ответ к альтернативному, составляли 50/50, 60/40, 75/25, 90/10 в различных сериях опытов. Результаты тестирования представлены точками на графике на рис. 6.

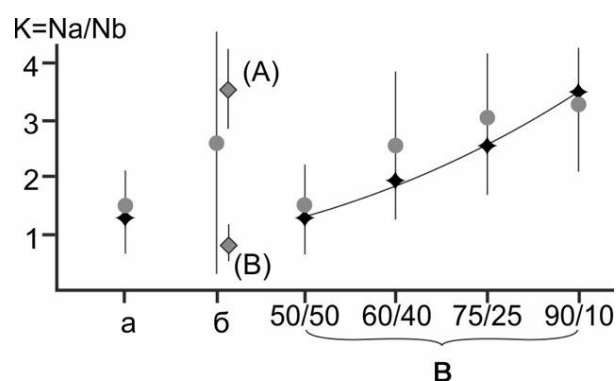

Рис. 6. Результаты тестирования в различных режимах:

а) Индивидуальное тестирование; б) Реальные подсказки; в) Сфальсифицированные подсказки

На оси абсцисс отмечено отношение соответствующих подсказок в режиме фальсификации, а также – точки для режима реальных подсказок и данные для режима индивидуального тестирования, которые являются реперными

для всех серий опытов. Видно, что в режиме индивидуального тестирования отношение количества ответов a/b находится вблизи 1, что означает приблизительно равную вероятность

ответов. В режиме «фальсификации» наблюдается рост количества ответов, соответствующих сгенерированному усилению одного из ответов. В принципе, этот результат является абсолютно ожидаемым как из общих соображений, так и согласно концепции С.Аша. Однако в нашем случае была разработана квантовоподобная аналитическая модель, позволившая описать экспериментальные данные.

Суть модели состояла в следующем. Мы предполагали, что мозг испытуемого перед ответом, также как в экспериментах Б. Либета, находится в некотором метастабильном состоянии, по аналогии с возбужденным атомом. При самостоятельном ответе этот уровень распадается с вероятностями A_a и A_b на соответствующие ниже лежащие уровни «а» и «b», рис. 7.

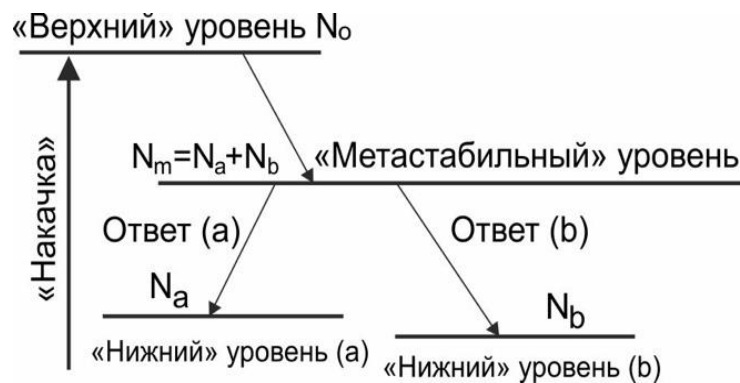

Рис. 7. Схема квазиквантовых уровней мозга

В случае наличия подсказок вероятность распада уровня изменяется за счет индукции, которая учитывалась по аналогии с индуцированным излучением атома и описывалась по аналогии с коэффициентами вынужденного излучения Эйнштейна B_a и B_b . Вводились также коэффициенты W_a и W_b , которые описывали вероятность подсказок, задаваемую экспериментатором.

Отметим, что представленная на рис. 7 схема уровней напоминает четырехуровневую схему лазера, в которой распад метастабильного рабочего уровня происходит на два ниже лежащих уровня, а его накачка происходит с уровня, лежащего выше. Самый верхний уровень в нашей модели накачивается за счет создания в соответствующей материальной нейронной сети неравновесности, связанной с разностью потенциалов на мембранах нейронов, аксонов и дендритов. Эта неравновесность имеет вполне материальный характер и определяется поступающим в мозг питанием в виде АТФ. А вот далее возбуждение этого уровня распределяется на различные ниже лежащие уровни, которые отвечают за возбуждение тех

или иных нейронных сетей. В нашем случае верхний уровень распадался таким образом, что возникало возбуждение на ниже лежащем метастабильном уровне. Этот метастабильный уровень возбуждался при решении испытуемого участвовать в эксперименте и выполнял роль своеобразного генератора при принятии решений. Отметим, что в нашем подходе мы говорим о мозге и его возбужденных состояниях, а не о чисто информационных процессах, поскольку в конечном итоге именно мозг генерирует импульс для нажатия на соответствующую кнопку при ответе.

С учетом вышеизложенного можно написать систему кинетических уравнений, описывающих населенности соответствующих уровней [25]:

$$dN_m / dt = -N_m(A_a + A_b) - N_m(B_a W_a + B_b W_b)(N_a + N_b)$$

$$dN_a / dt = N_m A_a + B_a W_a N_m (N_a + N_b)$$

$$dN_b / dt = N_m A_b + B_b W_b N_m (N_a + N_b)$$

где: N_m , N_a , N_b – населенности метастабильного и соответствующих нижних уровней, коэффициенты W_a и W_b задаются экспериментатором (в режиме самостоятельных ответов они равны нулю).

В режиме с возможностью наблюдения за реальными ответами других испытуемых система уравнений будет выглядеть несколько иначе:

$$dN_m / dt = -N_m(A_a + A_b) - N_m(B_a N_a + B_b N_b)$$

$$dN_a / dt = N_m A_a + B_a N_a$$

$$dN_b / dt = N_m A_b + B_b N_b$$

Результаты расчетов согласно данной модели приведены на рис. 6 в виде непрерывной кривой. Видно хорошее совпадение экспериментальных данных с расчетом. Отметим, что в эксперименте была одна характерная особенность. В режиме реальных подсказок других участников наблюдался большой статистический разброс экспериментальных данных, который, при ближайшем рассмотрении, определялся формированием двух мод А и В (см. рис. 6). Эти моды были обусловлены ответами, которые давались участниками в начале тестирования: наибольшее количество ответов на начальной стадии определяло формирование соответствующей моды.

Представленные результаты указывают на то, что поведение человека при выборе в условиях неопределенности, когда существует точка ветвления или бифуркации, очень похоже на поведение квантовых частиц. Более того, описанное выше влияние подсказок на выбор человека, говорит о том, что и коллективное поведение имеет ярко выраженные аналогии с лазером, который, с одной стороны, является квантовым, а с другой стороны, макроскопическим объектом, в котором отдельные квантовые частицы ведут себя когерентным образом. Другими словами, квантовые аналогии наблюдаются не только на уровне отдельного человека, но и на уровне коллектива или социума. Эти особенности поведения человека в социуме имеют не только концептуальное и философское значение, но и практическое, поскольку на

усилении различных «информационных» возмущений основаны современные технологии манипулирования общественным мнением через средства массовой информации и социальные сети, а также технологии цветных революций.

Внутреннее безмолвие

Представленные выше экспериментальные данные о квантовоподобном поведении человека и философские рассуждения о разделении психики на содержания сознания и \mathcal{Y} носят довольно неоднозначный и, в известной степени, спекулятивный характер. В принципе, ситуация здесь сходна с ситуацией в квантовой механике. И аналогии здесь связаны с тем, что квантовые эффекты в психике (так же, как и в физическом эксперименте) проявляются лишь косвенным образом. Действительно, волновую функцию частицы нельзя получить посредством прямых измерений. Также нельзя прямыми измерениями ни определить наличие суперпозиции в мозге человека (поскольку при измерении она распадется), ни доказать существование нефизического \mathcal{Y} .

Собственно говоря, именно поэтому споры по этому поводу ведутся не одно тысячелетие. Однако, несмотря на невозможность объективного обнаружения нефизического \mathcal{Y} , имеется возможность определить нейрональные корреляты состояния безмолвия, в котором отсутствуют содержания сознания, и описать его от первого лица.

Ниже изложены результаты эксперимента [9; 24], в котором в качестве испытуемого выступил автор данной работы: Соловьев Н.А., 67 лет (на момент эксперимента), являющийся православным христианином и имеющий опыт состояния психики, сходного с состоянием «внутреннего безмолвия», известного в традиции исихазма. В экспериментах исследовались электроэнцефалограммы мозга испытуемого. Методика эксперимента состояла в следующем. Проводилась серия измерений электроэнцефалографической активности мозга, состоящая из четырех фаз: 1) Спокойное состояние, которое принималось за точку отсчета; 2) Состояние

внутреннего безмолвия; 3) Счет до 100 и обратно семерками, при сохранении внутренней сосредоточенности на процессе счета и отсутствии посторонних мыслей; 4) Концентрация на левом виске в процессе внутреннего безмолвия.

Все измерения ЭЭГ проводили при открытых глазах испытуемого. Длительность каждой фазы в серии варьировалась от 3 до 5 минут. В некоторых опытах проводили последовательно две серии экспериментов (по 4 фазы в каждой) с промежутком между сериями порядка 10-15 минут без снятия электродов с головы испытуемого. Всего было проведено 10 серий исследований. Регистрацию и обработку электроэнцефалограммы (ЭЭГ) проводили с помощью энцефалографа «Мицар-ЭЭГ-201» с частотой дискретизации 500 Гц и программы Win EEG.21 мостиковый электрод располагали в соответствии с международной системой 10-20. В качестве референта использовали объединенные

электроды, расположенные на мочках ушей. Спектры мощности и топограммы строили в следующих диапазонах ритмов ЭЭГ: дельта- (1,5-4 Гц), тета- (4-7 Гц), альфа- (8-13 Гц), бета1- (14-20 Гц), бета2- (20-29 Гц) и гамма- (30-115 Гц). Рассчитывали среднюю мощность ритмов ЭЭГ для выбранных диапазонов ритмов ЭЭГ во всех областях мозга отдельно для каждого состояния.

На рис. 8 представлено увеличение средней мощности бета2-ритма (20-29 Гц), и гамма ритма (30-115 Гц) при переходе от спокойного состояния к состоянию внутреннего безмолвия. Точки на графике представляют данные, усредненные по всем опытам с указанием среднестатистического отклонения. Всего было проведено 10 серий измерений. Максимальное увеличение средней мощности гамма-ритма в одной из серий составляло 2,72 раза.

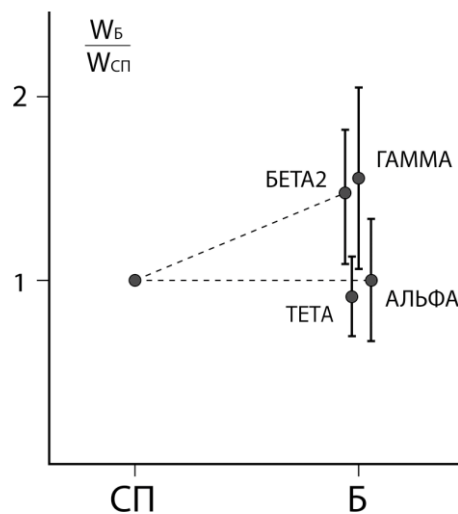

Рис. 8. Отношение средней мощности гамма-, бета2-, тета- и альфа-ритмов в состоянии внутреннего безмолвия W_b к средней мощности базового спокойного состояния W_{sp} в этих же диапазонах

Как было отмечено выше, в ряде исследований проводились двоянные серии опытов с перерывом 10-15 минут между ними (всего было проведено 4 двоянных серии, состоящих из 8 одинарных серий). При этом во второй серии опытов мы всегда наблюдали меньшее в процентном отношении увеличение мощности в бета2- и гамма-диапазонах. В одном случае во второй серии экспериментов наблюдалось даже

уменьшение бета2- и гамма-активности в 0,72 раза. По-видимому, это было связано с тем, что во второй серии опытов испытуемый не успевал релаксировать к спокойному состоянию, и начальное спокойное состояние во второй серии опытов всегда сопровождалось более мощной бета2- и гамма-активностью. Средняя мощность тета- и альфа-ритма, как видно из рис. 8,

в наших экспериментах сохранялась приблизительно на одном и том же уровне.

В проведенных экспериментах у испытуемого максимальное увеличение мощности

гамма-ритма наблюдалось в височных областях. На рис. 9 представлены топограммы электроэнцефалографической активности мозга испытуемого в двух состояниях: спокойное состояние – а, состояние внутреннего безмолвия – б.

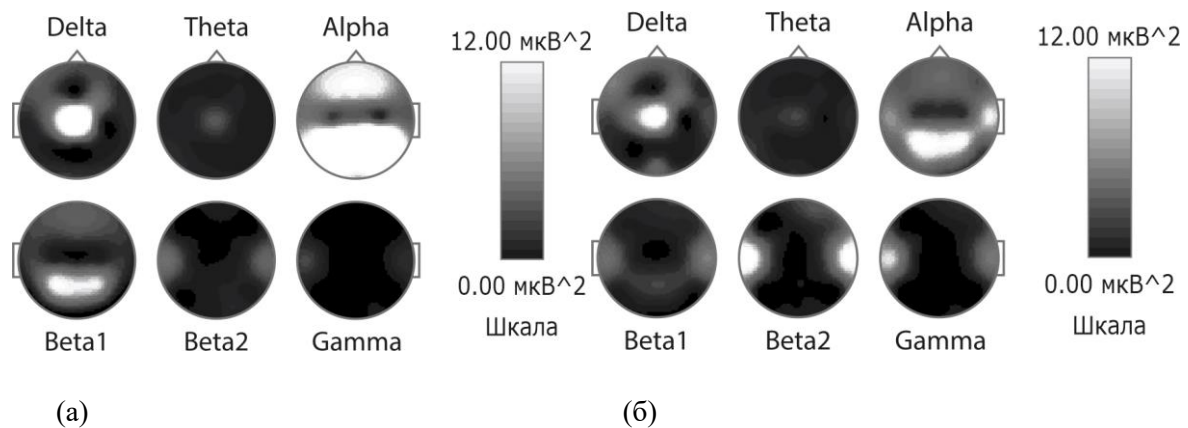

Рис. 9. Топограммы распределения электроэнцефалографической активности мозга испытуемого в спокойном состоянии (а) и состоянии внутреннего безмолвия (б). На топограммах более светлые участки соответствуют большей мощности в данном диапазоне

В разных сериях опытов наблюдалось изменение распределения мощности гамма-активности между правой и левой височными областями, однако корреляции этих изменений с внутренним состоянием обнаружено не было. В режиме внутреннего безмолвия по сравнению с базовым спокойным состоянием наблюдалось значительное уменьшение частоты морганий в среднем в $4,8 \pm 2,6$ раза. Строго говоря, уменьшение частоты морганий и остановка движения глаз необходима для перехода в состояние безмолвия.

Помимо состояния внутреннего безмолвия, в наших опытах изучалась активность мозга в режиме счета до 100 и обратно семерками (начиная с разных начальных чисел 0, 1, 2, 3 и

т.п. во избежание запоминания последовательности цифр при счете), что представляет собой достаточно непростую интеллектуальную задачу. В режиме счета испытуемый старался максимально сохранить состояние внутреннего безмолвия и концентрацию только на счете без возникновения посторонних мыслей. При переходе от состояния внутреннего безмолвия к счету семерками наблюдалось незначительное уменьшение средней мощности гамма-ритма в височных областях (электроды Т3 и Т4) при одновременном значительном увеличении средней мощности в бета1-диапазоне (14-20 Гц) в затылочной и теменной области на электродах О1-О2 и на электродах Р3-Рz-Р4 (рис. 10).

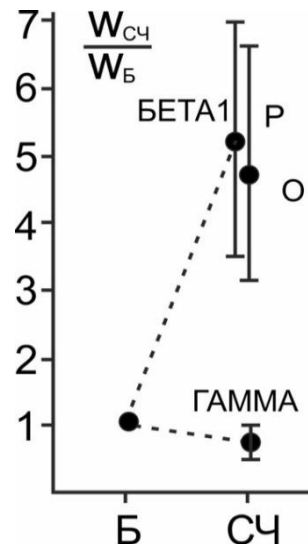

Рис. 10. Отношение средней мощности в режиме счета семерками до 100 и обратно $W_{сч}$ к средней мощности в режиме безмолвия $W_{б}$: гамма-диапазон на электродах Т3 и Т4, бета1-диапазон на электродах О1-О2 (О) и Р3-Рz-Р4 (Р)

Следующая особенность экспериментов состояла в исследовании влияния концентрации внимания на мощность гамма-активности мозга в состоянии внутреннего безмолвия. Суть этих опытов заключается в том, что испытуемый после измерений в состоянии безмолвия концентрировал внимание на левом виске, стараясь усилить его активность и оставаясь в состоянии внутреннего безмолвия.

Объективные исследования показали увеличение мощности гамма-ритма в левом виске (электрод Т3) и уменьшение мощности в правом виске (электрод Т4). Важной особенностью здесь является то, что, как мы уже говорили выше, в разных сериях экспериментов максимум активности в гамма-диапазоне наблюдался в разных висках, а иногда активность была примерно одинаковой. При концентрации на левом виске мощность гамма-ритма в нем сильно увеличивалась, если в состоянии безмолвия до этого мощность гамма-ритма в нем была меньше, чем в правом виске.

Если до концентрации в состоянии безмолвия мощность в левом была выше, чем в правом, то мощность в левом виске увеличивалась незначительно, но достаточно сильно падала интенсивность в правом виске. При этом наиболее существенной характеристикой, описывающей данный эффект, оказалось отношение

мощности гамма-ритма в левом виске к мощности в правом виске. При концентрации на левом виске это отношение увеличивалось в среднем в $6,0 \pm 2,4$ раз по отношению к состоянию внутреннего безмолвия.

Представленные результаты, демонстрирующие увеличение мощности бета2- и гамма-ритма в состоянии безмолвия, с одной стороны, являются достаточно неожиданными, поскольку общая тенденция в интерпретации высокочастотной активности мозга связана с ее причастностью к сложным когнитивным операциям, включая семантическую обработку лингвистической информации и т.п. [23]. С другой стороны, эти результаты коррелируют с данными исследований состояний буддийской медитации.

Так, например, в работе M. Ricard, A. Lutz, R.J. Davidson, которая, по сути, подводит итог 15 лет исследований нейрональных коррелятов состояния беспредметной буддийской медитации, говорится следующее: «... мы изучали электрическую активность мозга с помощью электроэнцефалографии (ЭЭГ) во время медитации сострадания, в которой медитирующие описывали четко определенное чувство себя как становящееся менее фиксированным и постоянным. Мы обнаружили, что эти долгосрочные буддийские практики были способны, по желанию, поддерживать определенный паттерн

ЭЭГ. В частности, это были так называемые высокоамплитудные колебания гамма-диапазона и синхронизация фаз в диапазоне от 25 до 42 Гц» [22]. Таким образом, с точки зрения объективных измерений, исследованное нами состояние безмолвия является аналогом состояния буддийской медитации и позволяет достоверно описывать его от первого лица.

Описание состояния безмолвия следует начать с того, что оно не является расслаблением и тем более состоянием близким ко сну. С объективной точки зрения, об этом говорит отсутствие увеличения мощности альфа-ритма. С субъективной точки зрения, состояние безмолвия можно охарактеризовать как активную осознанность, когда внимание направлено на осознание собственного *Я* и подавление спонтанно возникающих мыслей.

Осознание и подавление спонтанно возникающих мыслей переводит психику обратно в состояние безмолвия. Это аналогично процессу, описанному в упомянутой выше работе M. Ricard, A. Lutz, R.J. Davidson: «Исследователи выделили четыре фазы когнитивного цикла: эпизод блуждания ума, момент осознания отвлечения внимания, фаза переориентации внимания и возобновление сосредоточенного внимания» [22].

Осознание и подавление мыслей (содержаний сознания) сходно также с осознанием и наложением вето на желание совершить действие в опытах Б. Либета. При отсутствии мыслей (в промежутках между спонтанным появлением мыслей) состояние психики можно охарактеризовать словом «присутствие» или «Dasein», которым Хайдеггер описывал пребывание человека в Бытии. Это состояние можно охарактеризовать также как осознание своего *Я*, как центра личности.

Важно отметить, что при отсутствии содержания сознания *Я* не может осуществлять волевые действия, поскольку нет объекта приложения воли. В этом случае *Я* является чистым наблюдателем. Однако при появлении содержания сознания (мыслей, желаний и т.п.), *Я* может, как было отмечено выше, их уничтожить при их осознании. Другими словами, деятельность *Я* имеет ярко выраженный негативный

оттенок, т.е. мозг неосознанно генерирует содержание сознания, а *Я* имеет возможность их осознанно отменить.

Заключение

В заключение данной работы сформулируем ее основные выводы.

1. Традиционные философские системы такие как картезианский дуализм, феноменология Э. Гуссерля, йога Патанджали, исихазм утверждают существование сознания, состоящего из содержаний сознания и истинного субъекта или нефизического *Я*.
2. Существование нефизического *Я* в качестве наблюдателя не может быть аргументированно оспорено, а существование нефизического *Я* в качестве волевого центра, реализующего свободу воли, может иметь место только в случае существования квантовых эффектов в мозге.
3. Существование квантовых эффектов в мозге возможно по аналогии с многомодовым лазером, который можно рассматривать как макроскопический квантовый объект. Исходя из копенгагенской интерпретации квантовой механики и концепции фон Неймана, нефизическое *Я* может воздействовать на мозг, осуществляя коллапс его волновой функции.
4. Квантовоподобные эффекты проявляются в поведении человека. К ним относится некоммутативность принятия решений (опыты А. Тверски, Д. Канемана) и возможность отменять спонтанные действия (опыты Б. Либета).
5. Квантовоподобные явления проявляются в коллективном поведении человека при выборе в условиях неопределенности, когда внешние подсказки увеличивают вероятности определенных ответов. В этом случае поведение группы испытуемых может быть описано лазероподобной моделью принятия решений.
6. Состояние внутреннего безмолвия, наблюдаемое в традиции исихазма, по своим электроэнцефалографическим параметрам оказывается аналогичным состоянию буддийской медитации и характеризуется повышенной интенсивностью высокочастотных бета2- и гамма-ритмов. В этом состоянии отсутствуют содержания сознания и возникает осознание

собственного Я, как центра личности. При этом спонтанно возникающие содержания сознания могут быть уничтожены при их осознании.

Литература

1. Гриб А.А. К вопросу об интерпретации квантовой физики // УФН. 2013. №12 (183). С. 1337-1352.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Наука, 2006.
3. Данилов О.Б., Розанов Н.Н., Соловьев Н.А., Сомс Л.Н. Многомодовые лазеры как аналоги сложных биологических систем // Оптика и спектроскопия. 2016. №4 (120). С. 682-690.
4. Ключарев В.А. Свобода воли: нейроэкономический подход // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. №6 (67). С. 755-760.
5. Монах Маркелл. Духовный опыт старца Иосифа Исихаста / Пер. А. Крюкова. Изд. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2016.
6. Павлов А.В. Моделирование квантово-подобных когнитивных феноменов методом голографии Фурье: задача выбора альтернатив // Компьютерная оптика. 2021. № 4 (45). С. 551-561.
7. Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания / Пер. А. А. Шевченко и В. Г. Баранова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.
8. Соловьев Н.А. Квантовая нейрофилософия и реабилитация картезианской модели сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2019. № 1 (69). С. 120-129.
9. Соловьев Н.А. Троичная метафизика // Вопросы философии. 2021. №2. С. 107-116.
10. Соловьев Н.А. Троичная метафизика и квантовый переворот. СПб.: Деметра, 2021.
11. Схиархимандрит Софроний (Сахаров). Преподобный Силуан Афонский, 3-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2018.
12. Хайдеггер М. Европейский нигилизм: В книге М.Хайдеггер. Время и бытие. Пер. с нем. Москва: Республика, 1993.
13. Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. М.: Академический проект, 2019.
14. Asch S.E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments // Groups, Leadership and Men / Ed. H.Guetzkow. Pittsburgh: Carnegie Press, 1951. P.117-190
15. Asch S.E. Studies of independence and conformity. A minority of one against a unanimous majority. Psychological Monographs. 1956. Vol. 70 (9). P. 1-70.
16. Gorbатов D., Solovyev N., Soms L. Social induction and a problem of choice in conditions of uncertainty. In Neural Networks and Neurotechnologies. St. Petersburg: Published by BBM, 2019. P.118-130.
17. Hallett M. Physiology of volition. Downward causation and the neurobiology of free will. Berlin: Springer-Verlag, 2009.
18. Libet B. Do We Have Free Will? // Journal of Consciousness Studies. 1999. V. 6. № 8-9. P. 47-57.
19. Libet B., Gleason C.A., Wright E.W., Pearl D.K. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): the unconscious initiation of a freely voluntary act // Brain. 1983. V. 106. Issue 3. P. 623-642.
20. Moore D.W. Measuring new types of question-order effects: Additive and Subtractive // Public Opinion Quarterly. 2002. V. 66. Issue 1. P. 80-91.
21. Pothos T.M., Busemeyer J.R. Can quantum probability provide a new direction for cognitive modeling? // Behavioral and Brain Sciences. 2013. № 36. P. 255-327.
22. Ricard M., Lutz A., Davidson R. J. Mind of the meditator // Scientific American. 2014. V. 311. Issue 5. P. 39-45.
23. Rieder M.K., Rahm B., Williams J.D., Kaiser J. Human Gamma-Band Activity and Behavior // International Journal of Psychophysiology. 2011. V.79. Issue 1. P. 39-48.
24. Solovyev N.A., Moiseenko G.A. Neurophilosophy of inner silence. In Neurotechnologies. Chapter 23. 2021. SPb.: Publish by VVM. P. 271-286.
25. Svelto O. Principles of Lasers. New York: Springer US. 2010. P. 255-263.

26. Trueblood J.S., Pothos E.M., Busemeyer J.R. Quantum probability theory as a common framework for reasoning and similarity // *Frontiers in Psychology*. 2014. V.5. P. 322.
27. Tversky A., Kahneman D. Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment // *Psychological Review*. 1983. V. 90. Issue 4. P. 293-315.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022

THE STRUCTURE OF CONSCIOUSNESS AND THE QUANTUM PARADIGM

© Nikita A. Solovyev

CSc in Physics and Mathematics, Leading Researcher,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Saint Petersburg, Russia
solovyovnikita@mail.ru

The article considers the phenomenon of consciousness from the point of view of philosophy and natural science. The presented analysis suggests that in the philosophy of Descartes, Husserl, yoga of Patanjali and the hesychastic tradition, consciousness is divided into two parts: the contents of consciousness associated with the processing of information in the brain and the Self, which is the volitional and contemplative center of the personality. It is shown that free will, as a possibility of the extraphysical Self to control the physical body, can be explained on the assumption that the brain is a quantum object. In this case, the control of the brain by the extraphysical Self fits into the Copenhagen interpretation of quantum mechanics and the concept of von Neumann. A number of psychological experiments are described, including those of A. Tversky, D. Kahneman and B. Libet, the results of which can be explained using a quantum-like formalism. The results of the original experiments on decision making under condition of uncertainty are presented. A mathematical model has been developed that describes the influence of hints on decision making. The results of a study of the electroencephalographic characteristics of the state of inner silence, according to the hesychasm tradition, are presented. An interpretation of the inner experience in this state silence from the first person is given.

Keywords: consciousness, extraphysical Self, Cartesian dualism, yoga, hesychasm, free will, quantum mechanics, decisionmaking, inner silence, electroencephalogram.

REFERENCES

- Grib A.A. (2013). K voprosu ob interpretacii kvantovoj fiziki [To the question of the interpretation of quantum physics] // *UFN*. №12(183). P. 1337-1352.
- Gusserl' E. (2006). Kartezijskie razmyshleniya [Cartesian reflections]. Moscow: Nauka.
- Danilov O.B., Rozanov N.N., Solov'ev N.A., Soms L.N. (2016). Mnogomodovye lazery kak analogi slozhnyh biologicheskikh sistem [Multi-mode lasers as analogues of complex biological systems] // *Optika i spektroskopiya [Optics and spectroscopy]*. №4 (120). P. 682-690.
- Klyucharev V.A. (2017). Svoboda voli: nejroekonomicheskij podhod [Freedom of will: a neuroeconomical approach] // *ZHurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti [Journal of Higher nervous activity]*. №6 (67). P. 755-760.
- Monah Markell. (2016). Duhovnyj opyt starca Iosifa Isihasta / Per. A. Kryukova. Izd. 3. Svyato-Troickaya Sergieva Lavra [Spiritual experience of Elder Joseph Hesychast / Per. A. Kryukov. Ed. 3. Holy Trinity Sergius Lavra].
- Pavlov A.V. (2021). Modelirovanie kvantovopodobnyh kognitivnyh fenomenov metodom golografii Fur'e: zadacha vybora

- al'ternativ [*Modeling of quantum-like cognitive phenomena by Fourier holography: the task of choosing alternatives*] // *Komp'yuternaya optika [Computer optics]*. № 4 (45). P. 551-561.
7. Satprem. (1989). *SHri Aurobindo, ili Puteshestvie soznaniya / Per. A.A. Shevchenko i V. G. Baranova [Sri Aurobindo, or the Journey of Consciousness]*. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta [*Publishing House of the Leningrad University*].
 8. Solov'ev N.A. (2019). *Kvantovaya nejrofilosofiya i reabilitaciya kartezijskoj modeli soznaniya [Quantum neurophilosophy and rehabilitation of the Cartesian model of consciousness]* // *ZHurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti [Journal of Higher Nervous Activity]*. № 1(69). P. 120-129.
 9. Solov'ev N.A. (2021). *Troichnaya metafizika [Ternary metaphysics]* // *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. №2. P. 107-116.
 10. Solov'ev N.A. (2021). *Troichnaya metafizika i kvantovyy perevorot [Ternary metaphysics and quantum revolution]*. SPb.: Demetra.
 11. Skhiarhimandrit Sofronij (Saharov) (2018). *Prepodobnyj Siluan Afonskij, 3-e izd. Svyato-Troickaya Sergieva Lavra [Archimandrite Sophrony (Sakharov). St. Silouan of Athos, 3rd ed. Holy Trinity Sergius Lavra]*.
 12. Hajdegger M. (1993). *Evropejskij nihilizm: V knige M.Hajdegger. Vremya i bytie. Per. s nem [European Nihilism: In the book by M. Heidegger. Time and being. Translated from German]*. Moscow: Respublika.
 13. Eliade M. (2019). *Joga: bessmertie i svoboda [Yoga: immortality and freedom]*. Moscow: Akademicheskij proekt.
 14. Asch S.E. (1951). *Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments // Groups, Leadership and Men / Ed. H. Guetzkow. Pittsburgh: Carnegie Press. P. 117-190.*
 15. Asch S.E. (1956). *Studies of independence and conformity. A minority of one against a unanimous majority. Psychological Monographs. Vol. 70(9). P. 1-70.*
 16. Gorbatov D., Solovyev N., Soms L. (2019). *Social induction and a problem of choice in conditions of uncertainty. In Neural Networks and Neurotechnologies. St. Petersburg: Published by VVM. P. 118-130.*
 17. Hallett M. (2009). *Physiology of volition. Downward causation and the neurobiology of free will. Berlin: Springer-Verlag.*
 18. Libet B. (1999). *Do We Have Free Will? // Journal of Consciousness Studies. Vol. 6. № 8-9. P. 47-57.*
 19. Libet B., Gleason C.A., Wright E.W., Pearl D.K. (1983). *Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): the unconscious initiation of a freely voluntary act // Brain. Vol. 106. Issue 3. P. 623-642.*
 20. Moore D.W. (2002). *Measuring new types of question-order effects: Additive and Subtractive // Public Opinion Quarterly. Vol. 66. Issue 1. P. 80-91.*
 21. Pothos T.M., Busemeyer J.R. (2013). *Can quantum probability provide a new direction for cognitive modeling? // Behavioral and Brain Sciences. № 36. P. 255-327.*
 22. Ricard M., Lutz A., Davidson R. J. (2014). *Mind of the meditator // Scientific American. Vol. 311. Issue 5. P. 39-45.*
 23. Rieder M.K., Rahm B., Williams J.D., Kaiser J. (2011). *Human Gamma-Band Activity and Behavior // International Journal of Psychophysiology. Vol.79. Issue 1. P. 39-48.*
 24. Solovyev N.A., Moiseenko G.A. (2021). *Neurophilosophy of inner silence. In Neurotechnologies. Chapter 23. SPb.: Publish by VVM. P. 271-286.*
 25. Svelto O. (2010). *Principles of Lasers. New York: Springer US. P. 255-263.*
 26. Trueblood J.S., Pothos E.M., Busemeyer J.R. (2014). *Quantum probability theory as a common framework for reasoning and similarity // Frontiers in Psychology. Vol.5. P. 322.*
 27. Tversky A., Kahneman D. (1983). *Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment // Psychological Review. Vol. 90. Issue 4. P. 293-315.*

The article was received 23.05.2022

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОВЕСТИ У ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

© Мустафина Л.Ш.

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН, Москва, Россия,
mustafinals@ipran.ru

Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ
(№ 0138-2022-0005)

Социальные представления о совести отражают нравственную направленность человека и общества. Изучая представления о совести, можно выявить зрелость/незрелость нравственных убеждений и позитивно-негативную валентность восприятия совести и тем самым определить степень сформированности нравственной сферы личности. Целью данного исследования являлось изучение структуры социальных представлений о совести у старшеклассников в зависимости от их религиозной идентичности. Выборку исследования составили 175 школьников 9 – 11 классов (14 – 16 лет), проживающих в Москве и Казани. Результаты показали, что старшеклассники, считающие себя верующими, имеют более полное и четкое представление о феномене совести, чем их неверующие сверстники. В группе верующих подростков чаще соглашались с утверждениями, характеризующими существенные аспекты понятия совести, а группа неверующих статистически чаще согласна с ненужностью совести для человека в современной жизни. При этом среди верующих старшеклассников в два раза выше процент, чем среди неверующих подростков, соглашающихся с суждениями, что «Человек не делает плохих поступков, чтобы потом не стыдиться» и что «Человек с совестью – слабый и боязливый», что показывает отношение верующих респондентов к совести как к внешнему, социально ориентированному нравственному регулятору. Полученные результаты ожидаемы и закономерны в связи с особыми характеристиками религиозного мировоззрения, а также в целом могут свидетельствовать о состоянии нравственного сознания современной молодежи.

Ключевые слова: совесть, ядро и периферия социальных представлений, религиозная идентичность, старшеклассники.

Введение

Необходимость изучения представлений о совести обусловлена стремительно трансформирующейся общественной ситуацией в мире, которая провоцирует изменения, происходящие в сознании людей. Слово «совесть» знакомо всем, но из-за резких изменений в общественной жизни России в последние десятилетия его понимание существенно изменилось. М.И. Воловикова отмечает: «Так сложилось ис-

торически, что в российском менталитете совести принадлежит решающая роль в регуляции отношений между людьми. «Поступить, рассудить по совести», «сделать на совесть» и другие подобные выражения, закрепившиеся в русском языке, говорят о том, что совесть выступает как критерий качества поступка или дела. В прежние годы, заручившись совестью, под «честное слово» компаньона купцы заключали «миллионные» сделки – и не прогадывали. Это

тайнственное образование оказывалось надежнее, чем договоры, скрепленные печатью» [7, с. 73].

Формирование личности современного юношества происходит совершенно в других социальных и культурных условиях. Еще в начале 90-х годов XX века Т.А. Флоренская в своей книге описывает опыт практической психологической работы с подростками. Автор отмечает, что молодые люди очень редко обращаются к вопросам духовного и мировоззренческого характера. Подростки озабочены взаимоотношениями со сверстниками, родителями, вопросами профессиональной ориентации и т.п. В разговоре по любой из этих тем раскрывается особая значимость для молодых людей нравственных и мировоззренческих проблем, которые в повседневной жизни современного подростка не являются «модными» и отступают на второстепенный план.

Наиболее показательна в этом отношении тема суицидального характера, когда собеседники жалуются на пустоту и бессмысленность своей жизни, говорят о том, что «так жить нельзя...». В процессе психотерапевтической работы с нравственной сферой подросток находит опору и основание для преодоления жизненных невзгод и разочарований, для переосмысления своей жизни [25, с. 84].

Следует отметить, что к настоящему времени (по сравнению с началом 1990-х гг.) ситуация относительно нравственного воспитания подрастающего поколения мало изменилась. По телевидению и в интернете транслируются передачи, фильмы, разнообразные ток-шоу, пропагандирующие несвойственные российскому менталитету ценности индивидуализма, славы, материального обогащения. И подростки с незрелой, еще хрупкой системой ценностей впитывают эти образы поведения, взгляды на жизнь, и, как следствие, меняется мироощущение молодежи, ценностные ориентации, отношение к нравственным категориям и к их значимости в жизнедеятельности, изменяется поведение и деятельность подростков.

О современной неблагополучной ситуации в духовной сфере населения, и прежде всего, молодежи, пишут многие исследователи. По заключению В.Е. Семенова, «разрушение ценностно-нравственных основ, традиций, сложившейся бытовой морали привели к аморализации общества под лозунгами «обогащения» и «толерантности»» [22, с. 62]. А.В. Юревич акцентирует внимание на появлении развязно-агрессивного личностного типа среди школьников и студентов, формируемого главным образом социальной средой [33].

Верующая молодежь чаще находится в более благоприятном социальном окружении и формируется под воздействием религиозного воспитания, общения на духовно-нравственные темы, такой молодежи с детства прививается привычка нравственного самоконтроля. Поэтому и представления о нравственных категориях у верующих старшеклассников, как мы предполагаем, могут быть более содержательными и глубокими по сравнению с представлениями неверующих подростков.

Религиозная идентичность у детей и подростков изучалась в 2000-х гг. наряду с национальной и этнолингвистической идентичностью в Грузии, Украине, Азербайджане и в России [20]. В России данное исследование проводилось в Москве и Смоленске. Однако в России регионы имеют свои специфические отличия по религиозному и этническому составу населения. Особый интерес представляет республика Татарстан, где живет примерно одинаковое количество русских и татар, государственные языки – татарский и русский, религиозные объединения отделены от государства, наибольшее распространение получили две религии: ислам и православное христианство.

История развития научных взглядов на феномен совести

Обзор научных идей по проблеме совести обнаружил их многообразие и неоднозначность. Как в философских, так и в психологических словарях *совесть* определяется через такие категории, как нравственный самокон-

троль, самооценка, ответственность за свое поведение, убежденность в том, что есть добро и зло.

Научные представления о совести начали свое развитие в этических учениях философов. Так, философы-идеалисты рассматривали совесть как продукт абсолютной идеи или вечного нравственного закона, как нечто врожденное или данное Богом и отказывались искать объяснение совести в действительной жизни, в реальных потребностях (Платон). Философы-стоики Рима, продолжая линию Платона, показывали врожденное, божественное происхождение совести (Марк Туллий Цицерон, Сенека). Христианство закрепило теоцентрическую картину мира и предполагало рассмотрение совести в связи с понятием греха. Затем эпоха Европейского Возрождения в центр Вселенной постепенно поставила Человека, и тема совести переместилась в область ответственности человека за соблюдение или нарушение нравственных законов.

Философ семнадцатого столетия Д. Юм отстаивал идею, согласно которой моральные суждения возникают на основе переживаний. Д. Юм считал, что в человеке заложено врожденное моральное чувство и лишь ощутив его, человек начинает искать аргументы для подтверждения этого чувства разумными суждениями. Именно моральное чувство, по Д. Юму, формирует эмоциональные реакции, которые в свою очередь побуждают суждения о добре и зле [29, с. 62-64].

И. Кант в своем этическом учении придавал определяющее значение разуму. Совесть, по И. Канту, это практический разум, ставящий перед человеком в каждом случае закон его долга для оправдания или осуждения себя [16]. Г. Гегель рассматривает совесть как продукт «объективного духа», как духовную сущность, давая ей определение «абсолютной внутренней уверенности в своей самодостоверности» [9, с. 341]. Г. Гегель показывает противоречивый характер совести, делая различие между истинной и формальной совестью. Формальной совестью Ге-

гель называл только видимость совести, а истинная совесть связана с «правилом разумного всеобщего» [9, с. 353-355].

Новейшее время привнесло в понимание совести известный разноречивый, вплоть до отрицания онтологического статуса за самим явлением «совести» (характерно для гедонизма), либо объяснением его «общественными инстинктами» (Ч. Дарвин). Происходит усиление иррационалистических тенденций (А. Бергсон). Экзистенциалисты (М. Хайдеггер) рассматривали совесть в связи с возможностью поддержания человеком аутентичности своего бытия, хотя А. Камю и П. Сартр доходили в своих суждениях до полного отрицания роли угрызений совести.

Нравственная детерминанта была ведущей и основной во все периоды истории отечественной философии. Философ начала XX века И.А. Ильин ставит феномен совести предметом своего анализа и раскрывает ее многомерный характер. Он считает, что совесть присуща человеку, так сказать, «от природы» [15, с. 180]. И.А. Ильин указывает на опасность, связанную со снижением понимания сущности совести или ее извращения. «Человек, которому не удастся поднять себя до совести, начинает опускаться до себя. Не умея примирить себя с нею, он начинает толковать и даже воспринимать ее как якобы «готовую на уступки». [15, с. 184]. Совестьный акт не есть акт интеллекта, по мнению И.А. Ильина: «в этом отношении опыт совести подобен опыту молитвы и опыту художественному, а не опыту научного анализа, синтеза и доказательства» [15, с. 186].

Представитель отечественных мыслителей советского периода З.А. Бербешкина выделяет в совести три элемента: рациональный, чувственный и волевой. Согласно определению З.А. Бербешкиной, «совесть означает осознание (понимание и чувство) моральной ответственности человека за свое поведение перед другими людьми, обществом, осознание, включающее нравственную самооценку, волевой самоконтроль личностью своих поступков, мыслей и чувств» [3, с. 44].

Интересные мысли о специфике понятия совести высказал О.Г. Дробницкий. Природа происхождения феномена совести трактуется им следующим образом: «Совесть – это не изначально данная человеку способность судить обо всем правильно, прислушиваясь только к своему «внутреннему голосу», и это не какое-то особенное «психологическое переживание» или убежденность в своей правоте. Это обязанность правильно судить о своих действиях, на что человек должен быть способен. Совесть вменяется человеку, а не предполагается за ним с самого начала. Иначе говоря, верно не то, что «у каждого своя совесть», а то, что человек должен обладать совестью, даже если для этого ему понадобится изменить себя» [10, с. 181].

Основные подходы к пониманию совести в зарубежных психологических концепциях

Согласно психоаналитическим идеям, бессознательные инстинкты подавлены, но определяют сущность и поведение человека. Чувства биологичны, инстинктивны, и не подлежат изменению. Совершенно иная позиция у бихевиористов. Э. Торндайк вместе с другими авторами полагает, что наше поведение влияет на наши чувства более, чем чувства влияют на поведение [23, с. 179]. Таким образом, совесть человека – не создатель, а создание его деятельности.

Нравственность создается из привычек к действию, и нет иного пути обеспечить привычки к действию, как только посредством самих действий. Мы становимся правдивы, говоря правду, смелыми, смотря в глаза опасности. Лучшее средство против скупости – это давать, против жестокости – добрые и милосердные поступки. В радикальном бихевиоризме люди вообще действуют из-за особых схемощерений и наказаний, все объяснение поведения сводится фактически к ситуации [35, с. 134].

Сравнивая психоанализ и бихевиоризм можно заключить, что в психоанализе нравственность понимается как воздержание от негативных поступков, природе человека чуждо моральное содержание и за нее он не

должен нести ответственность. В бихевиоризме характер человека определяет только его поведение, нравственность поведения достигается через замещение негативных поступков позитивными.

Психоанализ также подчеркивает роль эмоций и подражания в нравственном развитии личности. Основатель психоанализа З. Фрейд определяет совесть через требования социального окружения, перешедшие в сферу неосознаваемого психического, которые он обозначил терминами Сверх-Я и Я-идеал. Первым источником этих требований являются родители. «В дальнейшем ходе развития роль отца переходит к учителям и авторитетам; их заповеди и запреты сохраняют свою силу в Я-идеале, осуществляя в качестве совести моральную цензуру. Несогласие между требованиями совести и действиями Я ощущается как чувство вины. Социальные чувства покоятся на идентификации с другими людьми на основе одинакового Я-идеала» [27, с. 439]. З. Фрейд считал, что стремление к идеальному есть одно из заблуждений человека, и от него следует отказаться. Требования к человеку должны быть таковы, чтобы не превышали его природных возможностей.

В когнитивной теории морального развития придается определяющее значение когнитивным аспектам морального развития личности. Крупным представителем когнитивной теории морального развития является американский психолог Л. Колберг. Ученого интересуют сопровождающая выбор поступков моральная рефлексия, анализ своих поступков, а также оценка поступков других людей. Основная идея Л. Колберга состоит в том, что изменения моральных суждений происходят в зависимости от стадий морального развития личности. Л. Колберг считает, что индивиды последовательно проходят в своем развитии моральные стадии от нижней (1) до высшей (6). Шесть стадий морального развития сгруппированы в три главных уровня: доконвенциональный (1 и 2 стадии), конвенциональный (3 и 4 стадии), постконвенциональный (5 и 6 стадии) [38, с. 31-53].

Автором подчеркивается, что «логическое развитие – необходимое, но не достаточное условие морального развития, т.к. многие люди могут достичь более высокой логической стадии, чем их моральная стадия, но никто не может стоять на более высокой моральной стадии, чем его логическая стадия» [38, с. 42-43]. Главная мысль Колберга состоит в том, что моральная стадия развития личности связана с уровнем когнитивного развития и с моральным поведением, а само моральное развитие неразрывно связано с уровнем морального мышления, морального понимания, морального суждения. Конечно, весьма часто бывает так, что «люди понимают моральные принципы, но не следуют им в своем поведении, не живут согласно им. Это происходит потому, что различные факторы могут сильно влиять на то, будет ли данный человек вести себя на уровне своей стадии морального понимания в конкретных ситуациях, но несомненно, что высокий уровень моральных убеждений является хорошей основой и предпосылкой для соответствующих реальных действий в реальных естественных и экспериментальных ситуациях» [38, с. 44].

По мнению представителя экзистенциально-гуманистического направления Э. Фромма, совесть дана человеку вместе с его природой, находится в сфере бессознательного и поэтому представляет собой явление внеисторическое. Совесть не может реагировать на общественные требования, а также на ту оценку, которую выносят другие люди или общество поступкам отдельного человека; она не воспитывается общественным мнением. И вместе с тем Э. Фромм выделяет два вида совести: авторитарную и гуманистическую.

Авторитарная совесть, по его мнению, базируется на эмоциях страха перед авторитетом или восхищения им, т.е. на внешней оценке собственных действий. «Авторитарная совесть – это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. ... такое поведение просто соотнобразуется с требованиями момента, регулируется страхом наказания и надеждой на

вознаграждение, всегда зависит от внушительности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной возможности наказывать и награждать» [28, с. 456-457].

«Авторитарная совесть – это то, что Фрейд описал как сверх-Я, – пишет Э. Фромм. – Если эти нормы окажутся хорошими, совесть будет направлять человеческие поступки к добру. Однако эти нормы становятся нормами совести не потому, что они хороши, а потому, что они даны авторитетом. Будучи плохими, они все равно становятся частью совести. Тот, кто веровал в Гитлера, например, считал, что он поступает по своей совести, когда совершал действия, противные человеческой природе. Чистая совесть – это сознание, что авторитет (внешний и интериоризованный) доволен тобой; виноватая совесть – это сознание, что он тобой недоволен» [28].

Автор считает совесть реакцией на самих себя в виде голоса «нашего подлинного Я», требующего от нас жить плодотворно, развиваться гармонически, самореализовываться. Гуманистическая совесть, по Э. Фромму, вмещает суть нашего морального опыта жизни, в ней заключено знание о цели нашей жизни и о принципах, посредством которых мы добиваемся ее. «Совесть находится во взаимодействии с плодотворностью человека. Чем плодотворнее он живет, тем сильнее его совесть, и тем больше она, в свою очередь, содействует плодотворности. Чем менее плодотворно живет человек, тем слабее становится его совесть; парадоксальность – и трагизм – ситуации человека в том, что его совесть слабее всего тогда, когда он более всего нуждается в ней» [28, с. 474]. Э. Фромм представил авторитарную и гуманистическую совесть по отдельности с тем, чтобы продемонстрировать их характерные свойства, но в реальности они, по замечанию самого автора, в каждом человеке не делимы и не взаимоисключаемы.

А. Маслоу понимает совесть как проявление внутренней вины, наказания за измену своему внутреннему Я. Автор теории делает вывод о том, что наличие устойчивых внутренних нравственных норм является одной из важнейших

психологических характеристик самоактуализирующихся людей. Такие люди остро чувствуют добро и зло, им присуще чувство общности с человечеством в целом. С точки зрения К. Роджерса, в биологической природе человека не заложено зло, человек рождается добрым и главным в проблеме добра и зла оказывается выбор, осуществляемый индивидом. Описывая полноценно функционирующего человека, он подчеркивает, что в своих поступках такой человек не полагается только на социальные нормы и суждения других, а для принятия решения прислушивается к «внутренним неинтеллектуальным ощущениям», к «интуитивному чувствованию ситуации» [2, с. 91].

Совесть у экзистенциального психолога В. Франкла имеет онтологический статус и трансцендентна по отношению к человеку [26, с. 251]. В. Франкл определяет совесть как «смысловой орган», как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации. Совесть помогает человеку найти даже такой смысл, который может противоречить сложившимся ценностям, когда эти ценности уже не отвечают быстро изменяющимся ситуациям. Именно так, по В. Франклу, зарождаются новые ценности. «Уникальный смысл сегодня – это универсальная ценность завтра» [26, с. 296].

М. Хаузер считает, что «человек обладает моральным инстинктом (инстинктом нравственности)». Он определяет этот инстинкт как «способность выносить быстрые суждения по поводу того, что правильно или ошибочно с точки зрения морали. Эта способность естественным образом формируется у каждого ребенка и основывается на неосознаваемых алгоритмах поведения...» [29, с. 29].

М. Хаузер утверждает, «что наши способности в сфере морали обеспечиваются универсальной моральной грамматикой, которая создает инструментарий для построения конкретных моральных систем. <...> Благодаря ей мы судим о том, какие действия допустимы, обязательны или запрещены, не рассуждая и не имея доступа к лежащим в их основе принципам» [29, с. 30]. Далее автор доказывает положение о

том, что мораль имеет длительную эволюционную историю и не является «внезапным озарением», что моральное поведение генетически детерминировано и у человека существует мозговой «орган морали». Предполагается, что «орган морали» представляет собой специальную нейронную сеть, предназначенную «неосознанно и автоматически порождать суждения о добре и зле» [29, с. 30-35].

Близкий подход к пониманию нравственности и совести принадлежит В. Лефевру. Совесть, по В. Лефевру, это работа автоматического процессора, внедренного в человеческое существо. Этот процессор регулирует наши поступки и порождает субъективный план такого регулирования – моральные терзания. С точки зрения автора, все люди обладают совестью в том же смысле, в каком все люди обладают сознанием, мышлением и способностью говорить [17]. «Хотя то, что мы называем добром и злом, предопределяется эпохой, страной и микрокультурой, к которой мы принадлежим, и, следовательно, мы не можем рассматривать свои моральные суждения как отражение чего-либо абсолютного», – пишет В. Лефевр, он убежден, что могут существовать объективные формальные правила оперирования с понятиями «добро и зло», не менее универсальные, чем правила оперирования с понятиями «истина и ложь» в формальной логике.

Автор строит формальную модель индивида, способного совершать хорошие и плохие поступки, осознавать себя и испытывать чувства вины и осуждение. Его подход основывается на предположении о том, что каждый человек стремится к максимизации своего этического статуса, т.е. стремится оценивать себя как высокоморального субъекта. В эпилоге своей книги В. Лефевр заключает: «Человек может быть свободным, предопределяя судьбы других людей, но у него нет возможности избежать суда своей совести после того, как выбор сделан. Этот суд совершается автоматически и безжалостно» [17, с. 311].

Моральные суждения основываются на интуиции и «инстинктивном чувстве», определяющем, что есть хорошо, а что – плохо [36; 37].

В то же время, по мнению J.D. Greene, традиционно в психологии морали подчеркивалась роль разума в вынесении моральных суждений. Лишь в последнее время внимание было обращено на вовлеченность эмоций в этот процесс и его интуитивный характер [36; 37; 39], хотя рационализм остается еще «правляющим» подходом в этой области [37, с. 816]. Рассмотрение проблем морального развития приводит к пониманию того, что «моральные эмоции» появляются до того, как формируется возможность вербальных «моральных рассуждений». Сначала появляются «моральные чувства» и лишь позже – «моральные принципы» [41, с. 87].

Подходы к нравственности и совести в отечественной психологии

Первое развернутое рассмотрение феномена совести в отечественной психологической науке обнаружены нами в учебнике по психологии 1912 года Г. Челпанова. Автор соединяет чувство долга, чувство нравственной обязанности, совесть под одним понятием «морального чувства». «Моральное чувство есть то чувство, которое связано с совершением того, что для общественной жизни признается хорошим, того, что должно» [30, с. 167].

В.В. Зеньковский считает, что мы должны признать три основных моральных чувства – любовь к людям (альтруизм), стыд и «чувство совести». «Эти три чувства вносят в нашу душу моральный опыт, создают в нас непосредственное моральное ориентирование, дают моральную оценку в отношении трех основных объектов моральной жизни – в отношении к самой личности, в отношении к другим людям, в отношении к культуре, как системе жизни, как к продукту активности». [13, с. 161].

Ученый описывает механизм работы совести следующим образом: «Психология работы совести, до сих пор еще мало изученная, преимущественно выступает в своей так называемой «отрицательной» форме, т.е. больше в указании того, чего не должно было делать, чем того, что должно. <...> Из того материала, которым мы располагаем в настоящее время, можно было бы сделать заключение, что работа

совести начинается раньше проявления стыда. Работа совести, сознание «греха» оформляется благодаря социально-психическому давлению (образующему сущность всякого «наказания»), но это давление не создает работу совести, а лишь ее оформляет» [13, с. 163-164].

Заслуживает внимания позиция Т.А. Флоренской, которая связывает совесть с понятием «духовного Я» личности и практически отождествляет эти категории. Она говорит, что «за наличностью "реального Я" с его характером, темпераментом и многообразными психическими особенностями, за пределами одобряемого и воображаемого "идеального Я" существует "духовное Я", неизмеримо превосходящее наличные возможности человека. "Реальное Я" и "идеальное Я" несут на себе печать прошлого опыта, оценок и воздействий окружающих, словом, временного, изменяющегося, случайного. "Духовное Я" — это голос вечности в душе человека, его творческое призвание, перспектива становления. Оно обычно не осознается или смутно осознается, но даже будучи неосознанным, может активно руководить жизнью человека.

Сознательное духовное становление личности начинается тогда, когда "наличное Я" вступило в осознанный диалог с "духовным Я", решило принять его руководство, доминирование (господство) в своей жизни. Одним из проявлений такой сознательной духовной жизни является нравственная установка личности, ориентирующей свое поведение на "голос совести" (вопреки, может быть, голосу эгоистического Я)» [25, с. 52].

Отечественные психологи часто рассматривают феномен совести в рамках объяснения формирования морального сознания у детей, где совесть выступает высшей формой развития сознания личности. По мнению Л.И. Божович, совесть есть результат становления морального сознания личности в онтогенезе. Совесть, чувство долга начинают формироваться очень рано. В младшем школьном возрасте ребенок чувствует внутреннюю потребность поступать согласно с усвоенным «надо» и это вызывает у него положительные эмоции.

Л.И. Божович утверждает, что непосредственная нравственная мотивация представляет собой наивысший уровень в нравственном развитии личности, а нравственное поведение, осуществляемое лишь по сознательно принятому намерению, свидетельствует о том, что нравственное развитие личности задержалось или пошло по неправильному пути. Общепринято положение о том, что наиболее высоким уровнем нравственного развития, к которому стремится воспитание, является способность человека ориентироваться не на внешние, а на внутренние нормы поведения. Однако вопрос о том, что собой представляют эти внутренние ориентиры и как они формируются, остается до сих пор малоизученным [4].

Л.И. Божович придерживается точки зрения, что формирование нравственности – это последовательное (закономерное) превращение одних качественно своеобразных форм нравственного развития в другие, более совершенные. Нравственно воспитанным, по мнению Л.И. Божович, является лишь тот человек, который не только усвоил определенные нравственные знания, но и действует в соответствии с ними, так как они его непосредственно побуждают [4].

В.Э. Чудновский связывает формирование совести с процессом развития нравственной устойчивости: «По мере взросления поведение ребенка все в большей мере определяется нравственными побуждениями. В младшем школьном возрасте у ребенка складывается определенная система нравственной саморегуляции, которая в этот период в основном соответствует требованиям, предъявляемым к нему взрослыми. ... система нравственной саморегуляции усваивается младшим школьником хотя и прочно, но несколько формально.

Формальное усвоение нравственных принципов во многом обуславливает кризисность следующего этапа, характеризующегося радикальной ломкой прежней системы нравственной саморегуляции. По-видимому, этим объясняется большая неустойчивость подростков. У старшеклассников начинает формироваться нравственная устойчивость. ... Характерная

для их возраста устремленность в будущее создает благоприятные психологические условия для формирования способности подчинять свои поступки отдаленным ориентирам. ... Интерес к собственной личности, попытки разобраться в ее особенностях определяют стремление старшеклассника к самовоспитанию. Знания об окружающем мире и сведения об основах нравственности объединяются в его сознании в единую картину. Поэтому нравственная саморегуляция становится более полной, осмысленной и гибкой. Формирующиеся на основе научных знаний и жизненного опыта убеждения все больше становятся ориентирами поведения и обуславливают относительную самостоятельность, независимость от ситуативных влияний» [32, с. 96-98].

Ю.И. Александров и Н.Л. Александрова, рассматривая соотношение культуры и морали, приходят к иным выводам. Они считают, что, как и культура в целом, мораль не «потребляется» индивидом, она, по существу, воссоздается им. Моральные нормы не просто принимаются, а опосредуются отношением личности к обществу. Нравственность рассматривается как специфическая характеристика структуры субъективного опыта [1, с. 170-172]. Ю.И. Александров пишет, что люди, как правило, не обучаются специально «моральному поведению», «моральным нормам», не потому что они даны готовыми и изначально «закодированы» в наших генах, а потому, что индивиды обучаются умению достигать самые разные полезные результаты в социальной среде, и нравственность появляется как следствие обучения достигать эти результаты [29].

Подробно рассмотрено понятие совести в монографии Е.К. Веселовой, где автор определяет совесть как внутреннее нравственное ядро личности, которое обладает интегральным характером в качестве структуры самосознания. Совесть исходно диктует человеку «естественный нравственный закон» и в этом смысле делает человека независимым от сообщества. Е.К. Веселова понимает совесть как интегральную сенсорную структуру, чувствительную к пове-

дению личности в моральной сфере. В предлагаемой концепции выдвигается гипотеза о существовании двух структур личности, в которых представлен моральный закон – бытийной и ментальной, которые интегрируются совестью. Взаимоотношения этих личностных структур может быть конфликтным, что приводит к разрушению целостности личности и совесть может повредиться [6].

Проблемы нравственности личности остаются актуальными в современной ситуации нестабильности общественных норм и ценностей, а феномен совести продолжает привлекать внимание современных ученых, и это, на наш взгляд, поможет найти пути нравственного оздоровления общества.

Концепция социальных представлений

Нравственно-психологическое состояние личности определить прямыми методами бывает затруднительно, т.к. высока вероятность социальной желательности ответов испытуемых, а также работы защитных механизмов психики. В связи с этим мы считаем, что исследование социальных представлений о совести открывает новые возможности для изучения нравственно-психологического состояния личности и для прогнозирования процессов, происходящих в нравственной сфере в современном российском обществе.

Социальные представления – это любые формы убеждений, взглядов, знаний членов социальной группы по отношению к изменяющейся жизни. Социальные представления можно изучать на различных уровнях: в качестве индивидуальных систем знаний, с точки зрения коллективного дискурса [19], с метатеоретической позиции макроредукции социальных процессов на индивидуальные системы знаний [42]. «Социальное представление всегда демонстрирует что-то, свойственное тому, кто его передает – его вклад в интерпретацию. Тем самым представление – это не просто воспроизведение, а создание, оно предполагает некоторую долю автономии и индивидуальной или коллективной креативности» [12, с. 378].

Тесная связь между представлениями и действиями (поступками) была объектом лабораторных экспериментов французских исследователей Ж.-К. Абрика, Ж. Кодола, К. Фламана и др. Эти эксперименты внесли большой вклад в освещение процессов, связывающих индивидуальное и коллективное, действия и представления [24].

Ядро социальных представлений имеет постоянный и устойчивый характер, связано с коллективной памятью, с историей группы, ее ценностями и нормами, а периферия – изменчива, вариативна, зависит от индивидуального опыта респондентов и отражает тенденции развития социальных представлений.

Что касается работ, посвященных изучению представлений о совести, первые исследования появились относительно недавно. Л.А. Чигарькова изучает влияние социокультурного контекста на формирование представлений о совести. Автор показывает, что для уфимских старшеклассников важным оказывается следование нормам и правилам общества, в котором они живут, а московские старшеклассники более склонны к рефлексии, к тому, чтобы рассматривать, понимать, осознавать себя – собственные действия, мысли и чувства в соотношении с нормами и правилами. В своей работе Л.А. Чигарькова доказывает, что в представлениях старшеклассников о совести есть как общие, независимые от социокультурного контекста конструкторы, так и различия в представлениях о совести, вызванные влиянием социокультурных контекстов [31].

В исследовании Л.Э. Зотовой, где респондентами выступили московские студенты, обнаружилось, что большая их часть (35%) понимают совесть как внутреннюю инстанцию (установку); идентифицируют совесть с чувством стыда – 14% студентов; с внешними контролирующими инстанциями совесть связывают 16% студентов; 12% опрошенных студентов не смогли сформулировать представление о совести [14].

Е.Е. Бочарова делает вывод о наличии амбивалентного отношения к совести у представителей современной молодежи. Ядерная часть

представлений студентов содержит высоко-нравственные качества человека, но в зоне потенциальных изменений социальных представлений о совести обнаружилось негативно окрашенные элементы, что может свидетельствовать о возможной трансформации социальных представлений о совести в дальнейшем [5].

В работе И.Г. Самойловой и В.С. Матвеевой было выявлено, что основными у молодежи являются представления о совести как нравственном долге и ответственности перед другими [21]. В наших предшествующих исследованиях была выявлена взаимосвязь социальных представлений о совести с уровнем выраженности морально-нравственных качеств молодежи [8], с копинг-стратегиями пожилых людей [18] и с другими психологическими характеристиками. Несмотря на возрастающий с каждым годом интерес исследователей к теме социальных представлений о совести, остается не изученным аспект взаимовлияния религиозности молодежи и их представлений о совести.

Гипотеза исследования: социальные представления о совести у верующих старшеклассников будут характеризоваться большей содержательной полнотой ядра социальных представлений, чем социальные представления неверующих старшеклассников.

Методы исследования

Чтобы выявить структуру социальных представлений о совести (ядро и периферию) использовалась анкета, составленная по результатам первого этапа исследования; оценочная шкала Ж.-К. Абрика; математико-статистический анализ (описательная статистика, корреляционный анализ, для выявления различий – критерий U-Манна-Уитни). Авторская анкета состоит из 39 высказываний о совести [8]. Утверждения анкеты можно разделить на 2 группы по характеру установки: позитивные высказывания и негативные (отрицающие наличие или значение совести). Утверждения авторской анкеты условно разделяются на следующие смысловые блоки:

1. Понятия о характере развития совести, о ее природе (врожденный или приобретенный характер совести);

2. Влияние совести на жизнедеятельность человека и общества: а) положительное; б) отрицательное;

3. Отождествление или различение понятий «совесть» и «стыд»;

4. Цинично-прагматичное отношение к совести;

5. Зависимость/независимость совести от внешних оценок;

6. Утверждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести.

Подросткам было предложено оценить по шкале Лайкерта, в какой степени данные высказывания совпадают с их мнением о совести. При обработке заполненных анкет использовалась формула вычисления коэффициента позитивных ответов ТСП (франц. – *taux catégorique positif*):

$$ТСП = (n(4) + n(5)) / N \times 100,$$

где: n(4) – число ответов «согласен», n(5) – число ответов «совершенно согласен», N – общее число ответов [11, с. 243].

В ядро социальных представлений входят элементы (утверждения), коэффициент позитивных ответов которых ≥ 63 .

Также нами было сформулировано рабочее определение совести, которое наряду с другими источниками легло в содержательную основу авторской анкеты: *Совесть* – это внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, нравственная самооценка своих помыслов и самоконтроль поступков, которые предотвращают действия, вызывающие стыд и раскаяние. Для того чтобы поступать по совести человеку необходимо обладать умом и способностью рассуждать, а также силой воли для осуществления велений совести.

Выборка

Объект исследования – школьники 9 – 11 классов (14 – 16 лет), проживающие в Москве и

Казани. Всего 175 человек, 97 старшеклассников из Казани и 78 старшеклассников из Москвы. В таблице 1 представлены данные по отнесению самими подростками себя в ту или иную категорию по религиозной принадлежности.

При выборе этого возраста респондентов мы исходили из того, что в старшем школьном воз-

расте происходит преобразование в самых различных сферах психики, формирование самосознания, мировоззрения, стабилизируется самооценка, на основе чего подросток начинает ощущать себя самостоятельной личностью. В текущем исследовании важно, что в этот период происходит формирование моральных качеств личности.

Таблица 1. Религиозная идентичность старшеклассников Москвы и Казани (в %)

Город	Верующие					Неверующие	Не указал
	Православие	Ислам	Христианство	Буддизм / Иудаизм	Верующие		
Казань	60	29	1	2	8	34	1
	Всего: 65					Всего: 34	1
Москва	83	10	0	2	5	24	0
	Всего: 76					Всего: 24	0

Результаты исследования

В исследовании сравнивалась структура социальных представлений о совести в группах верующих и неверующих старшеклассников. Результаты показали, что ядро представлений

верующих старшеклассников содержит 16 элементов, в то время как ядро социальных представлений неверующих – 10 элементов (см. таблица 2).

Таблица 2. Ядро представлений о совести в группах верующих и неверующих школьников

Высказывания	Коэффициент позитивных ответов верующих школьников	Коэффициент позитивных ответов неверующих школьников
Суждения, наиболее полно и глубоко выражающие содержание феномена совести:		
(2) Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими	<u>92</u>	<u>88</u>
(4) Совесть – это форма самосознания и самоконтроля человека	<u>77</u>	<u>67</u>
(18) Совесть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать	<u>67</u>	48
(26) Совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать	<u>77</u>	<u>76</u>
Понятия о характере развития совести, ее природе – приобретенный характер:		
(9) У разных людей совесть развита в разной степени	<u>91</u>	<u>88</u>
(13) В человеке совесть закладывается воспитанием	<u>80</u>	<u>79</u>
(31) Человек сам у себя воспитывает совесть	<u>75</u>	<u>64</u>

Высказывания	Коэффициент позитивных ответов верующих школьников	Коэффициент позитивных ответов неверующих школьников
Понятия о характере развития совести, ее природе – врожденный характер:		
(30) Совесть есть у всех людей, только не все ее слушают	<u>70</u>	55
Независимость совести от внешних оценок:		
(24) Совесть независима от мнения окружающих	<u>64</u>	58
(36) Человек с совестью – сильный и внутренне свободный	<u>70</u>	39
Регулирующая функция совести:		
(3) Совесть помогает не выходить за рамки приличия и чувствовать грань дозволенного	<u>70</u>	<u>79</u>
(10) Совесть – регулятор поведения и человеческих поступков	<u>81</u>	<u>76</u>
(16) Совесть помогает уважать других и самого себя	<u>78</u>	45
(23) Совесть формирует личность человека	<u>77</u>	<u>67</u>
(39) Совесть способствует нормальным отношениям между людьми	<u>67</u>	42
Связь совести с умом человека:		
(19) От совести зависит способность совершать обдуманные поступки	<u>73</u>	<u>67</u>

Примечание: Ядро социальных представлений отмечено подчеркиванием

В обеих группах ядро представлений о совести представлено высказываниями с позитивным смыслом, только у верующих старшеклассников в ядре представлений добавочно присутствуют утверждения: выражающие независимость совести от внешних оценок («Совесть независима от мнения окружающих»), «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный»); характеризующие положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества («Совесть помогает уважать других и самого себя», «Совесть способствует нормальным отношениям между людьми»); и акцентирующие внимание на взаимосвязи совести и ума человека («Совесть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать»).

Получается, что старшеклассники, считающие себя верующими, имеют более полное и глубокое представление о феномене совести, чем их неверующие сверстники. Возможно,

данные различия объясняются традицией тщательного анализа своих поступков, мотивов, желаний (например, на исповеди) и большим вниманием к вопросам совести в рамках религиозного мировоззрения, что отражается в более полном и глубоком понимании феномена совести у верующих подростков.

Некоторые старшеклассники разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, выше процент среди неверующих респондентов по большинству суждений с негативным смыслом. При этом был получен любопытный результат: среди верующих старшеклассников в два раза выше процент, чем среди неверующих подростков, соглашающихся с суждениями, что «Человек не делает плохих поступков, чтобы потом не стыдиться», и что «Человек с совестью – слабый и боязливый», что показывает отношение к совести как к внешнему, социально ориентированному нравственному ре-

гулятору, а также незрелость суждений и слабое понимание сущностных аспектов совести. Здесь следует подчеркнуть, что утверждения с негативным смыслом в целом по выборке как верующих, так и неверующих респондентов не входят в ядро социальных представлений, а относятся к периферии социальных представлений о совести.

Сравнение двух выборок с помощью критерия У-Манна-Уитни показало статистически значимые различия. Так, верующие старшеклассники чаще, чем их неверующие сверстники, согласны с утверждениями, что «Совесть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать», «Совесть помогает все делать лучше», «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный», «Человек сам у себя воспитывает совесть», «Совесть есть у всех людей, но не все ее слушают». Неверующие подростки статистически чаще соглашались с тем, что «Совесть – это бред, от которого нужно отвыкать» и что «Совесть мешает жить».

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась, т.е. ядро социальных представлений верующих старшеклассников о совести содержательно полнее, и они имеют более четкое и ясное представление о феномене совести, чем неверующие старшеклассники. Полученные результаты ожидаемы и закономерны в связи с особыми характеристиками религиозного мировоззрения и привычкой верующей молодежи к нравственному самоконтролю.

Литература

1. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009.
2. Барсукова С.А. Психология совести. Пенза: Социосфера, 2010.
3. Бербешкина З.А. Совесть как этическая категория. М.: Высшая школа, 1986.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование.). М.: «Просвещение», 1968.
5. Бочарова Е.Е. Совесть в представлениях студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 3. С. 241-244.
6. Веселова Е.К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
7. Воловикова М.И. Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России: сб. науч. тр. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2011. С. 21-39.
8. Воловикова М.И., Мустафина Л.Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
9. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель. Соч.: В 14 т. М.: Соцэкзит, 1959. Т.4.
10. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.
11. Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
12. Жоделе Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология. СПб.: Питер, 2007. С. 372-394.
13. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: ИЦ «Академия», 1995.
14. Зотова Л.Э. Особенности Я-концепции студентов с различным уровнем совестливости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 1. С. 40-46.
15. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
16. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000.
17. Лефевр В.А. Алгебра совести. М., «Когито-Центр», 2003.
18. Мустафина Л.Ш. Взаимосвязь представлений о совести и копинг-стратегий пожилых людей // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 277-281.

19. Павлова Н.Д., Журавлев А.Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса: сб. науч. тр. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6-11.
20. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Под ред. М. Барретта, М. Воловиковой, Т. Рязановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
21. Самойлова И.Г., Матвеева В.С. Представления о совести молодых людей с разным уровнем осмысленности жизни // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 1. С. 44-47.
22. Семенов В.Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем: сб. науч. тр. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
23. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. М.: ООО «Издательство АСТ – ЛТД», 1988.
24. Фарр Р. Социальные представления // Социальная психология / под. ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 395-405.
25. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М.: Институт психологии АН СССР. 1991.
26. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.
27. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
28. Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: АСТ, 2006.
29. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
30. Челпанов Г.И. Учебник психологии. М., 1912.
31. Чигарькова Л.А. Влияние социокультурного контекста на формирование представлений о совести // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Психологические науки. 2009. Вып. 563. С. 100-114.
32. Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование / В.Э. Чудновский. М.: Педагогика, 1981.
33. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
34. Abric J. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representation. 1993. V. 2. P. 75-78.
35. Gergen K.J., Gerden M.M. Explaining Human Conduct: Form and Function // Explaining Human Behavior / Ed. By P.F. Secord. Beverly Hills etc.: Sage Publications, 1982.
36. Greene J. From neural «is» to moral «ought»: what are the moral implications of neuroscientific moral psychology? // Nature Review of Neuroscience. 2003. V.4. P. 847-850.
37. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // Psychol. Review. 2001. V. 108. P. 814 - 834.
38. Kohlberg L. Moral stages and moralization: the cognitive-developmental approach // Moral development and behavior: theory, research, and social issues. New-York etc.: Holt, Rinehart and Winston, 1976.
39. Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P.J., Bramati I.E. The neural correlates of moral sensitivity: A functional magnetic resonance imaging investigation of basic and moral emotions // The Journal of Neurosci. 2002. V.22. P. 2730-2736.
40. Verges P. L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. P. 203-209.
41. Waal F. de. Good natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1996.
42. Wagner W. The fallacy of misplaced intentionality in social representation research // Journal for the Theory of Social Behavior. 1994. V. 24(3). P. 243-266.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022

THE STRUCTURE OF THE SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT CONSCIENCE OF BELIEVERS AND UNBELIEVERS STUDENTS

© Lilia SH. Mustafina

PhD (Psychology), senior researcher, laboratory of psychology of personality,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mustafinals@ipran.ru

The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (№ 0138-2022-0005)

Social representations about conscience can reflect the moral orientation of a person and society. By studying representations about conscience, one can reveal the maturity/immaturity of moral beliefs and the positive-negative valence of the perception of conscience and, thereby, determine the degree of formation of the moral sphere of the individual. The purpose of this study was to study the structure of social ideas about conscience among high school students depending on their religious identity. The study sample consisted of 175 schoolchildren in grades 9–11 (14–16 years old) living in Moscow and Kazan. The results showed that high school students who consider themselves believers have a more complete and clear understanding of the phenomenon of conscience than their non-believing peers. In the group of believing adolescents, they more often agree with statements that characterize the essential aspects of the concept of conscience, and the group of non-believers statistically more often agrees with the uselessness of conscience for a person in modern life. At the same time, among believing high school students, the percentage is twice as high as among non-believing teenagers who agree with the judgments that “A person does not do bad deeds so as not to be ashamed later” and that “A person with a conscience is weak and fearful”, which shows the attitude of believing respondents to conscience as an external, socially oriented moral regulator. The results obtained are expected and natural in connection with the special characteristics of the religious worldview, and in general may indicate the state of the moral consciousness of today's youth.

Keywords: conscience, core and periphery of social representations, religious identity, high school students.

REFERENCES

1. Aleksandrov Yu.I., Aleksandrova N.L. (2009). Sub"ektivnyi opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya [*Subjective experience, culture and social representations*]. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN.
2. Barsukova S.A. (2010). Psikhologiya sovesti [*Psychology of conscience*]. Penza: Sotsiosfera.
3. Berbeshkina Z.A. (1986). Sovest' kak eticheskaya kategoriya [*Conscience as an ethical category*]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Bozhovich L.I. (1968). Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. (Psikhologicheskoe issledovanie) [*Personality and its formation in childhood. (Psychological study.)*]. Moscow: «Prosveshchenie».
5. Bocharova E.E. (2015). Sovest' v predstavleniyakh studencheskoi molodezhi [*Conscience in the views of student youth*] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. V. 4. № 3. P. 241-244.

6. Veselova E.K. (2002). Psikhologicheskaya deontologiya: mirovozzrenie i npravstvennost' lichnosti [*Psychological deontology: worldview and morality of the individual*]. Saint Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta.
7. Volovikova M.I. (2011). Npravstvennaya psikhologiya: zadachi, metody i sovremennoe sostoyanie [*Moral psychology: tasks, methods and current state*]. Problemy npravstvennoi i eticheskoi psikhologii v sovremennoi Rossii: sb. nauch. tr. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN». P. 21-39.
8. Volovikova M.I., Mustafina L.Sh. (2016). Predstavleniya o sovesti v rossiiskom mentalitete [*Representations of conscience in the Russian mentality*]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN».
9. Gegel' G.V.F. (1959). Fenomenologiya dukkha [*Phenomenology of Spirit*]. Gegel'. Soch.: V 14 t. Moscow: Sotseklit. V.4.
10. Drobnitskii O.G. (1974). Ponyatie morali [*The concept of morality*]. Moscow.
11. Emel'yanova T.P. (2016). Sotsial'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya [*Social Representations: History, Theory and Empirical Research*]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN».
12. Zhodele D. (2007). Sotsial'noe predstavlenie: fenomeny, kontsept i teoriya [*Social representation: phenomena, concept and theory*]. Sotsial'naya psikhologiya. Saint Petersburg: Piter. P. 372-394.
13. Zen'kovskii V.V. (1995). Psikhologiya detstva [*Psychology of childhood*]. Moscow: ITs «Akademiya».
14. Zotova L.E. (2015). Osobennosti Ya-kontseptsii studentov s razlichnym urovnem sovestlivosti [*Features of the self-concept of students with different levels of conscientiousness*]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. № 1. P. 40-46.
15. Il'in I.A. (1993). Put' k ochevidnosti [*Path to the obvious*]. Moscow: Respublika.
16. Kant I. (2000). Lektsii po etike [*Lectures on ethics*]. Moscow: Respublika.
17. Lefevr V.A. (2003). Algebra sovesti [*Algebra of conscience*]. Moscow, «Kogito-Tsentr».
18. Mustafina L.Sh. (2018). Vzaimosvyaz' predstavlenii o sovesti i koping-strategii pozhilykh lyudei [*Interrelation of representations about conscience and coping strategies of older people*]. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. № 5. P. 277-281.
19. Pavlova N.D., Zhuravlev A.L. (2007). K mezhdistsiplinarnoi problematike diskursa [*On the interdisciplinary problematics of discourse*]. Situatsionnaya i lichnostnaya determinatsiya diskursa: sb. nauch. tr. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN». P. 6-11.
20. Razvitie natsional'noi, etnolingvisticheskoi i religioznoi identichnosti u detei i podrostkov [*Development of national, ethnolinguistic and religious identity in children and adolescents*] / Pod red. M. Barretta, M. Volovikovoi, T. Ryazanovoi. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2001.
21. Samoilova I.G., Matveeva V.S. (2017). Predstavleniya o sovesti molodykh lyudei s raznym urovnem osmyslennosti zhizni [*Representations about conscience of young people with different levels of meaningfulness of life*]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. V. 23. № 1. P. 44-47.
22. Semenov V.E. (2011). Dukhovno-npravstvennye tsennosti i vospitanie kak vazhneishie usloviya razvitiya Rossii [*Spiritual and moral values and education as the most important conditions for the development of Russia*]. Psikhologicheskie issledovaniya dukhovno-npravstvennykh problem: sb. nauch. tr. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN».
23. Torndaik E. (1988). Printsipy obucheniya, osnovannye na psikhologii [*Principles of learning based on psychology*]. Osnovnye napravleniya psikhologii v klassicheskikh trudakh. Bikhevirozizm. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST – LTD».
24. Farr R. (2007). Sotsial'nye predstavleniya [*Social representations*]. Sotsial'naya psikhologiya / pod. red. S. Moskovichi. Saint Petersburg: Piter. P. 395-405.

25. Florenskaya T.A. (1991). Dialog v prakticheskoi psikhologii [Dialogue in practical psychology]. Moscow: Institut psikhologii AN SSSR.
26. Frankl V. (2000). Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya [Fundamentals of logotherapy. Psychotherapy and religion]. Saint Petersburg: Rech'.
27. Freid Z. (1989). Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. Moscow.
28. Fromm E. (2006). Begstvo ot svobody: Chelovek dlya sebya [Escape from Freedom: A Man for Himself]. Moscow: AST.
29. Khauzer M. (2008). Moral' i razum: Kak priroda sozdavala nashe universal'noe chuvstvo dobra i zla [Morality and Reason: How Nature Created Our Universal Sense of Good and Evil] / pod red. Yu.I. Aleksandrova. Moscow: Drofa.
30. Chelpanov G.I. (1912). Uchebnik psikhologii [Psychology textbook]. Moscow.
31. Chigar'kova L.A. (2009). Vliyanie sotsiokul'turnogo konteksta na formirovanie predstavlenii o sovesti [Influence of the sociocultural context on the formation of ideas about conscience]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Psikhologicheskie nauki. V. 563. P. 100-114.
32. Chudnovskii V.E. (1981). Nравstvennaya ustoichivost' lichnosti: Psikhologicheskoe issledovanie [Moral Stability of the Personality: A Psychological Study]. Moscow: Pedagogika.
33. Yurevich A.V. (2014). Psikhologiya sotsial'nykh yavlenii [Psychology of social phenomena]. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN".
34. Abric J. (1993). Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations. Papers on social representation. V. 2. P. 75-78.
35. Gergen K.J., Gerden M.M. (1982). Explaining Human Conduct: Form and Function. Explaining Human Behavior / Ed. By P.F. Secord. Beverly Hills etc.: Sage Publications.
36. Greene J. (2003). From neural «is» to moral «ought»: what are the moral implications of neuroscientific moral psychology? // Nature Review of Neuroscience. V.4. P. 847-850.
37. Haidt J. (2001). The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. // Psychol. Review. V. 108. P. 814-834.
38. Kohlberg L. (1976). Moral stages and moralization: the cognitive-developmental approach. Moral development and behavior: theory, research, and social issues. New-York etc.: Holt, Rinehart and Winston.
39. Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P.J., Bramati I.E. (2002). The neural correlates of moral sensitivity: A functional magnetic resonance imaging investigation of basic and moral emotions. // The Journal of Neurosci. V.22. P. 2730-2736.
40. Verges P. (1992). L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. V. XLV. P. 203-209.
41. Waal F. de. (1996). Good natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, M.A.: Harvard University Press.
42. Wagner W. (1994). The fallacy of misplaced intentionality in social representation research. // Journal for the Theory of Social Behavior. V. 24 (3). P. 243-266.

The article was received 12.05.2022

Экономическая и организационная психология

ДОВЕРИЕ К ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ: ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И НЕЙРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© Демченко А.М.

аспирант Поволжского института управления – филиала РАНХиГС, стажер-исследователь
АННИО «Институт психолого-экономических исследований» («ИПЭИ»), Саратов, Россия,
ipei@ipei.ru

© Кремнев В.В.

аспирант Поволжского института управления – филиала РАНХиГС, стажер-исследователь
АННИО «ИПЭИ», Саратов, Россия

© Неверов А.Н.

доктор экономических наук, доцент, директор АННИО «ИПЭИ», Саратов, Россия

© Неверова А.В.

кандидат психологических наук, доцент, вед. научный сотрудник АННИО «ИПЭИ»,
Саратов, Россия

© Пьяных Д.С.

аспирант Поволжского института управления – филиала РАНХиГС, стажер-исследователь
АННИО «ИПЭИ», Саратов, Россия

В статье рассматривается комплекс причин, определяющих эффект воздействия информационного поля на экономическое поведение индивида и группы в условиях избыточности информации. Авторы исходят из общей гипотезы о том, что в основе информационного воздействия, вызывающего ажиотажный спрос, лежит феномен доверия к источнику информации. На основе анализа объективной экономической информации и экономико-психологического мониторинга, выделен контекст ожиданий и работы с информацией. Исходя из контекста сформирована рабочая экспериментальная гипотеза о том, что субъективный уровень доверия к источникам экономической информации коррелирует с повышением активности в фронтальных отделах головного мозга в дельта- и тета- ритмах, а также находит свое проявление в функциональной асимметрии. На основе экспериментальных данных установлено, что существует зависимость между левополушарной асимметрией при восприятии источника с низким уровнем доверия и снижением асимметрии при восприятии источника с субъективно положительным уровнем доверия. Отношение индивида к источнику информации положительно коррелирует с уровнем доверия к нему. Итогом исследования выступает совокупность тезисов о том, что фейковые новости и информационные каналы, не вызывающие доверия: а) не вызывают у потребителя информации негативных эмоций, а значит не блокируются в качестве компонентов информационного поля; б) несмотря на избыточность информации в целом и кризисное состояние, человек склонен продолжать отслеживать даже ту информацию, которая заведомо воспринимается им как недостоверная. Следовательно, враждебная и дружелюбная информация одинаково поступают к потребителю, при этом отсутствие доверия не является инструментом личностного отказа от ее потребления.

Ключевые слова: информация, геополитика, экономическое поведение, эксперимент, экономико-психологический мониторинг

Введение

В ходе проведенного в 2020 году анализа по данным «Левада-центра», абсолютное большинство жителей России санкции не волнуют. 87% опрошенных заявили, что санкции Запада против России не создали особых проблем лично для них и для членов их семей. Наоборот, о наличии серьезных проблем вследствие санкций сейчас говорят лишь 10% опрошенных.

Стоит отметить, что доля обеспокоенных «...санкциями тоже снижается – сейчас это лишь 31% россиян, а 67% респондентов антироссийские ограничительные меры не беспокоят. Хотя еще в ноябре 2018 г. такое беспокойство испытывали 43% опрошенных. А вот доля тех, кто считает, что России нужно налаживать отношения с США и другими западными странами, на протяжении полутора лет остается на максимальном уровне в 79%» [3].

Ежеквартальный психолого-экономический мониторинг ожиданий и экономического поведения населения России, проводимый Институтом психолого-экономических исследований из Саратова (ИПЭИ), на середину второго квартала 2022 года показал переход экономической активности в состояние безрисковых решений, психологическую апатию, а также резкое падение интереса к информационному полю [4].

Методика проведения мониторинга складывается из двух компонентов: а) диагностика методами социально-психологических (не социологических) исследований ожиданий, в числе которых визуальные аналоговые шкалы, проективные вопросы, а также элементы психометрики, уровня субъективного экономического благополучия и его прогнозов, горизонта планирования и уровня притязаний; б) сопоставление психологических данных с текущими, прогнозными значениями социально-экономического развития (по данным официальных органов России и данным основных мировых институтов). Главными из социально-экономических показателей выступают те, которые наиболее часто звучат в СМИ: темп роста ВВП, уровень инфляции и динамика изменения цен, уро-

вень безработицы, уровень среднего дохода, величина реального прожиточного минимума и т.д.

Традиционно психологические данные ИПЭИ собирает в середине квартала (февраль, май, август, ноябрь), а статистические данные в конце квартала (март, июнь, сентябрь, декабрь). На сегодня, соответственно, получены и обработаны данные за полный мониторинг первого квартала и психологические данные за второй квартал.

Основные данные по ситуации на май месяц, а также прогнозы и ожидания людей на период до середины 2023 года:

1) Данные экономико-психологического мониторинга ИПЭИ первого квартала показывали смену когнитивной карты у населения России с «экономического ландшафта» на «военный ландшафт». Подобное изменение было зафиксировано впервые с 2016 г. (с начала наблюдений). Примечательно, что второй квартал 2022 года ничего не изменил в этой ситуации. Население России психологически поделило время на до СВО на Украине и «этот год». Характеристика 2022 года в восприятии людей – это рубликон, после которого Россия не будет прежней, причем ситуация воспринимается как битва с Западом за сохранение страны.

2) Смена когнитивной карты в первом квартале 2022 года привела к разрыву образа окружающего мира и вызвала переход россиян с ограниченно рационального поведения на эвристики. Второй квартал перевел среднего жителя страны с эвристик на автоматическое поведение – т.е. на поведение *as usual* (как обычно, не задумываясь). Единственное, что корректируется (изменяется) – это торговые сети и магазины, в которые ходят граждане России, а также ассортимент покупаемых товаров. Корректировка связана, по оценкам людей, с ростом цен, изменением ассортимента и качества обслуживания.

3) В первом квартале основным фактором, по которому различалось поведение людей, было поколение, к которому относится человек, а уже потом – уровень доходов:

– поколение, родившееся до 1978 г., реагировало на происходящее по аналогии с поведением в 1993-1996 гг.: обналачивало средства, закупало продукты, активизировало посадки на даче, скупало сахар, соль и гречку и т.д.;

– поколение от 1978 до 1985 г.р. воспринимало ситуацию как время возможностей: «В 1990-е не успели, были слишком малы, теперь наше время»;

– поколение, родившееся после 1986 г. исходило из риска возврата «в совок». Причем образ СССР у данного поколения связан со стереотипами, сформированными в инфополе после 1990-го. Именно третья эвристика приводила к самому высокому уровню депрессии.

4) Во втором квартале основным фактором опять стал уровень реальных доходов. Причем, наблюдается следующая тенденция: чем выше уровень доходов, тем меньше изменений в поведении относительно модели *as usual*. Подчеркнем, что у всех граждан России доминирует именно автоматическое поведение. Очевидно, что отклонения от данной модели носят объективный характер и касаются только тех сфер, где люди просто не могут по финансовым и ассортиментным позициям вести себя как в 2021 году.

5) В первом квартале практически все группы населения не могли спрогнозировать будущее дальше сентября 2022 г. Таким образом, горизонт планирования будущего у россиян фактически был сокращен с традиционных 3-5 лет до полугода. Во втором квартале образ будущего за пределами сентября так и не появился, что говорит о дальнейшем сокращении горизонта планирования. В этих условиях следует ждать резкого сокращения спроса на кредиты и займы, а также сокращение трат. Особенное падение, при сохранении текущего положения, придется на август месяц, когда средний россиянин будет придерживать деньги перед неизвестностью октября.

На поведенческом уровне эффект психологического воздействия информации проявился в неоправданно высоком спросе на сахар в фев-

рале-марте 2022 года, что в результате подстегнуло рост цены на эти товары. По данным Росстата индекс потребительской цены на сахарный песок составил 139% к концу февраля 2022 года. Экономисты считали ажиотажную скупку этих продуктов иррациональной и искали корни в советском прошлом, когда люди запасались компонентами для заготовки консервированных продуктов. Именно так на уровне реального экономического поведения и проявляются эвристики 1990-х гг., которые отмечены в психолого-экономическом мониторинге.

С точки зрения поведенческой экономики можно сказать, что это классический пример метода подталкивания, описываемый в книге лауреата нобелевской премии по экономике Ричарда Талера «Nudge. Архитектура выбора» [7], который именуется стадным чувством. Люди склонны поддаваться импульсам, вызванным второстепенными и вроде бы не имеющими отношения к делу атрибутами.

Например, при виде объектов деловой среды, портфелей и столов для переговоров, люди становятся более склонными к соперничеству, менее заинтересованными в сотрудничестве и менее щедрыми. А едва уловимый запах чистящего средства в кафе заставит людей есть аккуратнее. На основе информации, полученной из средств массовой информации, от соседей или других источников, считающихся истиной, люди, подталкиваемые страхом опоздать, скупали сахар и соль в больших объемах, явно превышающих потребительские возможности семьи.

Например, по данным муниципального издания из города Вольск Саратовской области пожилая женщина оставила родственникам после смерти 200 килограммов соли, которые они обнаружили, разбирая ее квартиру. Это около 40 тысяч средних суточных доз потребления для одного человека. Подобные события могли спровоцировать иные проблемы, которые бы выходили за рамки экономических процессов. В истории немало случаев, когда дефицит товаров толкал жителей государств на протесты, тем самым разжигая даже революции.

Учитывая крайнюю важность понимания и объяснения вышеотмеченных процессов нами, было выдвинуто предположение о том, что в основе информационного воздействия, вызывающего ажиотажный спрос, лежит феномен доверия к источнику информации.

Методологические положения и концептуальная рамка исследования

Информационное воздействие и формирование информационного поля закладывает основу для индивидуального экономического поведения. Рациональные – в прочтении экономистов, а в терминах психологов – осознанные компоненты принятия решений и отдельных действий человека фактически полностью складываются из процессов переработки имеющегося вокруг него информационного поля. Конечно, и неосознаваемые формы поведения в значительной степени зависят от информационного поля, что показано в экспериментах Г. Саймона, Д. Канемана и А. Тверски, Р. Талера и ряда других авторов [7; 9; 11].

Результаты исследования вышеперечисленных и многих других экономических и социальных психологов убедительно показывают, что процесс работы с информацией человека существенно связан с его внутриличностными характеристиками, среди которых в первую очередь, следует выделить фильтры восприятия, аттракцию и т.д. [1; 2].

Как показали наши теоретические и эмпирические исследования, одной из характеристик современной социально-экономической среды выступает переход к избыточности информации (или информационной избыточности), т.е. такого положения, когда поток субъективно релевантной для экономического агента информации в имеющемся для принятия решения время устойчиво и существенно превышает его когнитивные возможности [6]. Причем, что принципиально, информационная избыточность становится нормой процесса принятия решений и в целом условий экономического поведения, а не особым его случаем.

Важной характеристикой информационного поля в этих условиях выступает повышение доли рационально созданной другими агентами информации – т.е. целенаправленной информации. При этом, следует отметить, что целенаправленность информации, может быть, как на отдельные группы агентов (в предельном случае – на конкретного агента), так и на среднего пользователя, на основе контроля полярных точек зрения.

В зависимости от целей того, кто генерирует данную информацию или информационный поток, мы в настоящей статье будем выделять две ее формы: дружественную и враждебную относительно агента, на которого она направлена. Под первой понимается информация, подталкивающая объект информационного воздействия к действиям, которые положительно коррелируют с его целями и ценностями. Под враждебной целенаправленной информацией мы будем понимать такую реализацию концепции подталкивания Р. Талера [7], которая ведет к достижению целей инициатора воздействия и обратно связана с целями и ценностями объекта информационного воздействия, т.е. противоположна им.

В условиях информационной избыточности в процессе принятия решения человек (или группа людей) находится в условиях: а) ограниченного времени; б) недоступного рациональной обработке объема поступающей информации, настолько превышающего возможности, по ее оценке, что агент, принимающий решение, не может даже определить реальную степень ее релевантности; в) хронического дефицита собственных знаний об окружающей среде и ситуации принятия решений. Это детерминирует состояние, когда информация о другом агенте может быть избыточна или может ввести в заблуждение.

В этих условиях, когда полностью узнать и проверить информацию невозможно, единственным выходом выступает опора на доверие или недоверие к источнику информации. Это позволяет сократить время на принятие решения, но при этом может исказить его результат

и привести к принятию не оптимального и даже ошибочного решения. Особенное значение данный процесс имеет в текущих геополитических и социально-экономических условиях, которые характеризуются максимально насыщенной информационной средой, высоким уровнем социально-экономической и политической неопределенности, а также высоким объемом разнонаправленной дружественной и враждебной информации.

В связи с этим возникает исследовательский вопрос о том, как происходит формирование чувства доверия, как оно проявляется на различных уровнях деятельности человека, в том числе на нейрофизиологическом уровне. На данный момент, доверие достаточно подробно изучено в психологии, социологии и экономике, при этом прямых исследований доверия на уровне активности головного мозга всего несколько.

Так, например, попытками объяснить феномен доверия и его природу занимались и продолжают заниматься большое количество ученых из разных направлений науки (Г. Гарфинкель, П. Бурдье, Э. Гидденс, И. Гофман, Н. Луман, Т. Парсонс, П. Штомпка, А. Селигмен, Г. М. Андреева, Ф. Фукуяма, А. Маслоу, Дж. Майерс, А.Б. Купрейченко, Э. Фромм, Э. Эрикссон, А.Н. Неверов, А.И. Добрынин и др.). На нейрофизиологическом уровне, особенно применительно к экономическому поведению, проведено только несколько исследований.

Самыми глубокими и обстоятельными из них выступают работы группы П. Зака [12, 13]. Кроме того, следует отметить работу М. Косфильда [10], и Э. Фера с коллегами [8]. В 2018 году Р. Занг опубликовал интересную работу о нейроэкономических особенностях доверия к брендам в электронной коммерции [14]. В ней, в частности хорошо зафиксированы взаимосвязи между уровнем доверия к бренду и склонностью идти на риск в интернет-торговле.

Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, изучить влияние доверия к источнику информации в условиях геополитического противостояния и кризисных

явлений в экономике на нейрофизиологическом уровне принятия экономических решений. При изучении доверия мы исходим из определения А.Н. Неверова, согласно которому доверие есть эмоциональное принятие или непринятие субъективных вероятностей как достоверных (доверие к себе), релевантных (доверие к источнику информации и самой информации) и ситуации как стабильной (доверие к среде и ее элементам), ответственное за неосознаваемый отбор из всего многообразия вариантов развития событий, наиболее безопасных с точки зрения субъекта [5]. Доверие включает в себя ожидание определенных действий, связанных с социальной ролью человека.

Гипотезы и дизайн исследования

Доверие или недоверие в контексте данной работы означает ожидание определенного поведения другого агента (источника информации), которое формируется до появления какого-либо взаимодействия. Исходя из этого, возникает вопрос, вследствие чего формируется это самое ожидание, которое переходит в доверие или недоверие? Общей гипотезой исследования выступило предположение, что существует специфичность в уровне мощностной активности и структуре электрической активности в передних отделах головного мозга при восприятии источников информации с разным уровнем субъективного доверия/недоверия.

В лабораторном психолого-экономическом эксперименте участвовало 25 человек (13 мужчин и 12 женщин возрасте от 18 до 36 лет). Поскольку данные электроэнцефалографии по четырем испытуемым содержат технически мотивированные искажения, в обработке результатов на уровне анкет и опросника представлены 25, а в обработке ЭЭГ – 21 испытуемый.

Рабочая гипотеза: Субъективный уровень доверия к источникам экономической информации коррелирует с повышением активности в фронтальных отделах головного мозга в дельта- и тета- ритмах, которая проявляется в функциональной асимметрии.

Процедура эксперимента

В эксперименте использовалось следующее оборудование:

- 4 ноутбука (MSI GP 73 Leopard);
- 4 электроэнцефалографа (Энцефалан-ЭЭГР-19/26) и программа «Энцефалан»;
- 4 портативных айтрекера (Tobii Pro X2-60) и программа Tobii Pro Lab;
- 4 текстильных шлема (MCScap Professional) с электродами Ag / AgCl sintered;
- гель УНИМАКС электродный контактный с высокой электропроводностью.

Каждый испытуемый проходил исследование независимо от остальных. Время прохождения одним испытуемым исследования занимало в среднем 30 мин., но при этом не лимитировалось организаторами.

Вначале каждый испытуемый заполнял документы о согласии участия в эксперименте. После этого происходил монтаж электродного шлема и введение электропроводящего геля под контакты по международной системе подключения 10-20 с использованием 22 контактов (19 основных, 2 «ушных», 1 «заземление»). После установки шлема происходила калибровка айтрекера для установления необходимого расстояния участника до монитора.

Далее участнику предлагалось ответить на следующий вопрос: «Оцените ваше отношение к представленным информационным каналам от -3 до +3, где -3 – отношусь абсолютно негативно, а +3 – отношусь абсолютно положительно», после чего на экране появлялись названия источников информации.

После оценки десяти информационных каналов, они предъявлялись снова, только вопрос уже звучал иначе, вместо отношения участника эксперимента просили оценить уровень его доверия/недоверия к данным каналам. Затем производилась оценка минимально доверяемого источника информации, нейтрального и положительного.

Исходя из полученных данных, формировался набор 30 секундных видеороликов. По каждому источнику предъявлялось 2 видеоролика. В одном видеоролике представлялась

фактическая информация, без попытки воздействовать на восприятие человека. Второй ролик, наоборот, содержал более эмоциональную составляющую и видеоряд, который воздействовал на восприятие информации человека. Для каждого участника формировалось 3 набора СМИ по 2 видео. В процессе предъявления видео осуществлялась одновременная фиксация электрической активности головного мозга (ЭЭГ – запись производилась в неподвижном положении тела, для исключения артефактов) и движения зрачка (посредством айтрекера).

Анализ результатов осуществлялся на основе сопоставления полученных данных оценки уровня доверия и отношения к информации до момента просмотра видео с аналогичными данными после просмотра. Результаты эксперимента систематизировались и статистически обрабатывались с помощью программы MS Office Excel 2019 и программы Stat Soft «Statistica».

Результаты эксперимента

На первом этапе анкетирования участники эксперимента оценивали свое отношение к десяти отобраным экспертами наиболее популярным источникам массовой информации в российском сегменте (ответ на вопрос: «Как Вы относитесь на данному источнику информации»). Результаты ответов показали, что на среднегрупповом уровне (где группой выступает вся совокупность испытуемых) можно выделить один источник информации, к которому в целом у всех испытуемых положительное отношение (Forbes), и один источник, к которому в отношении негативное (ОТР). Отношение к «Телеканалу 360» более, чем 64% испытуемых отметили, как нейтральное. Остальные каналы участниками эксперимента оцениваются по-разному. При этом, сильное негативное отношение испытуемые отмечали значительно охотнее, чем сильно позитивное (18% против 5,2%), и наоборот слабое положительное отношение встречается чаще, чем слабое негативное

(14% против 4). Нейтральное отношение продемонстрировали 40,2% испытуемых (см. рис. 1).

Это означает, что в целом испытуемым было легче выразить свое однозначно негативное отношение к источнику информации, чем однозначно указать на положительное к нему отношение. Очевидно, что участникам эксперимента было субъективно проще занести источник в отрицательную зону, чем выразить к нему

преддверие (негативная репутация формируется легче и является устойчивее, чем положительная).

При ответе на вопрос о доверии тому или иному источнику информации в целом проявился тот же эффект. Абсолютное недоверие в среднем испытуемые выражают значительно легче, чем абсолютное доверие (см. рис. 2).

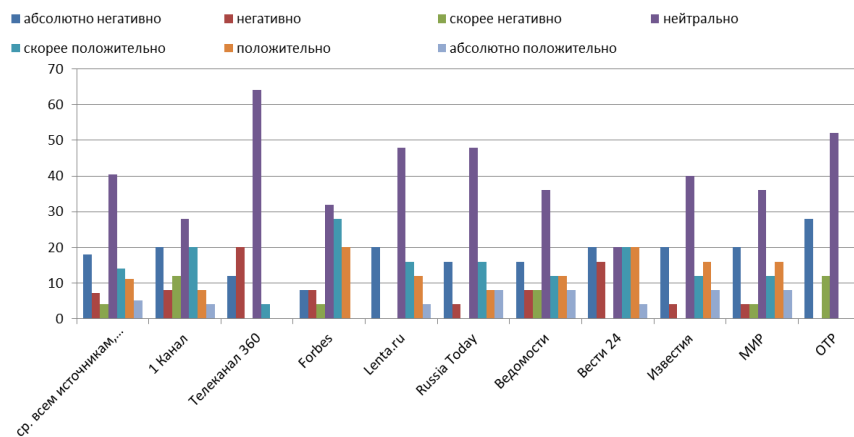

Рис. 1. Диаграмма отношения к источникам информации, представленным в эксперименте, в % (n=25)

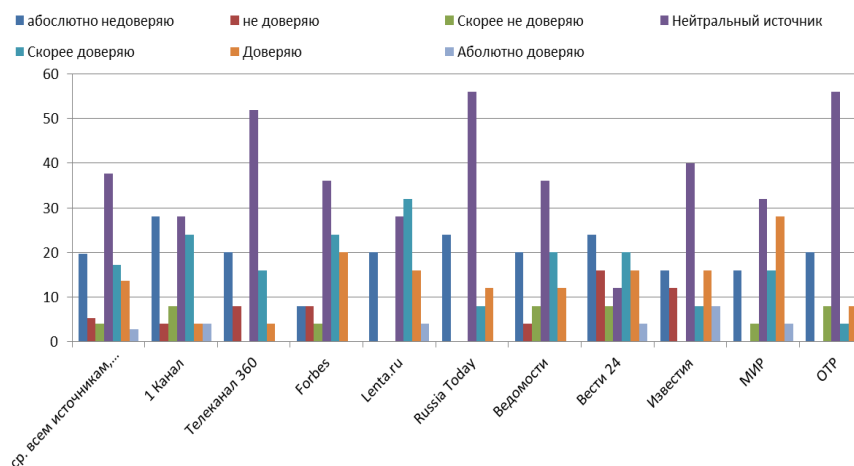

Рис. 2. Диаграмма уровня доверия к источникам информации, представленным в эксперименте, в % (n=25)

Таблица 1. Частота ответов участников при ответе на вопрос о «доверии»

	1 Канал	Телеканал 360	Forbes	Lenta.ru	Russia Today	Ведомости	Вести 24	Известия	МИР	ОТР
-3	7	5	2	5	6	5	6	4	4	5
-2	1	2	2	0	0	1	4	3	0	0
-1	2	0	1	0	0	2	2	0	1	2
0	7	13	9	7	14	9	3	10	8	14
1	6	4	6	8	2	5	5	2	4	1
2	1	1	5	4	3	3	4	4	7	2
3	1	0	0	1	0	0	1	2	1	1
n	25	25	25	25	25	25	25	25	25	25

Таблица 2. Описательная статистика уровня доверия к источникам информации

Переменная					
	Среднее	Ст. откл.	Минимум	Максим.	N
1 Канал	-0,56	1,83	-3,0	3,00	25
Телеканал 360	-0,52	1,50	-3,0	2,00	25
Forbes	0,20	1,47	-3,0	2,00	25
Lenta.ru	0,16	1,80	-3,0	3,00	25
Russia Today	-0,40	1,63	-3,0	2,00	25
Ведомости	-0,32	1,65	-3,0	2,00	25
Вести 24	-0,48	2,00	-3,0	3,00	25
Известия	-0,08	1,87	-3,0	3,00	25
МИР	0,32	1,77	-3,0	3,00	25
ОТР	-0,36	1,60	-3,0	3,00	25

Таблица 3. Критерий нормальности по показателю «доверие»

Переменная	Критерии нормальности					
	N	макс. D	К.-С. p	Лиллиеф. p	W	p
1 Канал	25	0,220357	p < ,15	p < ,01	0,880715	0,007150
Телеканал 360	25	0,355291	p < ,01	p < ,01	0,809492	0,000329
Forbes	25	0,245961	p < ,10	p < ,01	0,878960	0,006578
Lenta.ru	25	0,264494	p < ,10	p < ,01	0,839169	0,001105
Russia Today	25	0,356752	p < ,01	p < ,01	0,785138	0,000130
Ведомости	25	0,256830	p < ,10	p < ,01	0,872297	0,004812
Вести 24	25	0,176089	p < ,20	p < ,10	0,893576	0,013331
Известия	25	0,237071	p < ,15	p < ,01	0,902986	0,021322
МИР	25	0,228384	p < ,15	p < ,01	0,865320	0,003490
ОТР	25	0,308783	p < ,05	p < ,01	0,831958	0,000816

Где: К.-С. – это критерий Колмогорова-Смирнова; Лиллиеф. – Критерий Лиллиефорса;
W – W критерий Уилкоксона

Как видно из табл. 1, 2 и 3, оценивая уровень доверия к предъявленным источникам информации, участники эксперимента выразили самый низкий уровень доверия к каналу «1 канал», максимальный уровень доверия – к каналу «МИР», при этом частота выбора оценки доверия как «абсолютно доверяю» максимальная у источника «Известия» и имеет значение 2, а канал «МИР» значение 1 (см. табл. 1).

Для сравнения и выявления связи уровня доверия и отношения участников эксперимента к

источнику информации была предложена вторая часть анкеты с аналогичными вариантами ответов, только теперь участник оценивал свое отношение к предъявленным источникам.

При этом абсолютно негативную оценку получили сразу два источника это «Телеканал 360» и «ОТР». Источник, который получил максимальную позитивную оценку – это «Forbes», однако, в цифровых значениях средняя равна -0,24, в интервале от -3 до +3 (см. табл. 4).

Таблица 4. Частота ответов участников при ответе на вопрос об «отношении»

	1 Канал	Телеканал 360	Forbes	Lenta.ru	Russia Today	Ведомости	Вести 24	Известия	МИР	ОТР
-3	5	3	2	5	4	4	5	5	5	7
-2	2	5	2	0	1	2	4	1	1	0
-1	3	0	1	0	0	2	0	0	1	3
0	7	16	8	12	12	9	5	10	9	13
1	5	1	7	4	4	3	5	3	3	0
2	2	0	5	3	2	3	5	4	4	0
3	1	0	0	1	2	2	1	2	2	2
n	25	25	25	25	25	25	25	25	25	25

Попытки найти статистические отличия между отведениями электродов во время восприятия источника информации с субъективно

высоким и субъективно низким уровнем доверия не дали статически значимого результата, что показано в таблицах 5-12.

Таблица 5. Данные по Δ – ритмам при просмотре источников информации с высоким и низким уровнем доверия

	Число наблюдений	Процент	Z	p-уров.
Fp1 (Δ) - & Fp1 (Δ) +	21	52,38095	0,000000	1,000000
Fp2 (Δ) - & Fp2 (Δ) +	21	52,38095	0,000000	1,000000
F7 (Δ) - & F7 (Δ) +	21	42,85714	0,436436	0,662521
F3 (Δ) - & F3 (Δ) +	21	57,14286	0,436436	0,662521
F4 (Δ) - & F4 (Δ) +	21	52,38095	0,000000	1,000000
F8 (Δ) - & F8 (Δ) +	21	61,90476	0,872872	0,382733

Таблица 6. Данные по Θ – ритмам при просмотре источников информации с высоким и низким уровнем доверия

	Число наблюдений	Процент	Z	p-уров.
Fp1 (Θ) - & Fp1 (Θ) +	21	42,85714	0,436436	0,662521
Fp2 (Θ) - & Fp2 (Θ) +	21	57,14286	0,436436	0,662521
F7 (Θ) - & F7 (Θ) +	21	42,85714	0,436436	0,662521
F3 (Θ) - & F3 (Θ) +	21	33,33333	1,309307	0,190430
F4 (Θ) - & F4 (Θ) +	21	42,85714	0,436436	0,662521
F8 (Θ) - & F8 (Θ) +	21	52,38095	0,000000	1,000000

Таблица 7. Данные по α – ритмам при просмотре источников информации с высоким и низким уровнем доверия

	Число наблюдений	Процент	Z	p-уров.
Fp1 (α) - & Fp1 (α) +	21	91,0000	0,851562	0,394458
Fp2 (α) - & Fp2 (α) +	21	95,0000	0,712532	0,476136
F7 (α) - & F7 (α) +	21	110,0000	0,191167	0,848395
F3 (α) - & F3 (α) +	21	102,0000	0,469228	0,638907
F4 (α) - & F4 (α) +	21	114,0000	0,052136	0,958420
F8 (α) - & F8 (α) +	21	112,0000	0,121652	0,903175

Таблица 8. Данные по β_1 – ритмам при просмотре источников информации с высоким и низким уровнем доверия

	Число наблюдений	Процент	Z	p-уров.
Fp1 (β_1) - & Fp1 (β_1) +	21	103,0000	0,434471	0,663947
Fp2 (β_1) - & Fp2 (β_1) +	21	115,0000	0,017379	0,986134
F7 (β_1) - & F7 (β_1) +	21	75,0000	1,407685	0,159225
F3 (β_1) - & F3 (β_1) +	21	109,5000	0,208546	0,834803
F4 (β_1) - & F4 (β_1) +	21	106,0000	0,330198	0,741251
F8 (β_1) - & F8 (β_1) +	21	104,0000	0,399713	0,689368

Таблица 9. Данные по β_2 – ритмам при просмотре источников информации с высоким и низким уровнем доверия

	Число наблюдений	Процент	Z	p-уров.
Fp1 (β_2) - & Fp1 (β_2) +	21	102,0000	0,469228	0,638907
Fp2 (β_2) - & Fp2 (β_2) +	21	112,0000	0,121652	0,903175
F7 (β_2) - & F7 (β_2) +	21	94,0000	0,747289	0,454889
F3 (β_2) - & F3 (β_2) +	21	89,0000	0,921078	0,357011
F4 (β_2) - & F4 (β_2) +	21	105,0000	0,364955	0,715145
F8 (β_2) - & F8 (β_2) +	21	111,0000	0,156409	0,875710

Таблица 10. Данные при восприятии источников информации с высоким и низким уровнем доверия

U критерий Манна-Уитни по перем. ритмы отмеченные критерии значимы на уровне $p < ,05000$									
	Сум. ранг - Группа 1	Сум. ранг - Группа 2	U	Z	p-уров.	Z - скорр.	p-уров.	N - Группа 1	N - Группа 2
Fp1	11203,00	10952,00	5387,0	0,283903	0,776485	0,283903	0,776485	105	105
Fp2	11037,00	11118,00	5472,0	-0,090849	0,927613	-0,090849	0,927613	105	105
F7	11227,50	10927,50	5362,5	0,339548	0,734197	0,339548	0,734197	105	105
F3	11265,00	10890,00	5325,0	0,424719	0,671042	0,424719	0,671042	105	105
F4	11139,50	11015,50	5450,5	0,139680	0,888913	0,139680	0,888913	105	105
F8	10982,00	11173,00	5417,0	-0,215766	0,829170	-0,215766	0,829170	105	105

Таблица 11. Данные по всем ритмам при просмотре информационных роликов с высоким и низким уровнем доверия

U критерий Манна-Уитни по перем. ритмы отмеченные критерии значимы на уровне $p < ,05000$									
	Сум. ранг - Группа 1	Сум. ранг - Группа 2	U	Z	p-уров.	Z - скорр.	p-уров.	N - Группа 1	N - Группа 2
Fp1	454	449	218	0,050311	0,959874	0,050314	0,959873	21	21
Fp2	450	453	219	-0,025156	0,979931	-0,025157	0,97993	21	21
F7	466	437	206	0,35218	0,724703	0,35218	0,724703	21	21
F3	455	448	217	0,075467	0,939843	0,075467	0,939843	21	21
F4	455	448	217	0,075467	0,939843	0,075467	0,939843	21	21
F8	442	461	211	-0,226402	0,820889	-0,226402	0,820889	21	21

Таблица 12. Данные по Δ – ритмам при просмотре информационных роликов с высоким и низким уровнем доверия

U критерий Манна-Уитни по перем. ритмы отмеченные критерии значимы на уровне $p < ,05000$									
	Сум. ранг - Группа 1	Сум. ранг - Группа 2	U	Z	p-уров.	Z - скорр.	p-уров.	N - Группа 1	N - Группа 2
Fp1	482	421	190	0,754672	0,450446	0,754672	0,450446	21	21
Fp2	464	439	208	0,301869	0,762752	0,301869	0,762752	21	21
F7	489	414	183	0,930762	0,351977	0,930762	0,351977	21	21
F3	493	410	179	1,031385	0,302361	1,031385	0,302361	21	21
F4	465	438	207	0,327025	0,743649	0,327025	0,743649	21	21
F8	449	454	218	-0,050311	0,959874	-0,050311	0,959874	21	21

Где: U – значение критерия Манна-Уитни, Z – z-критерий Фишера, Z-скорр. – скоррелированный критерий Фишера, p-уровень – уровень статистической значимости.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что статистически значимых различий в мощностной активности отведений между восприятием источников с высоким и низким субъективным уровнем доверия в передних отделах головного мозга не наблюдается, но существует разница в структуре активности по отведениям F7 – F8. Разницы в асимметрии между отведениями при восприятии источника информации с субъективно высоким и низким уровнями доверия между отведениями Fp1 – Fp2 ни по Δ -ритму ни по Θ -ритму не обнаружено.

Средние показатели отведений электродов находятся в интервале от -3% до 2%. Полученные результаты говорят о том, что они работают синхронно и в среднем с одинаковой мощностью, что подтверждает отличие динамики показателей по отведениям F7 – F8 от динамики по другим отведениям. Средние показатели активности также демонстрируют преобладание левополушарной активности, а именно повышение значений отведений F3 и F7 в момент восприятия человеком источников информации с субъективно низким уровнем доверия, и снижение межполушарной асимметрии при восприятии источников с субъективно высоким уровнем доверия.

Полученные результаты уже на начальном этапе исследовательской работы позволяют отвергнуть сформулированную гипотезу о том, что источник информации с субъективно низким уровнем доверия будет вызывать негативные эмоции, которые можно зафиксировать дельта- и тета- активностью префронтальной коры головного мозга.

Результаты демонстрируют существование левополушарной асимметрии при восприятии источника информации с низким уровнем доверия и снижением асимметрии при восприятии источника с субъективно высоким уровнем доверия. При этом ответы анкеты «Отношение» положительно коррелируют с данными, полученными в анкете «Доверие», что может говорить о влиянии уровня доверия на отношение человека к источнику информации.

Выводы

Фейковые новости и информационные каналы, не вызывающие доверия:

- 1) не вызывают у потребителя информации негативных эмоций, а значит не блокируются в качестве компонентов информационного поля;
- 2) несмотря на избыточность информации в целом и кризисное состояние человек склонен

продолжать отслеживать даже ту информацию, которая заведомо воспринимается им как недостоверная;

3) следовательно, враждебная и дружественная информация одинаково поступают к потребителю, причем отсутствие доверия не является инструментом личностного отказа от ее потребления.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать общий вывод: раскрытие и доказательство ложности того или иного источника информации, которое приводит к снижению доверия к нему, не является надежным инструментом противодействия поступлению враждебной информации в когнитивное поле как на индивидуальном, так и групповом уровнях. Данный вывод является предварительным и нуждается в самостоятельной проверке в последующих исследованиях.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
2. Бодалев А.А. Психология общения. Избранные психологические труды. М., Воронеж, 2002.
3. Большинство россиян не чувствует проблем от западных санкций // [URL:https://www.levada.ru/2020/03/17/bolshinstvo-rossiyan-ne-chuvstvuet-problem-ot-zapadnyh-sanktsij/](https://www.levada.ru/2020/03/17/bolshinstvo-rossiyan-ne-chuvstvuet-problem-ot-zapadnyh-sanktsij/)
4. Бюллетень психолого-экономического мониторинга экономической активности и ожиданий россиян на период 2022-2023 гг. Саратов: АННИО ИПЭИ, 2022.
5. Неверов А.Н. Экономико-психологические факторы общественного развития. Саратов, 2008.
6. Неверов А.Н. Экономическая деятельность в условиях информационной избыточности // Психолого-экономические исследования. 2021. Т. 8(14), №3. С. 11-25.
7. Талер П. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
8. Fehr E., Fischbacher U., Kosfeld M. Neuroeconomic foundations of trust and social preferences: initial evidence // American Economic Review. 2005. V. 95. №2. P. 346-351.
9. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge University Press, 1982.
10. Kosfeld M., Heinrichs M., Zak P.J., Fischbacher U., Fehr E. Oxytocin increases trust in humans // Nature. 2005. V. 235. № 7042. P. 673-676.
11. Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // American Economic Review. May 1978. V. 68. № 2. P. 1-16.
12. Zak P.J., Knack S. Trust and growth // The Economic Journal. 2001. V. 111. № 470. P. 295-321.
13. Zak P.J., Kurzban R., Matzner W.T. The neurobiology of trust // Annals of the New York Academy of Science. 2004. V. 1032. № 470. P. 224-227.
14. Zhang R. Research on brand trust and financing risk preference of E-commerce based experiment // NeuroQuantology. 2018. V. 16. №4. P. 101-106.

Статья поступила в редакцию 14.05.2022

TRUST IN SOURCES OF INFORMATION IN THE CONDITIONS OF ITS REDUNDANTLY: ECONOMIC-PSYCHOLOGICAL AND NEUROECONOMIC ASPECTS

© **Anton M. Demchenko**

PhD Student, P. A. Stolypin Volga Region Institute of Management – branch of RANEPА, Intern-researcher Inst of Psycho-Economic Researches. Russia. Saratov.

© **Vladislav V. Kremnev**

PhD Student, P. A. Stolypin Volga Region Institute of Management – branch of RANEPА, Intern-researcher Inst of Psycho-Economic Researches. Russia. Saratov.

© **Aleksandr N. Neverov**

Prof., Director Inst of Psycho-Economic Researches. Russia. Saratov.

© **Anastasiya V. Neverova**

Ph.D., assoc. prof., Leading Researcher Inst of Psycho-Economic Researches. Russia. Saratov.

© **Dmitriy S. Pyanykh**

PhD Student, P. A. Stolypin Volga Region Institute of Management – branch of RANEPА, Intern-researcher Inst of Psycho-Economic Researches. Russia. Saratov.

The article considers a set of reasons that determine the effect of the information field on the economic behavior of an individual and a group in conditions of information redundancy. The authors proceed from the general hypothesis that the phenomenon of trust in the source of information is at the heart of the information impact that causes rush demand. Based on the analysis of objective economic information and economic and psychological monitoring, the context of expectations and work with information is highlighted. Based on the context, a working experimental hypothesis was formed that the subjective level of trust in sources of economic information correlates with an increase in brain activity in the frontal parts of the brain in delta and theta rhythms, and also finds its manifestation in functional asymmetry. On the basis of experimental data, it was found that there is a relationship between left hemispheric asymmetry when perceiving a source with a low level of confidence and a decrease in asymmetry when perceiving a source with a subjectively positive level of confidence. The attitude of the individual to the source of information positively correlates with the level of trust in him. The result of the study is a set of theses that fake news and information channels that do not inspire confidence: a) do not cause negative emotions in the consumer of information, and therefore are not blocked as components of the information field; b) despite the redundancy of information in general and the state of crisis, a person tends to continue to track even the information that he obviously perceives as unreliable. Consequently, hostile and friendly information is equally received by the consumer, and the lack of trust is not a tool for personal rejection of its consumption.

Keywords: information, geopolitics, economic behavior, experiment, economic and psychological monitoring

REFERENCE

1. Bodalev A.A. (1982). *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of man by man]*. Moscow.
2. Bodalev A.A. (2002). *Psihologiya obshcheniya. Izbrannye psihologicheskie trudy [Psychology of communication. Selected psychological works]*. Moscow, Voronezh.
3. Bol'shinstvo Rossiyan ne chuvstvuet problem ot zapadnyh sankcij [*Most Russians do not feel*

- problems from Western sanctions] // URL: <https://www.levada.ru/2020/03/17/bolshinstvo-rossiyan-ne-chuvstvuet-problem-ot-zapadnyh-sanktsij/>
4. Byulleten' psihologo-ekonomicheskogo monitoringa ekonomicheskoy aktivnosti i ozhidaniy rossiyan na period 2022-2023 gg. [*Bulletin of psychological and economic monitoring of economic activity and expectations of Russians for the period 2022-2023*]. Saratov: ANNIO IPEI, 2022.
 5. Neverov A.N. (2008). Ekonomiko-psihologicheskie faktory obshchestvennogo razvitiya [*Economic and psychological factors of social development*]. Saratov.
 6. Neverov A.N. (2021). Ekonomicheskaya deyatel'nost' v usloviyah informacionnoj izbytochnosti [*Economic activity in the conditions of information redundancy*] // Psihologo-ekonomicheskie issledovaniya [*Psychological and economic research*]. V. 8(14). №3. P. 11-25.
 7. Taler R. (2017). Nudge. Arhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoyanii i schast'e [*Nudge. Architecture of Vyborg. How to improve our decisions about health, well-being and happiness*]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
 8. Fehr E., Fischbacher U., Kosfeld M. (2005). Neuroeconomic foundations of trust and social preferences: initial evidence // *American Economic Review*. V. 95. № 2. P. 346-351.
 9. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (1982). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge University Press.
 10. Kosfeld M., Heinrichs M., Zak P.J., Fischbacher U., Fehr E. (2005). Oxytocin increases trust in humans // *Nature*. V. 235. № 7042. P. 673-676.
 11. Simon H.A. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // *American Economic Review*. V. 68. № 2. P. 1-16.
 12. Zak P.J., Knack S. (2001). Trust and growth // *The Economic Journal*. V. 111. № 470. P. 295-321.
 13. Zak P.J., Kurzban R., Matzner W.T. (2004). The neurobiology of trust // *Annals of the New York Academy of Science*. V. 1032. № 470. P. 224-227.
 14. Zhang R. (2018). Research on brand trust and financing risk preference of E-commerce based experiment // *NeuroQuantology*. V. 16. №4. P. 101-106.

The article was received 14.05.2022

ОРДЕРНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© Аксеновская Л.Н.

Доктор психологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

liudmila_aksenovskaya@mail.ru

В статье охарактеризованы основные компоненты ордерной концепции организационной культуры (сложность, порядок, взаимодействие, этические смыслы) в контексте их развития и уточнения. Сформулированы новые исследовательские вопросы, касающиеся критериев оценки предсказуемости поведения сложного культурного ордера, влияния этического компонента на предсказуемость поведения, связи этических смыслов с нравственным идеалом, возможностей идеала согласовывать этические смыслы участников организационно-управленческого взаимодействия. В качестве центральной тенденции развития ордерного подхода представлена задача исследований феномена духовности. Духовность заявлена как состояние культуры, являющееся результатом ее качественного изменения благодаря целенаправленным действиям субъектов/продуцентов культуры, направленных на самопреодоление достигнутых показателей развития в нравственной, познавательной и эстетической сферах на индивидуальном, групповом и организационном уровнях.

Ключевые слова: ордерный подход, организационная культура, порядок, сложность, этические смыслы, идеал, духовность, метамодернизм

Введение

Ордерные исследования организационной культуры имеют свою историю, начавшуюся в 1994 году в период формирования в России рыночной экономики, интенсивного освоения западных и японских подходов к управлению деловыми организациями. Одним из наиболее востребованных в то время стал организационно-культурный подход, который стимулировал собственные российские социально-психологические исследования феномена организационной культуры. Ключевые идеи ордерного подхода к социально-психологическому изучению организационной культуры, формировались в процессе интенсивной практической работы с российскими организациями и оформились к 2008 году.

Прошедшие с того периода времени 14 лет стали особенными для российской действитель-

ности и тесно связанной с нею социальной (организационной) психологией. Жизнедеятельность российских деловых организаций протекала на фоне существенных политических и экономических встрясок, оказывавших влияние на состояние отечественной экономики, социальной и других сфер. Самые заметные кризисные даты – это 2008, 2010, 2014, 2020, 2022 годы.

Если экономические и военно-политические обострения сопровождались санкционным давлением на Россию, то и для мировой экономики возникали свои угрозы и проблемные зоны. С 2008 года для описания турбулентной среды делового мира стал использоваться военный акроним VUCA (volatility, uncertainty, complexity and ambiguity – изменчивость, неопределенность, сложность, двусмысленность). Появилась концепция сетцентрического мира и соответствующих ему сетцентрических войн, новые тенденции отмечались в науке (например,

нейросети) и практике управления (например, agile – методологии). В философии зафиксировали начавшуюся мировоззренческую метаморфозу, названную метамодернизмом.

На этом фоне продолжалось и развитие ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена организационной культуры. Основные векторы этого развития связаны с углублением теоретического базиса исследований, детализацией отдельных положений, разработкой и внедрением в практику диагностических инструментов, а также совершенствованием технологии изменения организационной культуры.

Поскольку развитие ордерного подхода происходит в тесной связи с практической работой с российскими деловыми организациями, то следует признать существенное влияние турбулентного экономико-политического контекста, общего для организаций и для организационной психологии, на процессы и результаты исследований, на появление новых исследовательских вопросов и задач, на понимание в целом перспектив сотрудничества российских организаций и российской психологии в изменившемся мире.

Цель статьи – охарактеризовать ключевые элементы ордерной концепции организационной культуры в контексте новых данных, сформулировать новые вопросы и задачи дальнейших исследований и обосновать возможность артикуляции духовного аспекта в социально-психологическом изучении организационной культуры.

Культура как сложный социально-психологический порядок (ордер):

уточненные положения и новые задачи

Основная идея ордерного понимания феномена организационной культуры зафиксирована в следующем определении: *организационная культура – это сложный социально-психологический порядок (ордер) организационно-управленческих интеракций, конституируемых и регулируемых подсистемами этических смыслов участников взаимодействия*. Культура опреде-

ляется с помощью таких концептов как *сложность, порядок, взаимодействие, этические смыслы* и сущностно понимается как этикодетерминированный порядок (ордер). Понятие «ордер» введено для фиксации связи между феноменами *порядка* и *этики* (этимологический аналог – слово «порядочность»). Кратко охарактеризуем каждый из данных концептов.

Сложность изучается группой наук, обозначаемых как теории сложности (complexity) (общая теория систем, кибернетика, теория динамических систем, теория игр, эволюционная теория, теория хаоса и др.), и понимается традиционно как состояние системы, возникающее на границе между хаосом и порядком (хаос – сложность – порядок) [3, с. 89, с. 168].

С точки зрения теорий сложности, организационная культура может рассматриваться как сложная социально-психологическая адаптивная система, состоящая из взаимодействующих индивидуальных и групповых субъектов, отделенных внешней границей организационной системы, способная к самоизменению и самообучению (такое мнение в отношении сущности команды высказывают эксперты в области agile – методологий) [3, с. 79]. Несомненное преимущество теорий сложности заключается в их междисциплинарном потенциале, позволяющем синтезировать различные предметные области и тем самым преодолевать «предметные колодцы».

Вместе с триадой «хаос – сложность – порядок» рассматривается и диада «простота – запутанность». Примером служат модель «Кеневин» (Cunefin framework) Д. Сноудена и матрица согласованности и определенности Р. Стейси [3, с. 91]. В этом контексте понятие «сложный (социально-психологический) порядок» отсылает нас к различиям между «простыми» (легко поддающимися пониманию) и «запутанными» (трудными для понимания) явлениями. Для определения упорядоченного, сложного и хаотичного выделяется критерий *предсказуемости*: упорядоченное (порядок) – полностью предсказуемое, сложное (сложность) – предсказуемое в определенной степени, хаотичное (хаос) – чрезвычайно непредсказуемое [3, с. 89].

Таким образом, культура как сложный социально-психологический порядок, не обладает абсолютной предсказуемостью. Значимыми вопросами, требующими исследования, в данном случае являются следующие: каковы границы предсказуемости для культуры как сложного порядка? Как влияет этическая детерминация культуры на степень её предсказуемости – понижает или повышает предсказуемость?

Порядок. Понятие «порядок» в рамках ордерного подхода было подвергнуто концептуализации в целях определения возможности его использования для анализа структуры, функций и социально-психологического содержания феномена культуры [1]. Результат выполненной работы показал, что ключевые характеристики порядка – системные и стипулятивные – адекватны для описания культурной системы. Системные характеристики порядка (организация / структура / устройство; конфигурация / констелляция; процесс; состояние; алгоритм; способ функционирования) могут быть использованы при анализе культурной системы [1, с. 231-233].

То же самое можно сказать о стипулятивном описании порядка, изложенном в виде постулатов и следствий к ним. Например: Постулат 3. Порядок произволен (субъективен). *Следствие 1.* Порядок может быть установлен каким угодно способом и иметь какую угодно конфигурацию. *Следствие 2.* То, что для одного является состоянием порядка, упорядоченности, для другого может быть беспорядком [1, с. 228-231].

В контексте общенаучной методологии социально-психологического исследования феномена культуры понятие порядка рассматривается в контексте синергетики, где «порядок рождается из хаоса» и таким образом включен в диаду «хаос – порядок». Причем эта диада описывается в терминах нелинейной динамики [7].

Что касается социально-психологического содержания феномена порядка, то стартовой позицией для обоснования возможности такой постановки вопроса стал анализ значений слова «порядок» в «Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля [4, с. 327-328]. Из 21 значения слова «порядок» больше половины значений характеризует уклад жизни человека и

сообщества, а также – социально-психологические характеристики человека и его отношений с другими людьми (например: характеристики деятельности – «обдуманность»; характеристики личности – «порядочный»; характеристики взаимодействия – «договор; членство; обычай»).

В ордерном подходе *порядок* определяется как *постижимое состояние организационно-культурной системы, поддающееся управлению*. Очевидно, что такая постановка вопроса предполагает не столько оценку состояния самой культурной системы (простая, запутанная, сложная, хаотизированная), сколько оценку способности наблюдателя понять/постичь строение этой системы, функции ее подсистем, ее тенденции, возможности и ограничения, то есть, закономерности, по которым протекает жизнедеятельность культуры как социально-психологической системы.

В связи с данным обстоятельством представляется актуальной формулировка новых исследовательских вопросов: а) как, на основе каких критериев можно оценить способность наблюдателя к постижению состояния культурного ордера? б) по каким критериям можно оценить наличное состояние культурной системы, её характеристик как порядка? в) как соотносятся между собой эти два «инструмента» оценки состояния культурного ордера – наблюдатель и применяемая им методика?

Взаимодействие. В рамках ордерного подхода в фокусе внимания находится *управленческое взаимодействие*. Оно понимается двояко: и как взаимодействие между участниками совместной управленческой деятельности, и как взаимодействие руководителей и сотрудников в процессе управления достижением поставленных целей. Именно управленческое взаимодействие, в процессе которого порождается культура, является системообразующим параметром ордерной модели организационной культуры. Эмпирическим путем были выявлены три основных модели управленческого взаимодействия, использование которых приводит к формированию трех соответствующих аспектов

(субордеров) организационной культуры: «родительская» модель управленческого взаимодействия (забота об эмоционально-ценностном единстве организации) формирует «семейный» аспект (субордер) организационной культуры; «командирская» модель управленческого взаимодействия (забота о целевом единстве организации) способствует развитию «армейского» аспекта (субордера) организационной культуры; «пастырская» модель управленческого взаимодействия (забота о смысловом единстве организации) формирует «церковный» аспект организационной культуры.

Ордерное понимание организационной культуры акцентирует внимание на «сложном порядке организационно-управленческого взаимодействия». Как ранее было отмечено, с одной стороны, это означает неполную предсказуемость последствий использования управляющих воздействий, невозможность «просчитать» все их последствия; с другой стороны, сложный характер взаимодействий оставляет возможность получения неожиданных, порой экстраординарных результатов за счет реализации уникальных компетенций отдельных управленцев и управленческих команд (субъективный фактор управленческой талантливости), в том числе, на основе синергетических эффектов.

Поскольку ранее была отмечена детерминация взаимодействия этическими смыслами, возникает закономерный вопрос: а не является ли именно этический компонент элементом, гарантирующим возможную долю предсказуемости в управленческом взаимодействии, порождающим организационную культуру? Следуя «обратной» логике, можно попытаться представить возможность «непредсказуемой этики» и этот мысленный эксперимент подтверждает практическую невыполнимость задачи, поскольку этика (какой бы она ни была), формируется долго, изменяется с большим трудом и является одной из немногих констант культуры любого сообщества.

Этика. В ордерном подходе используются два определения этики. В широком смысле этика есть универсальный закон, регулирующий отношения части с Целым, а также отношения

между частями внутри Целого. В узком смысле слова этика – это сортировка информации по критерию «правильно – неправильно» / «хорошо – плохо» / «добро – зло». Такой процесс можно было бы отнести к когнитивным процессам категоризации, однако в данном случае будет утрачен значимый эмоционально насыщенный компонент данной «сортировки» – совесть [13], играющий важную роль в процессах определения «правильного – неправильного».

Субъекты, вступающие в управленческое взаимодействие, направляются в принятии решений на всех стадиях взаимодействия своим пониманием того, что является «правильным – неправильным», «хорошим – плохим». Если их понимание и определения совпадают, то взаимодействие имеет характер сотрудничества; если не совпадает, то взаимодействие имеет характер борьбы. Внутри организации, действующей ради общей цели, внутренняя борьба может привести к потере энергии, скорости и результативности деятельности. Отсюда важной задачей руководителя становится согласование представлений о «хорошем – плохом», «правильном – неправильном» у всех участников организационного взаимодействия.

Успешность решения данной задачи связана с уровнем сложности порядка организационно-управленческого взаимодействия. В свою очередь этот уровень сложности задается такими факторами как количество участников и/или степень рассогласованности их представлений. Понимание руководителем строения этических оснований, направляющих поведение членов организации, позволяет ему более компетентно управлять сложностью организационной культуры.

Этические смыслы. Философский концепт этики в психологии операционализирован в понятии этических смыслов [1, с. 295]. В структуре психики местом локализации этических смыслов, по всей видимости, является «этическое бессознательное» (К. Юнг называет смысл архетипом [10, с. 141], В. Франкл пишет о месте локализации совести в «этическом бессознательном» [13, с. 99]). Место этических смыслов в социально-психологической структуре культуры

было выявлено в предпринятой нами реконструкции ответа на вопрос «что есть культура?» в отечественной психологии. Цепочка психологических понятий, раскрывающих смысл культуры как психологического феномена, выполненная на основе анализа работ Л.С. Выготского, Г.Г. Шпета, В.Н. Мясищева, В.Н. Панфорова и В.Н. Кунициной, Д.А. Леонтьева, такова: культура есть социальное; социальное имеет в основе взаимодействие; взаимодействие – это отношения; отношения – это избирательные психологические связи; в основе связей находятся потребности; потребности есть объект восприятия (понимание – оценка – убеждения); и, наконец, убеждения имеют основой смыслы (включая этические смыслы) [1, с. 240-283].

Таким образом, психологическим основанием феномена культуры является смысловая система, в составе которой выделяется *подсистема этических смыслов*. С точки зрения социально-психологической практики, изменение организационной культуры осуществляется путем вмешательства прежде всего в её смысловую систему.

Ордерный подход, центрированный на этическом содержании культуры, фокусируется на этико-смысловой подсистеме смысловой системы культуры. Если этические смыслы по преимуществу – инвариантная психологическая составляющая культуры, то управлять культурными процессами без контакта с этическими компонентами невозможно. Исследовательская и практическая работа с этико-смысловой подсистемой смысловой системы культуры строится путем социально-психологического вмешательства в этико-смысловую подсистему смысловой системы культуры. Для этого используется ее структурная модель.

Этико-смысловая подсистема культурной (организационно-культурной) системы определяется нами как сеть этических значений (хорошо – плохо, правильно – неправильно), конституируемых или приписываемых участниками взаимодействия стандартным и новым элементам потока групповой жизнедеятельности. Эта сеть значений создает субъективную груп-

повую культурную реальность с этической доминантой в виде имплицитного нравственного идеала. Этический компонент значений связан с влиянием базовых этических смыслов на процесс принятия решений о значении (смысле) того или иного явления (действия, поступка, ситуации).

В структуре этико-смысловой подсистемы культуры мы выделяем два уровня: поверхностный (функциональные этические смыслы) и глубокий (базовые этические смыслы). *Функциональные этические смыслы* связаны с моделями управленческого взаимодействия. Для «родительской» модели управленческого взаимодействия характерен этический смысл «забота о своих» (людях). Это «правильно» / «хорошо» / «добро». Для «командирской» модели характерен этический смысл «забота о победе» (результате деятельности). Для «пастырской» модели управленческого взаимодействия характерен этический смысл «забота о праведности» (единстве идеи/идеала и поведения/жизни).

Данные этические смыслы отображают основные сферы функциональной ответственности лидера организации. *Базовые этические смыслы*, в отличие от функциональных, недоступны прямому наблюдению и оказывают не прямое, но существенное влияние на поверхностные функциональные этические смыслы, будучи с ними связанными. Базовые этические смыслы представлены четырьмя парами бинарных этико-смысловых оппозиций: жизнь – смерть, сотрудничество – борьба, улучшение – ухудшение, ответственность – безответственность.

Для понимания связи между функциональными и базовыми этическими смыслами достаточно, например, соотнести «родительский» функционал лидера с глубинным этическим выбором «жизнь – смерть» (отметим, что оппозиция «ответственность – безответственность» является интегральным этическим смыслом, формирующимся в результате осуществляемых руководителем ситуативных и стратегических выборов).

В настоящее время мы имеем диагностическую систему, позволяющую выявить этико-

смысловые коды личности, группы и организации как функциональные, так и базовые. На сегодняшний день выявлено шесть функциональных этико-смысловых кодов. Их комбинации с базовыми этико-смысловыми кодами достаточно многочисленны. В результате возникает высокий уровень сложности, связанный с оценкой состояния отдельного человека. Уже на уровне личности можно говорить о сложном внутреннем порядке этико-смысловой подсистемы. Анализ взаимодействия в диаде повышает уровень сложности, поскольку различия в этико-смысловых подсистемах столь же неизбежны, как и в ДНК двух разных людей. Соответственно, по мере увеличения количества участников управленческого взаимодействия мы будем иметь дело с все более сложным социально-психологическим порядком культуры, поведение которого прогнозируемо не в полной мере.

Вместе с тем практика показывает, что согласование этико-смысловых подсистем участников взаимодействия даже в больших группах – это естественный процесс. Следовательно психологический механизм согласования существует и может быть обнаружен. На нынешнем уровне разработанности темы мы можем ставить и решать задачу кодировки и перекодировки этических смыслов, используя имеющиеся инструменты диагностики (ордерную диагностическую систему) и управления организационной культурой (ордерную технологию изменения организационной культуры). Смысл этих изменений состоит в том, чтобы выравнять баланс между субординациями в структуре целостного ордера культуры, изменять качество субординаций, управляя степенью их сформированности по разработанным критериям, и внедрять технологию управления симультанного управления всеми субординациями организационной культуры.

Однако эвристическая значимость ордерного подхода к социально-психологическому изменению организационной культуры связана не с этими, хотя и важными, прикладными возможностями. Этико-смысловая феноменология и динамика являются «ключом» к более сложной

и более значимой психологической реальности культуры – к сфере *духовного*.

Духовность как качественное изменение состояния культуры

В настоящее время наиболее актуальной теоретической базой анализа феномена духовности в рамках ордерного подхода к социально-психологическому изучению организационной культуры является духовная психология С.Л. Франка. В терминах современных философских определений С.Л. Франка можно назвать метамодернистом, поскольку ему, как мыслителю, совершившему интеллектуальную эволюцию от материалистических убеждений к идеалистическим и религиозным, в конечном итоге удалось развить свой проект духовной психологии в плодотворном взаимодействии материалистических и идеалистическо-религиозных концепций и идей. Для ордерных исследований культуры, как этикодeterminированного феномена, идеи Франка открывают путь к психологическому изучению духовности.

С.Л. Франк считал, что духовное выражает себя через нравственное сознание. Следовательно, изучая этическую феноменологию, в том числе, с социально-психологической точки зрения, мы имеем возможность получить доступ к духовной феноменологии. Поскольку эмпирическим объектом ордерных исследований является организационная культура, то есть сугубо практическое явление, изучение которого тесно связано с решением задачи повышения эффективности деятельности деловых организаций, то очень часто возникает вопрос о практической целесообразности «продления» этической проблематики организационной культуры до горизонта духовной проблематики.

Такая целесообразность может быть аргументирована следующими положениями: 1) в соответствии с поставленной в рамках ордерной методологии исследований этической задачей (преодоление разрыва между технологическим и нравственным развитием человека) в условиях опережающего технологического развития, обеспечиваемого как раз именно деловыми ор-

ганизациями, важно согласовывать технологические решения с этическими последствиями, затрагивающими жизнь, здоровье и качество социальной жизни людей; 2) нравственная эволюция «деятельного» / «делового» человека и, в конечном счете, человечества является условием его выживания и сохранения планеты; 3) нравственная эволюция может иметь характер стратегической задачи (как в масштабах общества, так и в масштабах отдельной организации и отдельного человека, чему имеются исторические примеры и накопленный опыт) и для самой науки.

Общий вектор нравственной эволюции человечества исторически направлен в сторону духовности как восхождения на более высокие уровни развития, связанные с познанием истины, утверждением ответственного отношения к себе и другим людям, развитием эстетического восприятия внешней и внутренней реальности и его объективации в окружающем мире. Духовный человек – это человек, который внутренне поднялся «с четверенек», перешел на более высокую ступень эволюционного развития, приобретает новые качественные характеристики.

Определения духовности в настоящий момент чаще встречаются в религиозной литературе, нежели в научной. При этом как в религиозной, так и в научной литературе существуют свои «дисциплинарные кластеры»: в религиозной литературе они связаны с существующими мировыми религиями и конкретными религиозными течениями внутри них. В научной литературе духовность анализируется прежде всего философами, принадлежащим к разным течениям философской мысли, а также психологами, работающими в разных научных парадигмах, в том числе близких религиозным традициям и течениям.

Вкратце, скорее для примера, представим некоторые из высказываний о духовности. Так, в религиозной (христианской) литературе духовность характеризуется как состояние человека: человек может быть в трех состояниях – естественном (душевное / пристрастное; суть – служение временному миру), ниже естественном

(плотское / страстное; суть – живущий для вечности человек, борющийся со страстями, но не достигший свободы), выше естественном (духовное/бесстрастное; суть – человек находится превыше страстей, действует и говорит под влиянием Духа Святого. «Увидеть» духовного человека может только духовный человек) [6, с. 120].

Для сравнения обратимся к характеристике духовного состояния (святости), данного психологом В. Джемсом (в другом месте он называет его «душевым состоянием»): аскетизм, сила души, чистота души, милосердие [5, с. 221-222].

Ключевым для понимания и определения феномена духовности является понятие «дух». В христианских источниках Дух (Святой Дух) характеризуется многопланово: а) *сущностно* («третье Лицо Божества»; «инаковость», трансцендентность); б) с точки зрения *функции* (обеспечение связи между людьми и Богом); в) с точки зрения *атрибутов/свойств* (движение, жизненная энергия, *сила*: невидимая, творческая, упорядочивающая, преобразующая, оживляющая); г) *творимых «дел»* (созидание из ничего, оживление/воскресение, власть); д) «даров Духа» (чудеса, пророчества, «языки», служение и др.); е) «*плодов Духа*» (любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание); ж) *образов Духа* (сила ветра, близость дыхания, инстинкты голубя, энергия огня, сила утешения, благоухание елей) [9, с. 1041-1044].

Философ и психолог С.Л. Франк проводит различия между душой и духом, которые способны к взаимопроникновению. Более того, *духовной жизнью* он называет жизнь «души» в духе, укорененность субъективного единства нашего «я» «в глубинах надындивидуального света» [11, с. 300-301]. Сам дух Франк определяет как инстанцию, придающую душевному бытию в его субъективности и потенциальности полновесную, актуальную реальность» [12, с. 403]. Франк замечает, что духовное бытие – это не область, а способ или образ бытия. Оно определимо и может быть описано в значении для нас или в действии на нас, но не может быть описано по содержанию – «...именно поэтому оно

по существу непостижимо» [12, с. 400]. Началами духовного порядка он называет нравственную, религиозную, познавательную и эстетическую жизнь [11, с. 287].

Психолог Г.Г. Шпет в «Введении в этническую психологию» выделяет шесть смысловых оттенков понятия «дух» (существо, превосходящее человека; чистая деятельность, прообраз законосообразности, место логического порядка и связи; идея, смысл и сущность, разум, единство некоего множества идеального порядка; совокупность высших способностей души; состояние, охватывающее человека помимо его воли; тип, стиль коллективных переживаний, характерных черт поведения народа) [15, с. 529-533]. «Формами духа в их социальной сути» Г.Г. Шпет называл язык, культ, искусство, технику, право.

Философ и психолог М. Фуко определяет духовность через концепт истины. Быть духовным – значит либо находиться в поиске истины, либо постичь истину [14, с. 286].

В книге «Происхождение духовности» П.В. Симонов, П.М. Ершов, Ю.П. Вяземский определяют духовность, точнее, как пишут сами авторы, «ассоциируют» с такими качествами как стремление к истине (потребность познания), стремление к добру (альтруизм как потребность) и бескорыстие [8, с. 17-19].

Если нравственная (этическая) феноменология – это «следы» Духа, то следует признать, что Дух есть мыслящая/разумная энергия высшего порядка – мыслящий свет или светящийся Разум (по типу ноосферы или информационно-семантических полей), обладающая творческим, в том числе культуротворческим потенциалом, дружественная человеку и тварному миру, потому что сотворила их, действующая через человека, в том числе. Она устанавливает свой порядок как нравственный порядок/закон, который имеет тенденцию «проясняться», становится отчетливее по мере «взросления», развития человека и человечества.

Центральным предписанием Духа является такое же однозначно дружественное отношение людей друг к другу и к окружающему миру, основанное на самопреодолении эгоистических потребностей и целей человека, игнорирующих,

либо «использующих» социоприродный контекст своего присутствия в мире. Духовность человека, организации, общества – это состояние синхронизированности с духовными уровнями душевной жизни, как высшими по сравнению с уровнями, освоенными массовым человечеством.

Второй значимый тезис духовной психологии С.Л. Франка касается структуры нравственного сознания, через которое открывается доступ к духовной феноменологии. Ордерный подход ориентируется на идею Франка, касающуюся центральной роли *идеала* в структуре нравственного сознания. Как ранее было обозначено, нравственная феноменология изучается на уровне этико-смысловой подсистемы культуры. Несмотря на то, что в настоящее время концепт сознания не используется в ордерном подходе, представляется целесообразным включить в круг исследовательской проблематики и тему идеала, а также связи идеала с этическими смыслами (базовыми и функциональными).

Мы определяем идеал как смыслонесущий образ совершенства, к которому человек, организация или общество стремится, но который недостижим по определению, поскольку по мере приближения имеет свойство трансформироваться и выравнивать дистанцию между собой и стремящимися к нему. Очевидно, что этот процесс имеет внутренний психологический характер, связанный с закономерностями развития человека путем самопреодоления (термин Франка).

Идеал, как системообразующий фактор, лежит в основании построения системы мировоззрения общества, организации и человека, их мировоззренческих координат. Вероятно, именно идеал может выполнять значимую функцию согласования между собой этических смыслов участников организационно-управленческого взаимодействия, поскольку его отсутствие приводит к дезориентации и несогласованности реакций и поведения. Как именно связан нравственный идеал с этико-смысловой подсистемой смысловой системы культуры, предстоит изучить.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в рамках социальной и организационной психологии, в том числе в рамках ордерного подхода, тема духовного лидерства и духовной организации присутствует достаточно давно [2, с. 135]. Ее развитие затруднено сложностью самого феномена духовности, а также недостаточной разработанностью в рамках научной психологии. Тем не менее существование этой темы в повестке психологической науки симптоматично и свидетельствует о наличии потребности в знаниях подобного рода. Положительным знаком подъема интереса к теме духовности стала новая культурно-мировоззренческая тенденция начала XXI века – метамодернизм, актуализирующий интерес к духовным аспектам бытия.

Заключение

За последние четырнадцать лет развитие ордерного подхода к социально-психологическому изучению организационной культуры проходило в тесной связи с решением практических задач российских деловых организаций, находившихся в постоянно изменяющихся условиях. Была разработана и применяется диагностическая система из шести методик, соответствующая основным параметрам ордерной модели организационной культуры, усовершенствована тренинговая технология изменения культуры. Вместе с решением практических задач по созданию инструментов изучения и управления организационной культурой продолжалось развитие и уточнение теоретико-методологического базиса ордерного подхода, в частности, ордерной концепции организационной культуры, охарактеризованной выше.

Каждый из теоретических конструктов, входящих в состав ордерной концепции, продолжает уточняться и порождает все новые исследовательские вопросы и задачи. Перечислим еще раз основные из них:

1) Если культура как сложный социально-психологический порядок не обладает абсолютной предсказуемостью, то каковы границы её предсказуемости? Как влияет этическая детерминация культуры на степень её предсказуемости – повышает или понижает предсказуемость?

2) Если инструментами оценки состояния сложного порядка культуры (ордера) являются одновременно диагностические методики и сам наблюдатель (субъект применения методик), то а) как, на основе каких критериев можно оценить способность наблюдателя к постижению состояния культурного ордера? б) как соотносятся между собой параметры этих двух «инструментов» измерения состояния сложного социально-психологического порядка культуры? Должно ли быть между ними соответствие и какого типа?

3) Не является ли именно этический компонент элементом, гарантирующим возможную долю предсказуемости в управленческом взаимодействии, порождающим организационную культуру? Существуют ли типы этики с высокой степенью предсказуемости?

4) Каков механизм, обеспечивающий успешность согласования этических смыслов участников взаимодействия, сложность которого обусловлена количеством участников и/или степенью рассогласованности их этических смыслов? Может ли нравственный идеал выступить таким согласующим механизмом? Если да, то за счет чего происходит согласование? Как именно связан нравственный идеал с этико-смысловой подсистемой смысловой системы культуры?

5) В какой степени этические смыслы являются инвариантной социально-психологической составляющей культуры? В какой степени возможно осуществлять перекодировку этико-смысловой подсистемы на уровне базовых этических смыслов (жизнь – смерть, сотрудничество – борьба, улучшение – ухудшение, ответственность – безответственность)?

6) Какого рода воздействие на этико-смысловую подсистему организационно-культурной системы может обеспечить качественную трансформацию культуры – обретение ею духовных характеристик?

Этическая сущность культуры является одной из традиционных проблем философских наук. Разработка этой тематики в рамках социальной психологии и ее прикладной отрасли – организационной психологии, – позволяет положительно решить многие вопросы управления

развитием современных организаций и их сотрудников, поскольку учитывает сущностные человеческие характеристики и потребности, в том числе духовные, имеющие принципиальное значение не только для результативного труда, но и для осмысленного, достойного присутствия человека в мире.

Литература

1. Аксеновская Л.Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.
2. Аксеновская Л.Н. Ордерная модель организационной культуры. М.: Академический проект; Трикста, 2007.
3. Аппело Ю. Agile-менеджмент: Лидерство и управление командами. М.: Альпина Паблишер, 2021.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т.3.
5. Джемс В. Многообразие религиозного опыта / репринтное издание (Москва, 1910). Санкт-Петербург: «Андреев и сыновья», 1993.
6. Практическая энциклопедия. Основы правильной духовной жизни / Священник Сергей Молотков. СПб: Сатисъ Держава, 2005.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. М.: Наука, 1989.
9. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб: «Библия для всех», 2005.
10. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: «ЭСИ», 1994.
11. Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. М.: Книжный клуб Книговек.; СПб.: Северо-Запад, 2015.
12. Франк С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк. Сочинения. М.: Правда, 1990.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990.
14. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-логос. М.: Прогресс, 1991. С. 284-311.
15. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.

Статья поступила в редакцию 10.05.2022

ORDER APPROACH TO SOCIO-PSYCHOLOGICAL THE STUDY OF ORGANIZATIONAL CULTURE: NEW ISSUES AND DEVELOPMENT TRENDS

© Ludmila N. Aksenovskaya

Doctor of Psychological Sciences,

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,

Saratov, Russia

liudmila_aksenovskaya@mail.ru

The article describes the main components of the order concept of organizational culture (complexity, order, interaction, ethical meanings) in the context of their development and refinement. New research questions are formulated concerning the criteria for assessing the predictability of behavior of a complex cultural order, the influence of the ethical component on the predictability of behavior, the connection of ethical meanings with the moral ideal, the possibilities of the ideal to coordinate the ethical meanings of participants in organizational and managerial interaction. The task of studying the phenomenon of spirituality is presented as a central trend in the development of the order approach. Spirituality is stated as a state of culture, which is the result of its qualitative change due to the purposeful actions of cultural

subjects/producers aimed at self-improvement of the achieved development indicators in the moral, cognitive and aesthetic spheres at the individual, group and organizational levels.

Keywords: order approach, organizational culture, order, complexity, ethical meanings, idealism, spirituality, metamodernism

REFERENCES

1. Aksenovskaya L.N. (2005). *Ordernaya kontsepsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii [The order concept of organizational culture: questions of methodology]*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta [Saratov University Publishing House].
2. Aksenovskaya L.N. (2007). *Ordernaya model organizatsionnoy kultury [The order model of organizational culture]*. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta.
3. Appelo Y. (2021). *Agile Agile-menedzhment: Liderstvo i upravlenie komandami [Agile management: Leadership and Team management]*. Moscow: Alpina Publisher.
4. Dal V. (2002). *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. [Explanatory Dictionary of living Great Russian language: In 4 volumes]* Moscow: Rus. yaz., Vol. 3.
5. James V. (1993). *Mногообразие религиозного опыта / reprintnoe izdanie (Moskva, 1910) [The diversity of religious experience / reprint edition (Moscow, 1910)]*. St. Petersburg: "Andreev i synovia".
6. *Prakticheskaya entsiklopediya. Osnovy dukhovnoy zhizni / svyashchennik Sergiy Molotkov [Practical encyclopedia. Fundamentals of the Right spiritual life / Priest Sergiy Molotkov]*. St. Petersburg: Stasis Derzhava, 2005.
7. Prigozhin I., Stengers I. (2001). *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order from chaos. A new dialogue of man with nature]*. Moscow: Editorial URSS.
8. Simonov P.V., Ershov P.M., Vyazemsky Yu.P. (1989). *Proischozhdenie dukhovnosti [The origin of spirituality]*. Moscow: Nauka.
9. *Slovar bibleyskikh obrazov / pod obschey red. L. Raikena, J. Wilhoita, T. Longmana [Dictionary of Biblical images]*. St. Petersburg: "Bibliya dlya vseh ["The Bible for everyone"]", 2005.
10. Samuels E., Shorter B., Plot F. (1994). *Kriticheskii slovar analiticheskoy psikhologii K. Junga [Critical Dictionary of Analytical Psychology by K. Jung]*. Moscow: "ESI".
11. Frank S.L. (2015). *Dusha cheloveka: opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu [The human soul: the experience of introduction to philosophical psychology]*. Moscow: knizhnyi klub Knigovek; St. Petersburg: Severo-Zapad [Book Club Knigovek; North-West].
12. Frank S.L. (1990). *Nepostizhimoe. Sochineniya [Incomprehensible. Works]*. Moscow: Pravda.
13. Frankl V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik [Man in search of meaning: Collection]*. Moscow: Progress.
14. Foucault M. (1991). *Germenevtika subekta [Hermeneutics of the subject]* // *Sotsiologos*. Moscow: Progress. P. 284-311.
15. Shpet G.G. (1989). *Sochineniya [Works]*. Moscow: Pravda.

The article was received 10.05.2022

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ РЕКЛАМЫ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© Гордякова О.В.

Кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии,
НОЧУ ВО Московский институт психоанализа, Москва, Россия
o_gordyakova@mail.ru

Рассматривается становление и основные этапы развития психологии рекламы в России с конца XIX века до настоящего времени. На рубеже XIX-XX вв. исследования воздействия рекламы на потребителей проводились в основном в рамках общей психологии и были сосредоточены на изучении психических процессов. Реклама представляла собой однонаправленное воздействие на покупателей, основанное на их некритичном восприятии рекламных стимулов. В 20-е годы XX века, в связи с переходом к плановой экономике, коммерческая реклама вытеснялась агитацией и пропагандой. После 70-летнего перерыва исследования в области психологии рекламной деятельности возобновились. Сегодня психология рекламы интегрирована в более широкий круг практических и фундаментальных научных проблем, связанных с изучением многочисленных маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: психологии рекламы, маркетинговые коммуникации, личность потребителя, потребительское поведение, психологическое воздействие, агитация и пропаганда

Зарождение и развитие психологии рекламы в России на рубеже XIX-XX веков

Датой возникновения психологии рекламы как отрасли мировой психологии принято считать 1908 год. Это связывают с выходом в свет монографии американского психолога У.Д. Скотта «Психология рекламы» [14]. Тем не менее, за 10 лет до этого, в 1898 году в России была опубликована теоретико-аналитическая работа российского исследователя А. Веригина «Русская реклама», в которой автор пишет о необходимости рекламистам учитывать в общении с аудиторией национальную специфику, а также о «бесперспективности прямого голосового или лексического нажима на российского обывателя».

В работе говорится о том, что у русской рекламы «должна быть душа», потому что русский человек – это, прежде всего «душевный человек». А.Веригин определяет цель рекламы и ее

коммуникативную роль: «...обратить внимание возможно большего числа людей на тот или иной факт, на ту или иную мысль, на то или иное лицо. В зависимости от того, что именно несет реклама, к чему возбуждает внимание, что именно проповедует – и может решиться вопрос о ее пользе или вреде. В одном случае она может явиться благодеянием, в другом – бедствием, как и всякое другое орудие цивилизации» [1, с. 5].

Среди психологов рекламы начала XX века существовало убеждение, что одним из главных инструментов воздействия рекламы на волю человека с целью создания у него потребности в рекламируемом товаре является суггестия. То есть считалось, что с помощью внушения можно заставить человека «захотеть» покупать любой товар. В 1925 году российский исследователь М.А. Мануйлов в книге «Психология рекламы»

высказывал эту же точку зрения. По его мнению, «цель рекламы – повлиять на мысль других, выявить их интерес, и побудить купить товар. Реклама, таким образом, занимается чтением мыслей тех людей, к которым она обращается и, следовательно, ее основание находится в науке, которая занимается познанием и определением законов мышления. Наука эта, называемая психологией, учит нас понимать жизнь и чувства индивидуума и той толпы, на которую в данном случае купец хочет повлиять своей рекламой» [9, с. 7].

К началу XX века эксперимент стал ведущим методом изучения рекламы. Большинство исследований было направлено на изучение психических процессов. Основная цель состояла в том, чтобы выяснить, как различные средства рекламы влияют на мотивацию, мышление, память покупателя. Исследователи и практики выясняли, как сделать так, чтобы реклама привлекала внимание, запоминалась, вызывала положительные эмоции, а значит – была бы психологически эффективной [7]. Экспериментальные исследования проводились в соответствии с принципами, которыми руководствовались Фехнер, Вундт, Эббингаус и другие известные ученые [4; 14].

В тот период истории в большинстве случаев реклама рассматривалась как одностороннее и однонаправленное воздействие на покупателя, основанное прежде всего на не критическом восприятии рекламных стимулов. Социально-психологические и личностные характеристики рекламиста и потребителя, социально-психологические процессы, нормы, ценности, установки и др., а также влияние культуры на восприятие рекламы и многое другое изучалось крайне незначительно [7].

Рекламная деятельность в период НЭПа

Период НЭПа (1920-е годы) можно считать расцветом советской рекламы. Ни до этого момента, ни после НЭПа в СССР не было такого количества рекламы. М.А. Мануйлов так описывает то время: «Нужна ли реклама в условиях Советской Республики? ... не надо забывать, что у нас существует НЭП, и жизнь не налажена

еще во всех отношениях ... отсутствует налаженность в работе аппаратов распределения ... При этом производитель имеет перед собой колоссальный по количеству и разбросанности рынок потребителя, с весьма пониженной культурой. И к этому потребителю необходимо подойти вплотную, воздействуя на его психику, заинтересовать его фабрикатом, сбыть этот фабрикат ему, удовлетворив тем его потребность и усилив оборот предприятия...» [9, с. 10].

Основным носителем рекламы этого времени является плакат, главной целью которого становится идеологическая пропаганда. Помимо глубоко коммерческой рекламы, большое распространение получает реклама государственных предприятий. Появляется и развивается социальная реклама, которая призывает к отказу от алкоголя, соблюдению здорового образа жизни, правил гигиены, борьбе с пожарами, повышению обороноспособности страны и другое. Конкуренция на рынке порождала потребность в творческом подходе к производству рекламного плаката. В производстве политического и рекламного плаката работают талантливые поэты и художники того времени. Одним из самых известных новаторов плакатного дела становится В.В.Маяковский, который рассматривал коммерческую рекламу как вид «промышленно-торговой агитации». Важнейшими характеристиками рекламы он считал эмоциональность, лаконичность и эффект прямого действия.

Как известно, в своем творчестве В.В. Маяковский широко использовал стихотворные тексты и рекламные слоганы, которые считал «поэзией самой высокой пробы». Услугами объединения «Реклам-конструктор Маяковский-Родченко» пользовались многие государственные предприятия. Благодаря плакатам потребители начали пользоваться непривычными для них услугами, например, такими как Сберкасса и заказ обеда на дом: «Долой кухарок! Кухарок нет. Я в Моссельпроме заказываю обед», «Кто куда, а я в сберкассе».

Таким образом, на протяжении 20-х годов XX века советского периода печатная реклама имела агитационную направленность и была в большей степени инструментом открытой пропаганды. Основным механизмом воздействия на

потребителя все еще остается суггестия, директивное обращение к потребителю, призывы. Яркие иллюстрации плакатов повышали эмоциональное воздействие рекламы и ее запоминаемость, и, в конечном счете, – эффективность.

Исследователи в этот период особое внимание уделяют агитации и пропаганде. В 1923 году публикуется статья В.Маяковского «Агитация и реклама», основные положения которой сводились к следующему: «реклама – это промышленная, торговая агитация» и «оружие, порождающее конкуренцию». Реклама должна быть яркой, образной, удивляющей, запоминающейся, будить эмоции и воображение. «Надо звать, надо рекламировать, чтобы калекки немедленно исцелялись и бежали покупать», – так выражал свои идеи поэт. Необходимо заимствовать опыт зарубежной рекламы, перед которой, как писал Маяковский, «мы еще щенки». Реклама должна создавать «имя вещи», поскольку, «увидев на обложке журнала знаменитое имя, останавливаются купить». Поэтому любую, даже самую лучшую вещь, надо «рекламировать бесконечно» [10, с. 57].

Впервые в российской истории, появляются исследования рекламы, где анализируются ее социологические и психологические характеристики, особенности воздействия на различные сегменты аудитории. Широкое заимствование зарубежного опыта способствовало развитию отечественной рекламы, ее теоретическому осмыслению и обоснованию основных функций и особенностей. Следствием научного анализа рекламной деятельности стало появление основ саморегулирования рекламных процессов в советском государстве. В 1929 г. была создана Ассоциация работников рекламы при Союзе журналистов СССР, которая в основном занималась вопросами, связанными с разработкой научно-практических рекомендаций для работников советской рекламы, составлением и обработкой отечественной и зарубежной библиографии по этой тематике. К сожалению, эта тенденция в дальнейшем не получила развития в СССР.

Реклама в СССР

В 30-е годы XX века окончательно сложилась директивная система управления страной, которая внесла значительные изменения в жизнь советского общества, в том числе и в рекламную деятельность. Был почти полностью упразднен частный сектор в сельском хозяйстве, производстве и торговле и сформирована система централизованного распределения ресурсов, где реклама становилась в принципе ненужной.

Что касается исследовательской деятельности, то здесь перспективы также были нерадужными. Поскольку наука воспринималась властью как инструмент идеологии, многие перспективные направления психологии были свернуты. Психологические исследования в области рекламы ограничивались сугубо утилитарными целями (читаемость прейскуранта и объявлений, условия воспринимаемости витрины и др.).

В эпоху СССР рекламная деятельность осуществлялась в основном в области внешней торговли, а результаты каких-либо фундаментальных научных психологических исследований были крайне незначительны. Специалисты в области психологии рекламы, в частности, Д.И. Рейтынбарг и другие, в основном анализировали феномен рекламы в капиталистическом обществе и, как правило, рассматривали его критически [11].

Такая ситуация продолжалась вплоть до так называемого периода «оттепели». Одним из первых телероликов стало продвижение кукурузы в 1964 году (в рамках известной экономической и идеологической концепции Н.С. Хрущева), когда советским гражданам по телевизору показали историю поющего повара, к которому на кухню приходят кукурузные початки и требуют, чтобы блюда из них были включены в меню. Появились первые слоганы государственных предприятий: «Аэрофлот: скорость, комфорт»; «Храните деньги в сберегательной кассе».

Наиболее психологичным был способ продвижения товаров, использовавшийся советскими кинематографистами, который сейчас бы назвали продакт плейсмент (product placement). Современным специалистам хорошо известен

психологический механизм этого инструмента продвижения в развитом рынке товаров и услуг. Суть его сводится к следующему: отношение к герою, который использует продукт в художественном произведении (фильме, книге и др.), переносится и на отношение к самому товару. Советские режиссеры использовали этот прием, например, в таких кинолентах как «Иван Васильевич меняет профессию», «Спортлото-82», сюжет которого представляет собой рекламу государственной лотереи, «Бриллиантовая рука», где герои уходили от погони на Москвиче-408, «Невероятные приключения итальянцев в России», который, по словам режиссера Э.Рязанова, изначально задумывалась как рекламный мини-фильм для «Жигулей», где итальянцы на советской копии «Фиата» лихо разезжают по Ленинграду и др.

К концу 80-х годов в СССР начала формироваться привычная сегодня рекламная отрасль. Психологи вновь обращаются к зарубежным исследованиям рекламы. В связи со стремительным развитием рынка происходит бум рекламного производства. Производители, продавцы, дилеры начинают интересоваться психологией потребителя, что делает актуальными исследования в области психологии рекламы.

Становление психологии рекламы в 90-е годы XX века

Отечественная реклама 90-х годов – это уникальный социально-психологический феномен, вызванный переходом отечественной экономики от плановой системы к рыночной. Это период жесткой ломки и формирования новых массовых ценностей, потребительского поведения, изменение мировосприятия и отношения к «своим» и «чужим». Рынок начинает заполняться первыми товарами из-за границы: газированные напитки, жевательная резинка, шоколадные батончики. В целом, реклама этих товаров носила информационный характер, так как они и без рекламы быстро исчезали с прилавков. Цель этой рекламы часто приобретала идеологический характер: показать гражданам, что некогда чуждая культура теперь не запретна.

В 90-е годы возобновляются исследования в области психологии рекламы после перерыва

приблизительно в 60-70 лет. Практически в одно и то же время публикуется несколько работ российских авторов, посвященных этой проблематике. В 1992 году выходит небольшая брошюра В.Г. Зазыкина «Психология в рекламе», в которой автор говорит о необходимости применять психологию в рекламе в условиях новых экономических отношений [2].

В 1995 году публикуется книга А.Н. Лебедева и А.К. Боковой «Экспериментальная психология в российской рекламе» [3], где реклама рассматривалась как социально-психологическая установка. В этой работе доказывалось, что противоречия между когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами рекламы как установки снижают эффективность ее психологического воздействия на потребителей. Рассматривалось не прямое (латеральное) воздействие рекламы на сознание потребителей.

В 1996 году по инициативе и под руководством А.Н. Лебедева в Институте психологии РАН проводится Первая всероссийская конференция по психологии рекламы [12] и создается Психологическая Ассоциация для Рекламных Исследований (ПАРИ), членами которой становятся известные российские психологи Д.А. Леонтьев, В.Н. Дружинин, А.Г. Шмелев, В.Ф. Петренко, С.К. Роцин и другие.

В том же году приказом директора Института психологии РАН член-корр. РАН А.В. Брушлинским в Институте психологии РАН была создана первая в стране хозрасчетная лаборатория по психологии рекламы, руководителем которой был назначен А.Н. Лебедев. В лаборатории экспериментальными методами изучалось влияние рекламы на целевые и нецелевые группы потребителей, а также феномен рекламы как социокультурное явление.

В 1995 году в России был учрежден орган саморегулирования рекламной деятельности – Рекламный Совет России (который существовал до 2017 года). В его состав входили представители рекламных агентств, рекламодатели, представители средств массовой информации, Общества потребителей, политологи, социологи др. Основная цель деятельности Совета заключалась в развитии системы саморегулирования

рекламы в России, участие в работе по совершенствованию российского рекламного законодательства, а также экспертиза рекламных материалов, рассмотрение обращений и прецедентов, разрешение спорных или конфликтных ситуаций в рекламе и др. Первым экспертом-психологом в этой организации становится А.Н. Лебедев, который в рамках деятельности Совета занимался консультированием ряда крупных государственных и общественных организаций России, в частности, Государственного Антимонопольного Комитета РФ, Ассоциации Коммуникационных Агентств России (АКАР), Общества потребителей России и других.

К 2000 году в стране насчитывается более 4000 рекламных, маркетинговых и коммуникационных агентств. На внутренний рекламный рынок России выходят крупные зарубежные агентства, которые проводят прикладные исследования в области рекламы и маркетинговых коммуникаций, которые привлекают к работе российских психологов [7].

За время существования хозрасчетная лаборатория психологии рекламы Института психологии РАН и Психологическое Агентство Рекламных Исследований провели большое количество прикладных и научных исследований. Сотрудники лаборатории выступали экспертами в судах, в частности, в иске ОАО «Нэфис Косметикс», выпускающей моющее средство AOS, к компании «Проктер энд Гэмбл», рекламировавшей средство Fairy, используя некорректное сравнение своего средства с товаром конкурента, что не допускается законом о рекламе РФ. Проводились консультации СМИ, например, холдинга «Совершенно секретно», газет «Версия», «Деловой мир», телеканалов (НТВ и др.), выполнялись исследования для банков («Инкомбанк» и др.), фармацевтических компаний (Джонсон и Джонсон, Акрихини и др.), торговых компаний «Перекресток», Wimm Bill Dann, «Диал Электроникс», «Сименс» и многих других.

А.Н. Лебедевым создаются и в многочисленных исследованиях апробируются психологические методики для тестирования рекламы, та-

кие, как Group Retention Test, цель которой оценить степень привлечения внимания и воспроизводимости по памяти отдельных элементов рекламы (рекламы в интерьерах, билборды, этикетки и др.), а также Color Compatibility Test, который представляет собой каталог двуцветных сочетаний, выполненных по принципу «фигура-фон» и позволяет определить несовпадение содержания рекламы (названия бренда, логотипа и др.) с эмоциональными характеристиками выбранного дизайнером цветового сочетания [7].

Теоретическая концепция А.Н. Лебедева объясняла поведение целевых и нецелевых групп потребителей на основе механизма рекламы как «коммуникации для коммуникации», феномена трансформации условных рекламных образов в реальное поведение потребителей, механизм неосознаваемого воздействия рекламы на потребителей на основе формально-динамических характеристик рекламного сообщения и другие [5].

Результаты исследований публикуются в большом количестве статей и ряде книг. Так, монографии «Психология рекламы», «Психология в маркетинге: COOL-BRAND стратегия», изданные в издательстве «Питер», до сих пор востребованы в рекламном бизнесе и используются в качестве учебных пособий во многих ВУЗах РФ.

Заключение

Сегодня традиционная реклама (телевизионная, наружная, в прессе и др.) рассматривается как одна из многочисленных маркетинговых коммуникаций. В современной практике их насчитывается более 30, каждая из которых имеет свою психологическую специфику воздействия на потребителей [6; 13]. В арсенале инструментов маркетинга появился Интернет, в рамках которого интенсивно развиваются новые технологии продвижения товаров и услуг, в частности, MLM (сетевой маркетинг), SMM маркетинг (продвижение в социальных сетях), нативная реклама, контекстная реклама и др. В связи с этим, исследования в области психологии рекламы и маркетинговых коммуникаций не только не теряют своей актуальности, но и ста-

новятся более дифференцированными и направлены на изучение специфики воздействия различных маркетинговых коммуникаций на мотивацию, мышление и поведение потребителей. При этом появляются новые проблемы, представляющие интерес не только для прикладной, но и для фундаментальной науки, в частности, общение рекламодателя, рекламодраспространителя и потребителя в виртуальном пространстве, роль рекламных фейков в формировании социальных норм и ценностей, политических взглядов и пр.

Литература

1. Веригин А. Русская реклама. СПб.: Из-во «Русский труд», 1898.
2. Зыбкин В.Г. Психология в рекламе. М.: Изд. Дата Стром, 1992.
3. Лебедев А.Н., Боковиков А.К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М.: Академия, 1995.
4. Лебедев А.Н. Две методологические традиции в организации научно-практических исследований и разработок в психологии рекламы // Психологический журнал, 2000, Т. 21, № 4, с. 89-97.
5. Лебедев А.Н. Психология рекламной коммуникации в изменяющемся обществе. Автореф. диссер... доктора психологических наук. М., 2004.
6. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2015.
7. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
8. Лебедев-Любимов А.Н. Психология в маркетинге: Cool-Brand-стратегия. СПб.: Питер, 2008.
9. Мануйлов М.А. Психология рекламы. М.: Гос. техн. изд-во, 1925.
10. Маяковский В.В. Агитация и реклама. // Журнал «Товарищ Терентий». Екатеринбург, 1923. № 14.
11. Рейтынбарг Д.И. Плакат по безопасности труда в СССР и за границей. М.: Соцэкгиз, 1931.
12. Тезисы докладов Первой Всероссийской конференции «Психология в рекламе» 24-25 декабря 1996 г. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1996.
13. Ульяновский А.В. Маркетинговые коммуникации: 28 инструментов миллениума. М.: Эксмо, 2008.
14. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб.: Изд-во «Евразия», 2002.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF ADVERTISING PSYCHOLOGY IN RUSSIA AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

© Olga V. Gordyakova

Ph.D. (psychology), professor, department of social psychology,
«Moscow Institute of Psychoanalysis», Moscow, Russia
o_gordyakova@mail.ru

The article considers the main formation and main stages of the development of advertising psychology in Russia from the end of the XIX century to the present. At the turn of the XIX-XX centuries, studies of the impact of advertising on consumers were conducted within the framework of general psychology and were aimed at studying mental processes. Advertising represented a one-way impact on customers based on their uncritical perception of advertising incentives. In the 20s of the twentieth century, in connection with the transition to a planned economy, commercial advertising was replaced by agitation

and propaganda. After a 70-year hiatus, research in the field of advertising psychology has resumed. Today, the psychology of advertising is integrated into a wider range of practical and fundamental scientific problems associated with the study of numerous marketing communications.

Keywords: psychology of advertising, marketing communications, consumer personality, consumer behavior, psychological impact, agitation and propaganda

REFERENCES

1. Verigin A. (1898). Russkaya reklama [*Russian advertising*]. SPb.: Iz-vo «Russkij trud» [*St. Petersburg: Publishing house "Russian Labor"*].
2. Zazykin V.G. (1992). Psihologiya v reklame [*Psychology in advertising*]. Moscow: Publishing house Data Strom.
3. Lebedev A.N., Bokovikov A.K. (1995). Eksperimental'naya psihologiya v rossijskoj reklame [*Experimental psychology in Russian advertising*]. Moscow: Akademiya.
4. Lebedev A.N. (2000). Dve metodologicheskie tradicii v organizacii nauchno-prakticheskikh issledovanij i razrabotok v psihologii reklamy [*Two methodological traditions in the organization of scientific and practical research and development in the psychology of advertising*] // Psihologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. Vol. 21. № 4. P. 89-97.
5. Lebedev A.N. (2004). Psihologiya reklamnoj kommunikacii v izmenyayushchemsya obshchestve. Avtoref. disser... doktora psihologicheskikh nauk [*Psychology of advertising communication in a changing society. Av-toref. disser... Doctor of Psychological Sciences*]. Moscow.
6. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2015). Lichnost' v sisteme marketingovykh kommunikacij [*Personality in the marketing communications system*]. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN» [*Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*].
7. Lebedev-Lyubimov A.N. (2002). Psihologiya reklamy [*Psychology of advertising*]. St. Petersburg: Piter.
8. Lebedev-Lyubimov A.N. (2008). Psihologiya v marketinge: Cool-Brand-strategiya [*Psychology in marketing: Cool-Brand strategy*]. St. Petersburg: Piter.
9. Manujlov M.A. (1925). Psihologiya reklamy [*Psychology of advertising*]. M.: Gos. tekhn. izd-vo [*Moscow: State Technical University publishing house*].
10. Mayakovskij V.V. (1923). Agitaciya i reklama. [Agitation and advertising] // ZHurnal «Tovari-shch Terentij» [*The magazine "Comrade Terenty"*]. Ekaterinburg. № 14.
11. Rejtynbarg D.I. (1931). Plakat po bezopasnosti truda v SSSR i za granicej [*Poster on labor safety in the USSR and abroad*]. Moscow: Socekgiz.
12. Tezisy dokladov Pervoj Vserossijskoj konferencii «Psihologiya v reklame» 24-25 dekabrya 1996 [*Abstracts of the First All-Russian Conference "Psychology in Advertising" December 24-25, 1996*]. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN» [*Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*], 1996.
13. Ul'yanovskij A.V. (2008). Marketingovyje kommunikacii: 28 instrumentov milleniuma [*Marketing communications: 28 tools of the millennium*]. Moscow: Eksmo.
14. SHul'c D.P., SHul'c S.E. (2002). Istoriya sovremennoj psihologii [*History of modern psychology*]. SPb.: Izd-vo «Evraziya» [*SPb.: Publishing house "Eurasia"*].

The article was received 16.05.2022

Дискуссии

ПСИХОЛОГИЯ ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМА КАК МОТИВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ДВИЖЕНИЯ ИСТОРИИ

© Веллер М.И.

Писатель, философ

Парадигма концепции

Энергоэволюционизм – это рассмотрение эволюции Вселенной от Большого Взрыва до настоящего времени и далее как смены агрегатных состояний изначальной недифференцированной энергии Вселенной. От момента Большого Взрыва эта энергия дифференцируется в кварк-глюонную плазму, элементарные частицы, протоны и нейтроны, атомы водорода и гелия, в звезды первого поколения. Эти материальные структуры в свой срок взрываются, высвобождая огромное количество «связанной» в веществе энергии. При этом образуются более сложные атомы. Циклы повторяются в звездах второго и третьего поколений. Образуются планеты. Возникает жизнь, усложняются ее формы. То есть первичная энергия Вселенной структурируется во все более сложные материальные системы с их циклическим распадом и последующим усложнением. Причем – принципиально важно отметить: этот процесс от начала Вселенной идет с ускорением, ход его убыстряется! Мы оставляем в стороне математическую абстракцию планковского времени, когда при Начале Вселенной, в отсутствии лишнего смысла понятий пространства и времени, «миг» равняется «бесконечности».

Важнейшие следствия:

- Энергия и материя – два агрегатных состояния единой сущности.
- Количество энергоматерии во Вселенной ограничено.

- Чтобы появились более совершенные системы – менее совершенные должны погибнуть и тем явиться строительным материалом для последующих.
- Человек – это энергоматериальная система, в процессе эволюции образовавшаяся из элементарных частиц, которые существуют уже миллиарды лет, комбинируясь во все более сложные системы.
- Из чего явствует, что человек, являясь порождением и частью Вселенной, возник по ее законам – и по ее законам существует, оно же функционирует.

Закон законов

Необходимо учесть Закон самоусложнения материи, или Закон Всемирной Структуризации. Кратко он сводится к тому, что любая энергоматериальная система стремится к усложнению себя – а по мере развития вступив в стадию саморазрушения, распадается на более мелкие структуры – каковые структуры раньше или позже, все или часть из них, неизбежно включаются в состав еще более сложных систем, нежели погибшая исходная.

Закон Всемирной Структуризации, доминируя в масштабе Вселенной над симметричным ему и вторичным по отношению к нему Законом неубывания энтропии как физическим выражением второго начала термодинамики, лишь в последней четверти XX века начал осознаваться синергетикой (не будучи еще поставлен и сформулирован). Это важнейший принципиальный момент, который подробнее изложен в моих книгах «Энергоэволюционизм» и «Человек в системе», глава «Закон Законов».

Формы материи

Еще Герберт Спенсер в середине XIX века со всей исчерпывающей простотой сформулировал: «материя существует в трех формах: неорганическая, органическая и социальная». Анализируя процессы и закономерности, характерные для материи в ее социальной форме, необходимо учитывать единство форм материи и подчинение их единым в своей глубинной основе Законам Вселенной.

Жизнь

Еще раз отметим, что циклический процесс преобразования энергии в материю с последующим распадом материи, сопровождающимся высвобождением энергии и образованием все более сложных материальных структур – от Большого Взрыва и в течение всего Времени идет с *ускорением*. Это означает, что количество энергии, связывающейся в материю, и количество энергии, исходящей при распаде материи – в общем и целом, в неограниченно больших масштабах, на единицу времени постоянно растет.

Время структурирования элементарных частиц и простых атомов из начальной недифференцированной энергии было неопределенно (в определенном смысле бесконечно) длительно. Период образования звезд первого поколения из туманностей измерялся миллиардами лет. Образование звезд второго и третьего поколений, можно считать, шло несколько быстрее.

Образование планет являет уже резкое ускорение процесса энергоэволюции. Образовавшись одновременно или сравнительно вскоре после своих звезд – планеты состоят из химически (физически) несравненно более сложной материи. Она уже содержит богатый набор атомов и неорганических молекул. То есть, при остывании вещества планет энергия структурируется во все более сложные материальные системы. Затем наступает время образования органических молекул, и процесс структуризации резко ускоряется.

С возникновением жизни начинается новый этап существования материи – в ее органиче-

ской форме. С этого момента скорость энергоэволюции скачком повышается на порядки. Срок существования материальной системы уменьшается с миллиардов лет у небесных тел до нескольких земных суток или часов у простейших организмов. Соответственно количество преобразований «энергия – материя – энергия» увеличивается с одного раза за условный миллиард лет до миллиарда раз у однолетних растений или трехсот миллиардов раз у однодневных насекомых.

С появлением жизни скорость энергоматериального преобразования биологической локации Универсума увеличивается в $10^7 - 10^{11}$ раз. На самом общем в Универсуме – энергетическом уровне, уровне термодинамики – жизнь, согласно формулировке Гельмгольца, «есть форма захвата свободной энергии».

Несколько конкретизируя эту формулу, можно сказать: *«Жизнь – это форма захвата свободной энергии с ее последующей переработкой и выделением»*.

Как любое из 123 (?) известных определений жизни (теперь уже 124?), это также, разумеется, неполно. Ибо необходимо сказать о репликации живого объекта, изменчивости, обмене веществ, обмене материей, энергией и информацией с окружающей средой и т.д. Но именно энергетический уровень есть общий для рассмотрения живой энергии как эволюционировавшей формы материи неживой.

Уровень сложности строения и функционирования живой материи есть прямая эволюция энергии: структурирование ее во все более сложные материальные системы с присвоением, переработкой и выделением все большего количества энергии в единицу времени. Эта единая во Вселенной система отсчета в эволюции энергии единственно позволяет рассматривать самые сложные материальные объекты и процессы как части и детали целого.

Жизнь во Вселенной никак не может быть случайностью уже потому, что возникла и развивалась согласно Основному Закону Вселенной – Закону Ускорения Энергоэволюции.

Закон в природе всегда проявляется скачкообразно. Что и произошло независимо от конкретных деталей механизма появления жизни.

Проторазум

Представим себя травинкой – с нашим разумом, но будучи ограничены физической сущностью травинки. Что мы можем сделать для максимального сохранения и улучшения своей жизни? А также передачи своих генов, создания потомства?

Мы можем отрастить стебель такой высоты, которую позволяет прочность тканей нашего тела. Можем пустить корешки такой длины и кустиности, которых будет достаточно для питания наземного тела необходимым количеством втягиваемой воды и минеральных веществ почвы. Можем построить и развернуть несколько листиков – для улавливания солнечного излучения и создания хлорофилла. Можем построить из поступающих и синтезирующихся веществ семена, дать им взреть и упасть рядом, или даже снабдить крошечными крылышками, чтобы ветер разнес их подальше. А с наступлением зимних холодов – вода в почве замерзла, солнечного излучения доходит слишком мало – наземное тело кормить уже нечем, оно гибнет, но можно сохранить до весны в мерзлой почве корешки, впавшие в анабиоз.

Никакой гений в теле травинки и с возможностями травинки не может вести себя разумнее, целесообразнее и эффективнее, чем она.

Возникает первая мысль «о разумности всего в природе». Стремясь жить дольше, захватывать свободной энергии больше, осуществлять экспансию в окружающее пространство шире, лучше питаться и быть защищеннее от врагов (то есть повысить свой адаптационный ресурс) – травинка, и сама-то произошедшая от одноклеточных растений, эволюционирует в сторону сложности, мощи, приспособленности – и большего энергосодержания (что соответствует большей материальной сложности и объему).

Осока «делает себе» листья с зубчатыми режущими кромками, и поедать ее травоядным

делается сложнее. Кактус покрывается непобедимыми колючками. Некоторые растения становятся ядовитыми для некоторых видов животных. А некоторые достигают размеров и прочности дубов или секвой, и врагов у них уже нет.

Понятно, что примеров из области ботаники – бесчисленное множество. Вывод прост. Любой ботанический вид, в силу своего инструментария и орудийных возможностей, функционирует максимально эффективно. Если подойти к этому с точки зрения «разумности», то даже самый совершенный и развитый разум не мог бы справиться со стоящими перед растением задачами лучше. Мозга нет. Разума нет. Но поведение полностью коррелирует с условно-сравнительной «разумностью».

Предразум

У мухи прекрасная реакция, прекрасное зрение, она отлично избегает опасности, находит пищу и тепло. У нее уже есть мозг. Есть ли в ее мозгу разум? Считается, что нет. Мухой управляют инстинкты, вполне простые.

Так можно сказать почти обо всех насекомых, от вши до стрекозы. Но они неплохо себя обеспечивают. Хотя, обладая разумом человека – насекомые уже могли бы жить лучше. То есть адаптироваться к окружающей среде совершеннее. Искать пищу, убежище, а главное – избегать опасностей.

Движение – резко повышает адаптационный ресурс насекомого. И увеличивает число благоприятных вариантов поведения. Наличие вариантов и необходимость выбора – обусловили резкое усложнение координационной системы. Мозг стал гораздо нужнее. Но поиски пищи, благоприятных условий и партнера – неизбежно связаны с опасностью: враги, стоящие выше в пищевой цепочке, давно приспособились есть их именно в таких местах. Насекомое всегда балансирует между благом и опасностью. Такова жизнь.

Социальные насекомые – муравьи и пчелы – уже производят впечатление «разумных». Координация действий в сообществе и сложность поведения обеспечивают группе несравненно

более гарантированное и эффективное выживание, нежели у прочих насекомых.

Интересно и характерно, что по мере усложнения деятельности биологического объекта – все заметнее разрыв между видовым поведением и «разумным», то есть теоретически наиболее эффективным из всех возможных. Скажем, десяток муравьев, которые тащат травинку или мертвое насекомое в свой муравейник, действуют не самым рациональным способом: усилия согласуют не строго в одном направлении, но направляют отчасти в разные стороны – хотя равнодействующая ведет к цели; т.е. КПД совокупного усилия далек от оптимума. Здесь явно отличие инстинкта, даже весьма детализированного, от разума. Но, если рассматривать сообщество муравейника как единый организм – то координация действий его «различных органов» может быть несовершенна – в то время как общее действие в целом совершенно рационально.

Мышь уже вполне «разумна». Она прячется от врагов, строит жилище-убежище, делает запасы пищи и заботится о потомстве. А когда сообщество полевых сусликов, кормясь на поверхности, выставляет часового для наблюдения за опасностью, и по его сигналу мгновенно прячется в норах – даже люди не поступили бы разумнее.

Норные животные роют не просто норы – но с вертикальным коленом для предотвращения затопления, с обязательно сухим помещением для кладовой запасов корма, часто с запасным выходом. Бобры строят очень сложные жилища и большие плотины, буквально преобразуя прибрежный ландшафт и приспособляя природу к своим потребностям в питании и укрытии.

Птицы строят гнезда разной степени сложности: рыжий печник – шарообразный прочный домик из глины, краснолобая портниха шивает кулек из листьев с помощью пучков паутины и стебельков, ткачик Байя плетет вазу из сухих стебельков и травы, подвешивая ее под веткой.

Закрепленные в инстинкте рациональные действия, собирающиеся в сложный трудовой процесс – как бы застывший фрагментарный разум. Он же – инструментальная программа.

Можно говорить об *инструментальной функции* предразума.

И следует упомянуть, что хищники волея-неволей умнее травоядных. Растительная пища не сопротивляется. Но охотиться для пропитания на животных, особенно сильных и способных к сопротивлению – трудно и порой опасно. Необходимо умение, навыки и сообразительность. Прайд львиц или стая волков умеют распределять обязанности на загонщиков и засаду, на альфа-охотника, помощников и отвлекающих; куда вонзать зубы, с каких ракурсов опасаться травмы или гибели от рогов и копыт жертвы, и т.п.

На примере охоты львов на буйвола понятно, что недостаток интеллекта не позволяет буйволам, крупным и мощным, с большими рогами, успешно и всегда противостоять львам – достаточно согласованных, скоординированных действий обороняющегося стада. Но буйвол, опасный и страшный в ярости, не может противостоять полудюжине львиц, будучи многим умнее барана.

Предразум собаки способен с легкостью формировать новые условные рефлексии – поведенческие реакции на знаки и ситуации. Собака очень обучаема и понятлива. Она считывает интонации и выражения лица человека и т.д. Здесь уже вполне можно говорить о зачаточной форме разума.

Необычайно высокий интеллект ворон широко изучается. Ворона способна решать довольно сложные задачи на сообразительность. Более того, ворона обладает чувством юмора, дразнит собаку или кошку для развлечения; ворона любит скатываться с гладких наклонных поверхностей; вороне нравятся блестящие предметы, часто она их коллекционирует.

Информационная прогностическая модель – это способность мысленно представлять себе картину действительности, какой она может быть через некоторое время в случае того или иного развития событий.

Любое насекомое, избегающее опасности – прячущийся в щель таракан или улетающая из-

под шлепка муха – на уровне простейшего инстинкта действуют в согласии с прогностической моделью: беги отсюда, не то погибнешь.

Шимпанзе, обладающий, по мнению ученых, разумом трехлетнего ребенка, ведет образ жизни наиболее «осмысленный»: сложная социальная иерархия, разнообразные модели поведения, применение подручных орудий труда, забота о самках и детях, войны с соседями за территорию и т.д.

Разум

На основании имеющихся обширных исследований по приведенным темам можно сделать определенный вывод, кратко заключающийся в формулировке: *инструментальная функция разума*.

Правда, пока еще речь шла о проторазуме и предразуме – но развитие мозга и рост интеллекта прямо и бесспорно связываются в Природе с повышением адаптационного ресурса, каковой выражается в развитии инструментальной функции. То есть, существо приспособляется своим поведением к окружающей среде и далее (нередко) приспособливает окружающую среду к своим потребностям.

Следуя движению эволюции, раньше или позже придется сказать: *разум* – это анатомически и физиологически обеспеченная система координации оптимальных реакций организма при взаимодействиях с окружающей средой, имеющих целью максимальную вероятность выживания при максимальной эффективности действий.

Человек разумный

Абсолютно необходимо отметить, чем именно первобытный человек смог выделиться из животного мира и подняться над ним. Отсутствие когтей, рогов и клыков, толстой шкуры и шерсти, большой физической силы и скорости бега – общее место.

Разум? Но крупным хищникам для нападения и засад ума вполне достаточно, как и травоядным для бегства при их скорости. Про ум крупных приматов можно даже не упоминать.

Все прекрасно обходятся своим умом. Есть теория, что наши дальние предки вообще были падальщиками – довольствовались случайными останками в дополнение к растительному рациону.

Использование орудий? Но некоторые птицы умело применяют колючки и веточки, чтобы достать личинки и насекомых из щелей и ходов в древесине. О камни раскалывают черепки, бросая их с высоты; вороны могут кидать камешки в узкий сосуд, чтоб поднять уровень воды в нем и напиться. Обезьяны с палками – старая классика.

Строительство жилищ? О бобрах и норных животных мы уже говорили.

Язык? Десятки акустических знаков применяются для передачи информации разные породы птиц, не говоря о хищных животных: они имеют весьма обширную систему сигналов для обозначения разных ситуаций.

Огонь! Только овладение огнем резко и бесспорно отличило человека от всей прочей фауны. Подключение к силе своего тела огромной внешней, природной силы, высвобождающейся при быстром окислении древесины – горении. Огонь – это тепло в мороз, это приготовление пищи, отдающей теперь больше калорий, это закалывание орудий и отпугивание хищников.

Человек приручил ряд животных – то есть использовал их жизненную энергию к своей пользе. И человек изначально, развивая язык, совершенствовал внутригрупповую координацию – то есть повышал взаимодействие в группе, создавая все более эффективную социальную систему. То есть систему, превосходящую по мощности и эффективности простую сумму возможностей своих членов.

И только во взаимосвязях с овладением огнем, изготовлением орудий, приручением животных, повышением эффективности социальной организации, усложнением языка – повышается интеллект человека. То есть, усложняется и совершенствуется центральная нервная система и высшая психическая деятельность.

Именно разум есть та сила, которая привела человека к высшему могуществу в природе и над природой.

И, в конце концов, возникает вопрос, поныне не разрешенный наукой и являющийся одновременно философским – *свобода воли*. И, что то же самое: *может ли разум управлять жизнью человека и существованием человечества?*

С одной стороны, если человек, руководствуясь моралью, законом и любовью к родным, понимает свое благо – он должен к нему стремиться. С другой стороны, все пороки и ужасы человеческой жизни, от злобной зависти до кровавых войн, всегда продолжали существовать. Вопреки послы античного рационализма, знание добродетели отнюдь не означает следование ей.

Главный парадокс социальной психологии

Человек – разумное животное дуалистическое. То есть:

а) Индивидуум – существо самодостаточное и обладает огромным адаптационным ресурсом. Он может выжить в пустыне, в тундре, в горах, на необитаемом острове (при наличии минимальных для того природных условий), самостоятельно искать и строить убежище-жилище, обеспечивать себя прокормом и т.д. И как любое живое существо, он имеет базовые инстинкты и руководствуется ими: дышать, обеспечивать свою безопасность и условия для выживания (температура, содержание кислорода, солнечная радиация и пр.), пить и есть. Он может полностью обеспечить себя всем: мастерить, копать, охотиться, сражаться, прятаться. Он хочет жить, и с возможным комфортом. Инстинкт индивидуального самосохранения.

б) И уже потом – инстинкт индивидуального размножения – он же может быть назван инстинктом сохранения в природе своих генов, репликации во времени и пространстве. Он же – инстинкт экспансии организмов в природе.

в) Отметим, что биологическая экспансия происходит в конкурентной борьбе при есте-

ственном отборе. Каждая форма жизни «испытывается на эффективность и совершенство» и стремится занять своими копиями все пространство, противодействуя иным родам и видам. Битва за ресурсы для построения и питания своих тел. В этом процессе организмы ограничивают друг друга, заполняют все экологические ниши и приспосабливаются к ним, «научаются сотрудничать» друг с другом.

г) Но, человек существует только как монада социума. Только в своей группе человек может быть человеком: обладать речью и всей культурой, делающей его человеком в отличие от человекоподобного животного.

Культура – это разность между цивилизационной и биологической сущностями человека.

Культура – это сумма всего энергоматериального и информационного продукта, созданного человечеством.

Понятно, что только в человеческом коллективе, от семьи и своей группы, человек с младенчества «загружается» воспринимаемой культурой и формируется в ее лоне. Все навыки во всех областях, все ценности, мышление и речь – существуют только в группе и для члена группы.

И одновременно, что первично и миллионы лет было еще более важно: человек на уровне своих инстинктов есть также существо групповое. Ибо только группа, спаянная единством и взаимовыручкой, могла выжить среди суровой природы и жестоких врагов. Первобытные родовые группы получали эволюционное преимущество: преимущества в совместной охоте, поиске и постройке жилищ, защите детей и беременных женщин; больные и раненые могли рассчитывать на еду и помощь, если позволяли условия. При столкновениях групп шла борьба на уничтожение: за участок, за ресурсы. Победенных убивали и съедали, молодых женщин могли брать себе. И шансы на победу были выше у группы, действовавшей более скоординировано, и по принципу, прославленному много позднее: «Один за всех и все за одного!»

Кроме того, в этом был смысл и чисто биологический: сохранить свои гены и уничтожить

чужие. Та же жестокая конкуренция в естественном отборе самых приспособленных. Одиночка без своей стаи, своего рода – был не жилец. Легкая добыча любой встречной группы или крупного хищника. Не говоря о потомстве. Так что защита своей группы, преданность ей, способность отдать жизнь ради ее существования – это самый глубинный, базовый социальный инстинкт.

В общем и целом, суммируя и итожа – инстинкт не менее, а более сильный, чем инстинкт индивидуального самосохранения. То, что мы выжили – лучшее тому доказательство. Те, в ком индивидуальный инстинкт самосохранения преобладал – были уничтожены в десятках тысяч поколений. Их выбраковал естественный отбор.

Таким образом, *главный конфликт всей социальной психологии – это имманентный конфликт между индивидуальной и социальной сущностями человека.*

Человек эгоистичен, он заботится о себе, избегает опасностей, хочет богатства, славы и власти: вообще счастья хочет. Но одновременно: он дорожит семьей, он готов защищать свою семью ценой жизни. И семья, на уровне подсознания и инстинкта разросшаяся в цивилизации до размеров города, народа, государства – владеет его помыслами и нуждами в принципе, в направлении, в этической ориентации – примерно так же, как раньше его малая, родная – родовая – группа.

Конфликт между индивидуальным и социальными инстинктами. Те, кто отдавал жизнь в борьбе за родину и свой народ – всегда и всеми почитались как герои и идеал поведения. Но, считали ли они сами свой выбор именно разумным? Они руководствовались этикой, благородством, верностью своему долгу, преданностью народу. Но – разумным ли решением? Когда разум легко может подсказать: почему умереть должен ты – а вот он, хитрых и эгоистичный, выживет, и вернется домой с добычей, и проживет длинную жизнь: так почему подлецы выживают, а храбрецы гибнут? И так от веку.

Герой далек от биологических выкладок и понимания репликации родственных генов его

племянниками. Он оперирует крайне простыми понятиями: родина, храбрость, месть, честь. Он руководствуется отнюдь не разумом. Социальный инстинкт ведет его.

С любовью еще проще. Вот девушка видит, что один кандидат в мужа – положителен, старателен, надежен и верен, он сумеет обеспечить жене и детям хорошую жизнь. Второй – ветрен, нахален, склонен к безделью и дракам. Так почему она сплошь и рядом предпочтет второго? А тянет. Нравится. Не по хорошему мил а по милу хорош. Биолог скажет: а вот такие феромоны от него исходят. Другой биолог сочтет: инстинкт говорит женщине, что потомство от этого мужчины будет сильным и здоровым. Оба правы. Но факт – она руководствуется в любви отнюдь не разумом.

Разум говорит ей: вот тебе прекрасный муж, с ним все будет отлично, а с тем – наплачешься. И это должно совпадать с индивидуальным инстинктом: тебе как индивидууму и личности так будет лучше – а страдания с тем хулиганом надо избежать. Но социальный инстинкт повелевает: рожай сильных детей от сильного храброго мужчины – именно это нужно племени, именно это главное для женщины.

И бедная плачет ночами, и страдает душой, живя с положительным пресным мужем, или страдает телом и чувствами еще болезненнее, терпя выходки мужа беспутного, который потом ее бросит. Таковы следствия расподобления условий и ценностей жизни первобытной и цивилизованной: в кабаньей шкуре и с дубиной в руке буйный муж был бы при жене – а куда он денется?.. Надежный муж и мачо-любовник – нередкий и логичный вариант для цивилизованной женщины. Прекрасное совмещение интересов обоих инстинктов.

Человек нелогичный

Задолго до появления в XX веке экономической психологии было общеизвестно, что действия человека отнюдь не подчиняются рациональному расчету. Любой знает о необходимости сохранять здоровье – но подрывает его всеми мыслимыми способами: переедание, малоподвижность, употребление табака, алкоголя

и наркотиков, сопутствующие карьере и напряженной работе стрессы, чрезмерные физические нагрузки в спорте и опасности экстремального спорта.

В любви человек чаще всего выбирает не того партнера, который обеспечит ему наиболее комфортную жизнь, по его же представлениям. Человек часто отказывается от бытовых благ ради некоей абстрактной «вышей цели». Отказывается от комфорта и покоя ради опасных путешествий и рискованных предприятий без всякого очевидного смысла – вроде одиночного путешествия в лодке через океан. Добивается славы ценой лишений всех ценностей в жизни – не будучи способен объяснить, зачем ему слава. Стремясь к богатству и цenia деньги – человек сплошь и рядом проигрывает необходимые деньги ради излишних в азартных играх.

Тысячи лет известно от мудрецов, что счастье не в обладании вещами или положением, но внутри человека, в его способности к радости и умиротворению. Однако сегодня и всегда, люди ассоциируют свое счастье с достижением определенного положения или обладанием определенными вещами.

На основании статистических данных по многим тестам исследователи давно согласились в выводе, что при росте дохода свыше 75 000 долларов в год он перестает коррелировать с ростом счастья. Денег больше – а счастья столько же. Тем не менее, люди стремятся зарабатывать больше, тратя силы и время, лишая себя досуга и покоя. Обладая всем, о чем мечтают миллионы людей, кинозвезда-миллионер может спиться, покончить с собой, застрелиться – без всяких внешних причин. В то время как бездомный нищий, в теплой стране и при прокорме, может чувствовать себя счастливым.

Почему, всегда стремясь к счастью, человек так редко счастлив, но часто несчастлив? Зная, что счастье – категория внутреннего состояния, все равно ассоциирует его с обладанием вещами и положением?

Вместо того, чтобы стараться достичь внутреннего просветления, умиротворения, состояния счастья уже от самого факта бытия, если

оно безболезненно и при минимально достаточном комфорте – человек напрягает все силы, стараясь изменить что-то в мире и свое положение в нем. Иллюзия обретения счастья заставляет его напрягать усилия в действиях.

Можно сказать: *счастье – это ощущение*. Ощущение наслаждения и радости можно испытать напрямую почти без всяких усилий и хлопот: еда, секс, алкоголь, наркотики. Однако обжоры и сексоголики с алкоголиками и наркоманами составляют незначительный процент населения – да иначе и невозможно: в значительной мере это общественные паразиты, их кто-то должен обеспечивать.

В огромном же и подавляющем большинстве люди, стремясь к ощущениям, ассоциируют их с результатом своих действий. *Счастье ассоциируется с результатом действий*. И вот здесь мы подходим к главному моменту. К тому, что человек стремится к действиям. Каким? И почему?

Энергия: жизнь, действие и цивилизация

Здесь необходимо вернуться к пункту о скачкообразном ускорении энергоэволюции на порядки при возникновении жизни – и продолжить: *по мере эволюции, чем более сложно и высокоразвито животное, тем больше энергии на единицу собственной массы оно захватывает, перерабатывает и выделяет*.

То есть, по мере биологической эволюции Земли биосфера (увеличивавшаяся в массе от возникновения и до определенного этапа) потребляет и выделяет энергию все более активно, во все больших объемах на единицу массы и времени. Происходит абсолютное нарастание оборота энергоматерии. И при этом: *КПД животного падает по мере усложнения организма*.

Это важнейший, принципиальный момент. Он полностью противоречит «Энергетическому Императиву» энергетизма Вильгельма Оствальда, утверждавшего, что чем сложнее животное – тем рациональнее оно использует полученную энергию, тем выше его энергетический КПД. Организм земноводных и репти-

лии использует энергию несравненно рациональнее: они напрямую согревают тело, поглощая тепло окружающей среды и солнечного излучения, им нужно несравненно меньше энергии на единицу массы для поддержания всех обменных процессов.

Удаву или крокодилу хватает крупной добычи на полгода функционирования – и при этом они способны развивать огромную энергию при броске на добычу или врага. Молниеносная скорость удара змеи или броска крокодила недоступна теплокровным животным, несравненно более высокоорганизованным.

Птица, кролик, антилопа – не только тратят калории на поддержание постоянной температуры тела, не только излучают часть этого тепла в атмосферу, не только переносят и извергают из организма с фекалиями часть поглощенной пищи – но строят жилища, воспитывают детенышей и играют при условиях комфорта.

Высокоразвитые животные – неэкономичны, но их адаптационный ресурс огромен, что есть аспект и следствие высокого уровня энергопреобразования

Человек как биологическая особь резко отличается от любого прочего животного высочайшим уровнем энергообеспечения и энергозатратности. А именно: человек потребляет для поддержания жизнедеятельности организма, а также расходует при производстве какой-либо механической, физической работы – в четыре-пять раз – повторяю, в четыре-пять раз – больше энергии, больше калорий на единицу массы собственного тела (или работы), чем любое приблизительно равное ему по массе животное.

То есть, человек чудовищно неэкономичен. Его КПД потребления энергии чрезвычайно низок. А абсолютный уровень потребления и выделения энергии чрезвычайно высок. Это отличает человека от всех животных даже на уровне «эффекта Маугли»: огромная энергия расходуется при беге на четвереньках, переваривании сырого мяса и сне на открытом воздухе в любую погоду.

Именно высочайший энергетический баланс дает человеку выносливость в движении, которой нет равных в животном мире. Адаптационный ресурс человека позволил ему приспособиться к любым природным условиям суши (за исключением вечных льдов). Именно уровень энергии обеспечил такую калорийность питания головного мозга (до 35% всей глюкозы организма в состоянии покоя), оставляя сейчас в стороне механику кровообращения и гормональное снабжение.

Сейчас невозможно проверить, но представляется, что именно энергетический баланс неандертальца и степень энергоснабжения его мозга, более крупного, чем мозг кроманьонца, и обусловил его вытеснение кроманьонцем и выпадение из эволюционного русла. Неандерталец был менее энергичен, менее предприимчив и менее умен. А объем мозга подобен объему двигателя: все решит давление в цилиндре, качество бензина, отрегулированное зажигание и пр.

Человек с его энергетикой и его разумом явился на шкале энергоэволюции Вселенной завершением естественной биологической эволюции Земли – и претечей эволюции социальной.

Социальная форма материи

С формированием социума, неолитической революцией и образованием племенных союзов и государств – скорость энергоматериального преобразования окружающего пространства, конкретнее – преобразования поверхности земной коры, близкозалегающих недр и биосферы – повысилась еще на порядки.

Преобразовательная деятельность человека приобрела планетарный масштаб, как справедливо выразился Вернадский. Из добываемых древесины, глины и камней в считанные десятки лет строились огромные здания и города. Уничтожались леса, распахивались степи, прокладывались дороги, рылись каналы.

Энергоматериальное преобразование на этапе социальной формы развития материи, оно же на стадии цивилизации, имеет ряд аспектов:

а) *Информационный*. Человек научается хранить и добывать огонь, термически обрабатывать пищу, изготавливать орудия труда. Шьет одежду, делает все более сложные жилища, одомашнивает и содержит животных. Затем приходит черед лука и пращи, век меди и бронзы сменяется железным, в городах появляется канализация – и так вплоть до ядерной физики и адронного коллайдера.

Ускорение социальной (цивилизационной) эволюции обеспечивается, обуславливается и характеризуется прежде всего уровнем информации, постоянно и ускоренно растущим.

а-1) Период удвоения объема информации, производимой и хранимой человечеством, сокращается в логарифмической прогрессии от примерно определяемого начала человеческой истории, и стремится к нулю на отметке так называемой «точки сингулярности» на отражающем этот процесс графике.

б) *Инструментальный*. Человечество применяет все более сложные инструменты.

в) *Организационный*, структурный, системный. По мере роста численности населения, информации и сложности инструментов – социум приобретал все более сложный, многоступенчатый и дифференцированный характер.

г) *Социально-психологический*. С развитием цивилизации и ростом численности люди вступали во все более сложные отношения между индивидуумами и между группами.

д) Но главнейшим и единым в единой системе отсчета эволюции Универсума – является постоянный рост потребления, переработки и выделения энергии с развитием цивилизации. Энергопотребление растет как в абсолютном исчислении, так и на душу населения. Если слово «энергопотребление» заменить на более точное «энергоматериальное преобразование окружающей среды» – то характер универсальной тенденции будет яснее.

д-1) Американский культуролог Лесли Уайт впервые отметил в статье «Энергия и эволюция культуры» (1949) корреляцию (как он считал) уровня развития цивилизации с ростом потребления ею энергии. Выводов из этого наблюдения он не сделал.

Движение и мотивация

Итак, отметим основные моменты:

- эволюция начальной энергии Вселенной происходит с ускорением;
- с возникновением жизни это ускорение повышается на порядки;
- эволюция жизни сопровождается ростом энергопреобразования организмов по мере их усложнения;
- усложнение организмов сопровождается увеличением и усложнением центральной нервной системы – мозга;
- поведение любого живого организма целесообразно и сводится к самосохранению, жизнеобеспечению и размножению;
- мозг выполняет инструментально-координационную функцию по обеспечению всех действий и процессов организма;
- человек преобразует энергии в разы выше, чем любое другое животное (на единицу массы);
- мозг человека сложнее и потребляет энергии значительно больше, чем у любого животного;
- в процессе социальной (цивилизационной) эволюции люди, структурируясь в сложные социальные системы, преобразуют все большее количество энергоматерии.

К концу XX века н.э. этот процесс постепенно утрачивает созидательный характер, принимая формы все более разрушительные и опасные для жизни на планете. Сейчас необходимо ответить на главные вопросы:

- Каким образом создался современный цивилизационный кризис?
- Если никто сознательно к нему не стремится – то, как его избежать? И возможно ли? И почему он до сих пор не решен?
- Что является его главной, глубинной причиной?
- И почему созидательная деятельность человечества переросла в разрушительную?
- Чем же руководствуется человек во всех своих действиях – в общем и целом, в генеральном направлении, по которому движется цивилизация? Он разумный или нет? Он управляет собой или нет?

Может показаться странным, но наша столь затянувшаяся экспозиция, она же преамбула, подошла к этим вопросам.

Излишние действия

Излишние действия. С первобытных времен человек делал больше, чем требовалось для выживания – и в формах излишних, нежели требовались для простого выживания. Строго говоря, когда у дикаря была теплая пещера с узким входом, служащая надежным жильем и убежищем, вдоволь пищи, огонь и топливо для него, самые примитивные орудия для сражений и охоты, отсутствие опасных врагов, а родовая группа насчитывала достаточно сильных мужчин и плодовитых женщин – уровень цивилизованности достигал необходимой достаточности. Человек занимал место на верху пищевой цепочки. Естественный отбор как природный фактор мог прекращать свое движение – абсолютное доминирование вида было достигнуто.

И однако человек всегда находил себе новые – *необязательные!* – занятия. Он покрывал резьбой дубину, скреплял жилами куски шкур при изготовлении одежды, придумывал сложные обряды и изменял свою внешность татуировками, подпиливанием зубов и сооружением причесок. Строил все более сложные жилища, организовывался во все более сложные социумы, изобретал все более совершенное оружие.

По мере социальной эволюции это превращалось в строительство гигантских пирамид и стоэтажных небоскребов, стремительную смену мод одежды и автомобилей, создание искусств и промышленности игр – и изобретение водородной бомбы. *Вся история цивилизации – это история создания излишних ценностей.*

Открытие и освоение новых пространств. Строго говоря, в его основе лежит инстинкт видовой экспансии – организм стремится заполнить своими копиями все возможное пространство. Этот инстинкт – аспект Закона Всемирной Структуризации на биологическом уровне. Социальные же системы конкурируют между собой и с прочими в пространстве за то, чтобы утвердить именно свою структуру. Побеждает

та, у которой более высокий адаптационный ресурс, более высокий уровень энергопреобразования – проще говоря, та, которая сильнее, мощнее, эффективнее, энерговооруженнее.

Неприкладная деятельность. К ней относятся все искусства, игры, виды спорта, теоретическая наука и философия. Вопрос состоит в том, чтобы понять: зачем и почему человек, заняв место на верху пищевой цепочки и обеспечив себе не просто выживание, но привилегированное место в атмосфере – продолжал социальную эволюцию?

Почему человек, имея необходимое – рискует потерять его и саму жизнь, отказывается от комфорта и идет на трудности и лишения – ради приобретения избыточного и часто иллюзорного?

Этика и эстетика

Происхождение морали, закона и совести. На материале этических категорий главный психологический вопрос социальной эволюции – чего ради человек нередко в трудах и муках отказывается от необходимого в погоне за негарантированным излишним? – обнажается особенно ясно.

а) Закон – существует в любом насекомом и животном сообществе, протосоциуме. Закон – это порядок, превращающих аморфное скопление монад в систему, обладающую новым качеством, которого не имели монады по отдельности. Закон позволяет особям в группе выживать и размножаться с максимальной эффективностью, несравненно более высокой, нежели по одиночке (или поодиночке вовсе невозможно). Закон – это совокупность императивов и табу в группе, поддерживаемых неизбежной карой нарушителю, вплоть до смерти. Механизм соблюдения закона – насилие.

б) Мораль – это также совокупность императивов и табу в группе, но уже не на уровне карающего (или поощряющего) закона, то есть не на уровне внешнего, установленного и исполняемого наказания – но уже на уровне более тонком, уровне общественного мнения и традиций. Мораль определяет разницу между сущим

и должным – категорически предписывая должное и осуждая отходы от него.

В конкретном случае мораль может совпадать с законом – а может отличаться от него. Закон устанавливается властью и может часто изменяться, он подчинен политической и экономической конъюнктуре. Его отправляет администрация власти.

Мораль формируется многими веками и поколениями и выражает систему отношений в народе, которые позволили ему сохраниться, выстоять и подняться до сегодняшнего уровня. Мораль консервативна. Это «что такое хорошо и что такое плохо» по мнению людей, во многом независимом от мнения власти.

Главное: мораль – это более тонкая «система настройки» в обществе, нежели закон. Предписанное законом может осуждаться моралью, наказуемое законом – моралью поощряться, а главное – незамечаемое законом, который «не занимается мелочами», может вызывать сильную моральную реакцию в людях. Когда закон молчит, когда закон не видит – мораль все равно подмечает и выносит свой приговор. Мораль – это еще и уравнивающий балансир закона. Мораль выше закона в людском мнении.

в) Совесть – самая тонкая система настройки отношений в человеческой группе. Если закон – это силовое предписание социальной иерархии, мораль – эмоциональное давление общественного мнения, то совесть – это регулятор отношений, предписывающий должное, который «изнутри встроен» в человеческое сознание (подсознание) для корректирования отношений даже тогда, когда воздействие закона и морали исключено.

Совесть – это закон и мораль внутри каждого. Совесть – это самый глубоко укорененный в личности механизм межчеловеческих, внутригрупповых отношений, позволяющий группе существовать, выживать и побеждать.

Таким образом, закон, мораль и совесть имеют единое происхождение и единую направленность – обеспечивая единство группы и позволяя людям в группе развивать

максимальные усилия и совокупно производить максимальные действия по энергопреобразованию окружающей среды. К чему сводится в конечном итоге любая деятельность.

Красота. Любой пейзаж, интерьер, плоское или объемное изображение чего-либо – всего лишь набор красок и линий, который зрением животного или насекомого воспринимается совсем не так, как человеческим. Излучение предметами волн разной длины само по себе в природе никакой эстетической ценности иметь не может – в отличие от картины, которая складывается в мозгу человека при зрительном восприятии этих волн.

Под красотой понимается совокупность формальных особенностей объекта, вызывающих «эстетические чувства» адресата – воспринимающего информацию зрителя (слушателя). Человеку свойственно чувство красоты. Насколько он способен испытывать это чувство и насколько оно глубоко, при зрительном (слуховом) контакте с объектами какого характера и в каком диапазоне возникает – это зависти от «эстетического развития» адресата.

То есть, несмотря на попытки и случаи математического анализа красоты как объективного свойства объекта («золотое сечение» в архитектуре, пропорции тела в живописи и т.д.) – красота как свойство конкретного объекта субъективно – даже если эта субъективность носит почти всеобщий характер.

Основным отличительным свойством объекта-носителя красоты является невозможность потребить его: то есть от рассматривания (прослушивания) объекта красоты – сам объект и его красота совершенно не расходуются, не меняются, не уменьшаются (картина, скульптура, здание и даже спортивный автомобиль). Объект как носитель красоты – своего рода фетиш: он служит для «наведения» чувства прекрасного в адресате-субъекте.

Если человечество исчезнет – то вряд ли сохранившиеся материальные носители красоты вызовут то же чувство у инопланетных пришельцев, сформировавшихся в иных цветовых и линейных гармониях. Самое простое: закат над морем – не более чем объективная картина

природы. Красивым эта картина воспринимается человеком. Почему? Зачем? А потому, что энергетически – и как следствие эмоционально – избыточный человек имеет потребность испытывать сильные положительные эмоции. Стремление к сильной положительной эмоции – это мотивационный механизм стремления к действию, где эмоция будет обозначать достижение намеченной цели.

...Эмоциональный механизм человека рационален в своей основе – но неразборчив и слабо дифференцирован в выборе объектов приложения. Эмоциональный ресурс и диапазон человека в основном задан от рождения типом нервной системы – и требует реализации. Вследствие чего человек способен испытывать самые разные эмоции от контакта с самыми разными объектами и при самых разных целеполаганиях.

Эмоции и разум

Счастье редко и недолго – потому что это некое определенное состояние полного удовлетворения: реакция максимального довольства от конкретного положения человека в мире объектов. Это достигнутая цель. Это эмоциональный идеал бытия. Счастье продолжается настолько долго, насколько долго сильнейшие положительные эмоции, возникающие в связи и вследствие определенных внешних обстоятельств, сохраняют свою интенсивность.

В силу устройства человеческой психики – многократная повторяемость и длительность желаемой ситуации постепенно ослабляют эмоциональную реакцию на нее. Привычка убивает счастье, как гласит традиционная формула. И раньше или позже возникает (а вернее – возвращается) чувство неудовлетворенности. Что-то не так. Что-то устроено не лучшим образом. Что-то хорошо было бы подправить.

Еще счастливый вчера в тех же обстоятельствах – часто человек испытывает чувство неудовлетворенности своей жизнью, даже не в силах сформулировать, что же именно его не устраивает. Главное: зачастую внешне счастли-

вый человек испытывает чувство неудовлетворенности своей жизнью – даже если не знает, что именно его не устраивает.

Счастливый человек хотел бы в идеале продлить миг счастья до вечности. Но Бытие, движение и изменчивость – в нашем случае синонимы – постоянно изменяются как мир объектов, так и эмоциональный мир субъекта.

Достигнутое счастье – это максимальное эмоциональное стремление сохранить статус-кво окружающего мира в личных интересах.

Погоня за счастьем – это эмоциональное стремление переделать мир согласно личным интересам.

Поскольку изменчивость – одно из качеств Мира, переживаемое счастье не может быть устойчивым и долгим, а погоня за счастьем – перманентный процесс. Погоня за счастьем – аспект деятельности по переделыванию (энергоматериальному преобразованию) мира.

Свойственная человеку неудовлетворенность существующим положением и потребность улучшать, совершенствовать, дополнять и т.д. все объекты и процессы, с которыми он может быть причастен – это аспект психологической мотивации к энергоматериальному преобразованию мира.

Смысл и польза страдания, о чем говорили мудрецы всех эпох – в том, что *страдание – это сильнейшая эмоциональная потребность изменить существующее положение вещей*. Все свои мысли и силы страдающий человек направляет на то, чтобы изменить положение вещей, внешние обстоятельства, заставляющие его страдать. *Страдание изменяет мир*.

Эмоции базового уровня являются мотивационным механизмом удовлетворения физиологических инстинктов. Они направлены на обеспечение физического выживания и размножения организма.

С использованием инструментальной функции разума, на высоком уровне энергетики организма, базовый эмоциональный комплекс явился мотивационным механизмом созидательной деятельности человечества в нарастающей ее объемах и качества. Это касается первого и второго этапов развития цивилизации:

формирования «человека группового» как «человека деятельного», использующего огонь и орудия труда – и последующей неолитической революции с появлением «человека землеобрабатывающего», «человека социально-политического», когда закладываются основы будущих цивилизаций со сложными социальными структурами протогосударств и строительством городов.

Человек имел потребности в безопасности, пище и семье с сексом и потомством – и в процессе их удовлетворения пришел к племенному социуму с сельским хозяйством.

Главнейшая и принципиальная черта эмоционально-психологического (если допустимо так выразиться) мотивационного механизма человека заключается в том, что если базовые физиологические потребности человека легко перечисляемы и удовлетворимы – то потребности социальные не могут быть удовлетворены в принципе.

Неудовлетворимость социальных потребностей вытекает из самой природы человека. Из его *энергетической избыточности*. Из сильно неравновесного состояния человека как элемента в природной системе. Человек по природе своей – создатель *излишних ценностей*. Он обладает имманентной потребностью совершать действия и производить предметов больше, чем необходимо для его личного и видового выживания.

Именно энергетическая избыточность, как отмечено выше, выделила человека из животного мира и поставила над ним. Необходимо постичь важнейшее и простое положение, непонимание которого обрекло на крах все социалистические движения и коммунистические идеалы прошлого, настоящего и будущего: *полное удовлетворение потребностей человека невозможно в принципе*.

Полная потребность относится к любому наличному уровню благ как ускорение к скорости. Какой бы не была скорость – но куда сохраняется ускорение, она будет расти.

Именно это ускорение, имманентная неудовлетворенность имеющимся, потребность действовать и создавать сверх необходимого – и

привели нашу цивилизацию на современный уровень, небывало высокий в истории. Именно это качество толкало человека на новые открытия и изобретения. По той же причине возникали бессмысленные развлечения и ненужная роскошь.

Стремясь к самоутверждению, богатству и власти, снedaемый жаждой славы и золота – человек структурировал социум в сложнейшие иерархии и изо всех сил старался влезть как можно выше по иерархической лестнице. А объективно – элементарные частицы и атомы, скомбинировавшиеся на несколько десятилетий в людей, складывались во все более сложные социальные системы – которые совокупно захватывали, перерабатывали и выделяли все больше энергии.

В этом – великая опасность и парадокс последнего полувека. Человек продолжает и наращивает производство ненужных вещей, добывает и расходует все больше ненужной энергии, при этом продолжая уничтожать природу собственной планеты и делая ее все менее благоприятной для жизни. Одновременно бюрократические структуры приняли гигантские, сверхразумения и смысла, размеры, будучи парализованы собственной громоздкостью. (Выход в будущее? Проблемы демографического схлопывания, искусственного интеллекта, киборгизации и трансгуманизма выходят за рамки данной статьи.)

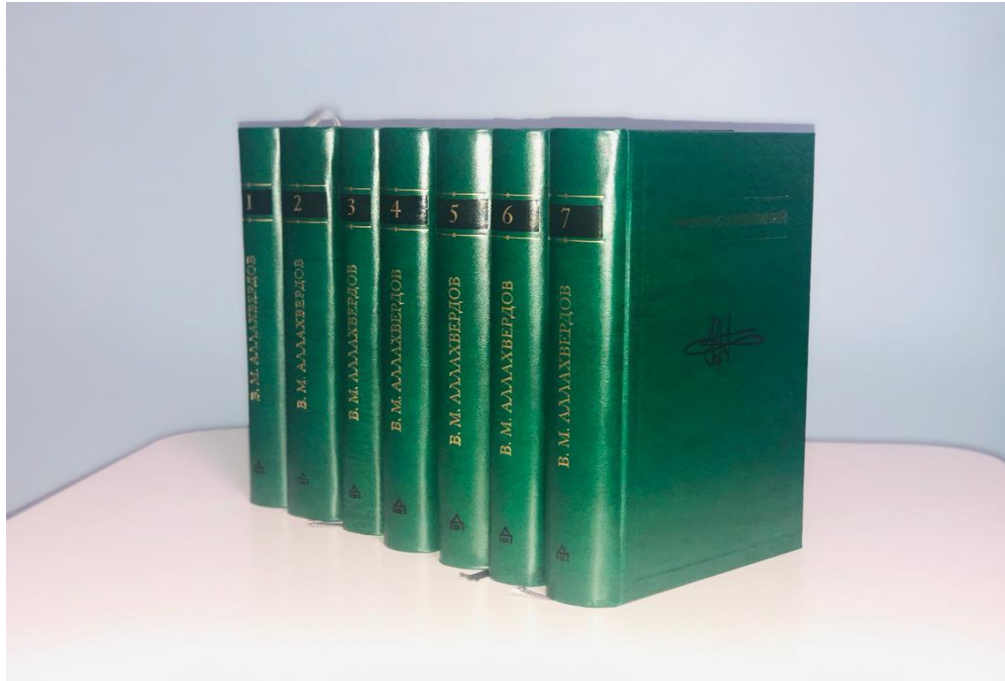
Таким образом, энергоизбыточность человека, его эмоции и разум – которые вытекают одно из другого, являясь единым целым – и есть движущая сила, мотивационный и рабочий механизм, рабочая основа и суть Истории.

История же есть последовательность всех действий человечества в их взаимосвязях и взаимообусловленностях. Суть истории – в социальной эволюции, объективная же суть социальной эволюции – в росте преобразования энергоматерии. Разумеется, цели отдельного человека, групп и цивилизаций декларируются и понимаются совсем иначе – на уровне разума. Разума, который служит человеку инструментом для удовлетворения собственных потребностей под влиянием собственных эмоций.

Высшая нервная (высшая психическая) деятельность человека единственно и может лежать в основе Истории. Это выглядит теперь общепонятным. То, что и психология человека, и движение Истории есть элементы единой энергоэволюции как формы существования Вселенной – представляется автору новым и примечательным.

P.S. Впервые эта (гипотеза, теория, философское обобщение) была сформулирована и опубликована в рассказе «Шаман» (1988), романе «Звягин» (1991), романе «Самовар» (1996) и философском трактате «Все о жизни» (1988).

P.P.S. Автор затрудняется представить список использованной литературы, поскольку перечень, от Гераклита до Рэймонда Курцвейла и Даниэля Канемана, составил бы неопределенное количество порядка скольких-то сотен наименований. Ссылки на эксперимент С. Аша или «Генетику этики и эстетики» В. Эфроимсона, хрестоматийные труды Фрейда и Юнга, «Основания социологии» Г.Спенсера или «Человека убежденного» Э.Хоффера и «Инстинкт и социальное поведение» А. Фета и пр. не могут быть отнесены к конкретным местам в тексте статьи, являясь предварительной подготовкой к работе вместе с прочими источниками.

Уважаемые коллеги,

в конце 2021-го года к 75-летию юбилею замечательного ученого, активного участника заседаний Академического дискуссионного клуба ИП РАН и члена редколлегии нашего журнала доктора психологических наук профессора Виктора Михайловича Аллахвердова в свет вышло его собрание сочинений в 7-ми томах.

Вступительные слова к каждому тому были написаны коллегами и друзьями автора. Среди них: член-корр. РАН, д.пс.н. Д.В. Ушаков;

член-корр. РАН, д.пс.н., профессор А.В. Юревич; член-корр. РАН, д.пс.н. профессор В.Ф. Петренко; доктор искусствоведения, профессор В.А. Гуревич; к.пс.н. Н.В. Морошкина; д.пс.н., профессор Т.Ю. Базаров.

Издание посвящено широкому кругу сложных вопросов, которые волнуют автора. Это психология сознания, подсознания, искусства, логика и методология науки и другие.

Мы желаем автору долголетия, новых открытий и творческих успехов.

Редакция журнала «Ученые записки
Института психологии РАН»